

22 ИЮНЯ

«Русский литературный центр»

2018 год

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

М67

М67 22 июня / Поэзия. Проза. (Сборник). — М: «Русский литературный центр», 2018. — 280 с.

Собрание сочинений, под обложкой которого собраны произведения 267 современных авторов — редкое явление в наше время. Тем более, если речь идет только о писателях XXI века. Некоторые из представленных в книге авторов известны только в отдельных регионах России, другие вовсе живут и пишут за пределами Родины, а третьи популярны в интернете.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00014-195-3

© «ГОСП», 2018

© ИД Национальное агентство по печати и

СМИ «Русский литературный центр», 2018

Отдавая дань памяти жертвам Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а также жертвам всех войн за свободу и независимость нашего Отечества, п о с т а н о в л я ю:

1. Установить, что 22 июня - День памяти и скорби.

В День памяти и скорби на территории всей страны: приспускаются Государственные флаги Российской Федерации; в учреждениях культуры, на телевидении и радио отменяются развлекательные мероприятия и передачи в течение всего дня.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации

Б. Ельцин
Москва, Кремль
8 июня 1996 года

Вступительное слово

Россия, Украина, Белоруссия – какой бы ни была политическая ситуация в мире, для наших трех стран 22 июня навсегда останется важным и памятным днем.

Днем, что напоминает нам обо всех погибших в боях, о замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений. Мы скорбим по всем, кто в те непростые времена защищал и прославлял отечество.

Данное издание решено сделать ежегодным, чтобы защищать память о нашей непростой истории в те годы. Пускай, сейчас часто любят переписывать события прошлого. Но пока живы писатели, что сумели прочувствовать всю тяжесть того военного времени, благодаря общению с защитниками нашей Родины – мир будет помнить и искренне чтить такую важную дату, как 22 июня.

Сборник, который вы держите в руках, дорогой читатель, свидетельствует о подлинном интересе современных писателей к отечественной истории. Авторы со всех уголков нашей станы откликнулись на приглашение принять участие в составлении книги. Можете принять участие в поддержке Дня памяти и скорби и вы! Достаточно поделиться впечатлениями о прочитанном в социальных сетях с хештегом #22июня, рассказать о прочитанном друзьям или просто, подарить близкому человеку эту замечательную книгу!

**Ваш,
Никита С. Митрохин
редактор-составитель**

ПОЭЗИЯ

Нелли КОПЕЙКИНА

Перерыв на войне

*Как тихо, нежно, просто диво!
Шмель вьётся над цветком крапивы,
По полю важно ходят цапли,
Траву приукрашают капли*

*Росы, что испарится скоро.
Вон мышка что-то тащит в нору,
Какой-то птицы нежный свист.
Вот с дерева сорвался лист.*

*Кружится вниз. Сентябрь уж скоро.
Вот мышка вновь полезла в нору.
Гнездо устраивает, верно.
А Леночка моя, наверно,*

*Алёшу в школу собирает.
Алёша азбуку всю знает,
Считает бойко до трёхсот.
А вдруг он в школу не пойдёт?*

*Вдруг школы все в войну закрыты,
Вдруг в школе окна все разбиты,
Нет отопления впридачу.
Детишкам где ж решать задачи?*

*А Лёше нужно в первый класс.
А это что? Свистит фугас.
Поднялись цапли, улетели,
Незримой птички смолкли трели.*

*Увы! Окончен перерыв.
И тишину ломает взрыв.*

Могила неизвестного солдата

*Его нашли в овраге в сорок пятом,
Засыпало землей при взрыве бомб.
Вонзился в грудь кусок стальной проклятый,
Беда явилась с фронта в отчий дом.*

*Исполнилось парнишке восемнадцать.
Была пилотка воина к лицу.
Он не сумел из насыпи подняться...
Смерть подобралась подлая к бойцу.*

*Над насыпью виднелась часть пилотки
И привлекла прохожих зоркий взгляд...
Теперь в граните воин на высоте.
Стоит почетный караул ребят.*

*В весеннем небе мирные салюты.
Как хорошо! - Не слышно взрыва мин,
И радуется восход прекрасным утром!
Не зря погиб в войну России сын.*

*Цените, люди, время, мир храните!
Пусть радуется весеннее тепло.
Не встретил Дня Победы он, простите,
А нам жить в мире чудном повезло.*

Сергей ДЕМИДЕНКО

«Три поколения. Стихами о войне»**ВНУК****Память о дедах. Разговор с тёзкой из США**

*Мне важны мировые ценности
Пушка-Царь, Колизей, Биг-Бэн.
Ты стоишь у Гудзона в ревности
Чуя ложность «холодных» стен.*

*Помнишь, Майкл (Михаил по-нашему)
Разбивал нам причёски шквал ?
Вспомни Мальту, толпу шумящую
Ты спросил меня: «Деда знал ?»*

*- Да, а ты? – Фотография. Эльба.
Встреча с русскими. Вверх пальба.
- Не дождался меня. Хотел бы
Внука нянчить. Жёстка судьба!*

*Бой, Вьетнам, в грудь огонь отчаянный
Калаша*, что в расправе скор.
Мать с отцом только флаг встречали
19 на 10**. Вздор,*

*Чушь и лепет, досужие бредни
Про опасность и коммунизм.
С Красной армией бой последний
Мир спасал, задушив фашизм.*

* – Калаш – автомат Калашникова.

** – 19 на 10 – пропорциональные размеры флага

США. Ну а мы с тобой, Мишенька, вместе
 Тех задушим, кто сеет страх.
 Про единство армейской чести
 Мир хранящей, забыл на днях

Дедов память с умом и зрелостью,
 Не дадим растворить во мгле
 Сохраним мировые ценности
 Для потомков на всей Земле.

ОТЕЦ

Знание о красоте. Михаилу Лямцеву 1923 г. р.

Почему так красивы внучки

дяди Миши – солдата бывшего?

В 18 он стал им в далёком Сорок первом году суровом.
 10 суток сидел в окопе. Под Москвой воевал дядя Миша.
 Очень холодно было юноше.

Не курить! Было ротного слово.

А зима в январе под Москвою

тоже с фрицами посражалась.

Намело здесь сугробов много и морозцу под 30 стало.

В нетерпении ждали солдаты

в снежном пухе, укрывшем окопы

Ну когда же в атаку прикажут?

Гнать и гнать бы вражину чтобы.

Наконец пронеслось: «За отчизну!

За вождя и за Родину, братцы!

Наш солдат из окопа выскочил,

чтоб сразиться с проклятым фрицем

Побежал, но повсюду взрывы и не всем до врага добраться

Дяде Мише осколка жало

в позвоночник смогло вонзиться.

«Комиссуем тебя, братишка!»
 Слезы льются – в них боль и обида.
 Не хочу с костылями прыгать –
 воевать мне а не инвалиду!
 И рванулся на фронт дядя Миша,
 не смирившись с убогой долей,
 Злую боль умом прогоняя,
 разбросав костыли лишь волей.

Ну а дальше – вода по пояс,
 артрзведка под Петрозаводском.
 Ровно час нужно не шевелиться, наблюдая врага движенье
 А потом через гниль и жижу окружающего болотца
 Слыша пульт свист над головою капитану нести донесенье.

И молился наш дядя Миша
 всем богам в болотном сраженьи
 И просил для себя лишь пулю –
 прекратить чтоб своё мученье.
 Но просил, видимо, по-нарошку. Не нашла его злая пуля
 А нашли лишь медали и слава. И надежду ему вернули.

Ту надежду на тихую радость,
 отдалённую и непонятную
 Капитан что впервые занял, до краёв стакан наливая
 Говоря дрожащему парню:
 «Лямцев, пей! Километр обратно»
 И обратный путь был привычнее, но не легче – я это знаю.

Знаю так же, как то, что из леса, где корили сегодня иву
 С дядей Мишей – отцом и дедом –
 мы выходим вдвоём счастливыми.
 Эта истина о сохранении
 не исчезнет в столетьях – я знаю!
 Дяди Миши солдатская слава - красотой произрастает!

ДЕД

*Мой дед ушёл в века, расправив плечи.
07.07.1937 - 02.09.1945
(годы второй мировой войны в Китае)*

*Китаю есть, чем в этот день гордиться
Пришёл конец восьми годам войны
Россия – друг! Мы разные на лица,
Но Родине мы – верные сыны!*

.....

*Рассказывал мне дед, сметая крошки,
Их аккуратно засыпая в рот:
«Конечно, помогли мы им немножко,
Уж больно симпатичный там народ.*

*Сильны японцы. Злобные как звери,
Фанаты все, какой там к чёрту плен!
Пешком Китай прошли, открыли двери
В мир будущий, подняли их с колен.*

*Помчались поезда и очень внятно
Туда идут, стучат: «Мука – пшено»
«Духи – одеколон» - идут обратно,
Ответный стук мне радостью в окно».*

.....

*Знаком Европе этот довод хамский
« Заполонил китайский ширпотреб ».
Я помню всё, я помню про Даманский,
Как «ел» студентом этот «горький хлеб».*

*Разрез у глаз иной, иные ноты
У песен праздничных, их тоньше суть.
Крестьянин – муравей. Полно работы
На поле истощённом – не заснуть.*

*У инженеров – логика простая:
Чем раньше новшество войдёт к нам в быт,
Тем больше мощи будет у Китая
А мой завод тем больше знаменит.*

*И вот уж Старший брат готов учиться
Ротациям для партии родной:
Из коммерсантов – руководства лица
И МАО с ними рядом, как живой!*

*А мы удивлены ракетным стартам,
В чём Младший брат догнал и преуспел.
Зелёный цвет у карты, мирный атом,
И армий мощь – противников удел.*

.....

*Мой дед ушёл в века, расправив плечи
И чёткий строя шаг на Тянь-ань-мень
Сегодня для него. Цветы и речи
Мерилу Славы с Дружбой в этот день.*

Пел соловей

*Жил соловей на вербе у реки,
Каждый день сидел на ветке у воды.
Песнею своей он провожал закаты,
Трелью, ввысь звеня, он зазывал рассветы.*

Припев:

*Пел соловей о радостях земли,
Пел соловей о счастье и любви!
Пел соловей о родине своей,
Пел соловей о тишине полей.*

*Сладкою молитвой щебетал Творцу,
Дивным переливом славил красоту,
Славил не доживших, до весны победной,
Воинов лежащих, у камней под вербой.*

Припев.

*Вдруг однажды люди злые подошли
Дерево срубили и огнем сожгли,
Камни своротили бросили в реку
Берег истоптали принесли беду.*

Припев.

*Речка небольшая зашумела морем,
Берег затопила расквиталась с горем.
Вдоволь напоила вербные ростки
Вновь вернулись вскоре птичьи голоса*

Припев.

Люди бeрегитe пeсню соловья,
 Воинов могилы помните всегда.
 Пусть поет соловушка с ночи до рассвета
 Песня соловья- восьмое чудо света.

Прыпеў.

Маці мая - Беларусь

Раніцай ўстану яшчэ да сьвітаньня,
 Гонамам птушкі абудзяць мяне,
 Зорка падміргне на развітанне,
 Босым, бадзёрым пайду на расе.
 Прыпеў:
 Выйду прайсціся ў ружовым усходзе,
 Краем радзімым якім ганаруся,
 Бачыць як ходзіць у палей карагодзе,
 Любая Маці мая Беларусь.

Прыпеў.

Складна ў сукенцы яна васільковай,
 Ў жытнім палетку збірае махры,
 Тут гаспадыняй снуе паспяховай,
 Ў поле бульбяным згартае бурты.

Прыпеў

Вось заплятае ў палетку пшанічным,
 Золатам косы трымая ў стагі,
 Песня пальцеца вадою крынічнай,
 Сумам у небе гукнуць журавы.

Прыпеў.

*Пойдзе далей накланіцца магілам,
Тым дзе сыночкі у вайну поляглі,
Ціха подыдзе з малітваю-гімнам:
Вечная памяць, вам, дзеткі зямлі!*

Прыпеў.

Повар

*В одной обители святой,
На свете коих есть немало,
Трудился повар непростой
В нем кровь восточная витала.*

*Приятен был для всех душой,
Готовил славно, пек хлеба,
Как он дружил с одной мукой,-
Никто наверно никогда:*

*Блины, пирог и каравай,
Кулич пасхальный – все прилично,
Что хочешь право называй,
Без книги стряпал на "отлично".*

*Веселый был, шутить любил,
Поговорить без злобной речи,
И словно овощи тушил,-
Он меру знал у жаркой печи.*

*Недавно вдруг оповестили,
Что нет его, лежит в земле.
И в путь последний проводили,
Не сообщили только мне.*

*В отъезде был я далеко,
Он мне не родственник конечно,
Но грустно стало все равно,
Душа ушла его навечно.*

*Поплелся в храм, поставил свечку,
И панихиду заказал,
Присел на лавку у крылечка,
Беседы наши вспоминал.*

*Как мы сидели в этом месте,
Вели о жизни разговор,
И обсуждали мира вести,
Злу присуждая приговор.*

*Спросил его: откуда родом?
И к Богу как скажи пришел?
-Родился я и жил с народом,
Что с Моисеем перешел.*

*Чрез дивное чермное море,
Блуждая после сорок лет,
Смиряясь перед Богом в горе,
Стремясь вселиться в новый свет.*

*Я в Белоруссии родился
И перед самою войной,
Нежданно вдруг осиротился,
покинул сразу дом родной.*

*У тети дальней поселился
В селе под Минском небольшим,
С её семьёю сразу слился
Учиться в школу там пошел.*

Пришла война, а мне тринадцать,
 Фашист повсюду и беда,
 Ребят согнали нас пятнадцать
 Копать у леса как всегда.

Копать глубокую траншею
 Убитых после засыпать.
 Ведут кого-то, я бледнею,-
 Евреев смертушку вкушать.

Они в селе соседнем жили
 Общиной целой и раввин,
 Поставили. Трясутся жилы.
 Вдруг немец вышел к ним один.

И поманил раввина пальцем,
 Промолвил: "Го-во-рит им слово"!
 Всех осмотрел огнем-румянцем
 Конфеты дал девчушкам, мальчикам.

И позади раввина встал.
 Я про учителя подумал:
 Что в сердце он своем искал,
 Что ценное возьмет оттуда

И слово словно бриллиант,
 Сверкнет бесценною строкою.
 Но громом грянул арестант,
 Блеснул как молнией, стрелою:

"Друзья мои, отцы и братья!
 Беда пришла к нам неспроста
 Из древности идет ненастье
 Идет от Божьего перста.

*Что там, когда-то, наши предки
Распяли Божьего Христа
Отсек за это наши ветки
Отец от Божьего ствола.*

*И пусть сегодня нашей кровью,
Крестимся в Бога и Христа,
Прости же нас, прими с любовью,
Ты наши души в Небеса".*

*Нажал курок стоявший сзади,
И резво пуля пронеслась,
Раввин упал, лишь кудрей пряди,
Играли с ветром не боясь.*

*А взгляд его унесся в дали,
В которых вечность отыскал,
Как будто там его встречали,
И сам Господь пред ним предстал.*

*Свистели пули плоть вздымая,
Взлетая падали тела,
Собою яму заполняя,
Я в страхе закрывал глаза.*

*Уж сколько лет прошло оттоле,
Но не забыть мне ту войну.
И тех умерших поневоле,
Забыть раввина не могу.*

*Его своим считаю крестным,
Что словом веры озаря,
Своим поступком судьбоносным,
Он пробудил меня не зря.*

Я убежал тогда в обитель
 И пребывая всю войну,
 Трудился будто как служитель,
 Мне дали келию свою.

Конечно сразу покрестился,
 Писанье начал изучать,
 Готовить там же научился,
 Кадило в храме разжигать.

Столярничать, одежду шить
 Рубить дрова и не гордиться,
 Немного даже пошутить,
 Все в жизни может пригодиться.

Война закончилась, однажды
 Влюбился в деву я одну,
 Вкусив страданий сладкой жажды,
 Увез ее в свою судьбу.

Детишки выросли давно
 И разбрелись по белу свету;
 Испивши вечности вино,
 Ушла супруга к Богу-Свету.

Обитель-пристань снова манит
 Сюда приехать всякий раз,
 Уеду - память вновь затянет,
 Закончу здесь судьбы рассказ.

Застлали слезы церкви виды,
 Подумал я - наверно он
 В небесном храме из апсиды
 С раввином смотрят мне в упор.

*И знаю точно, в Божьем Доме
С раввином встретились они,
Листая в памяти - альбоме,
Земные вспоминая дни.*

*Благодарят Владыку мира
За то, что путь им осветил;
Коснулась сердца божья лира;
Познаьем правды вразумил.*

*Помянем их в своей молитве,
Они помолятся за нас,
За то, что выстояли в битве,
За всех родных на всякий час.*

*Отец Небесный в дивном Свете,
Мятежных души упокой.
И прояви ко всем на свете
Ты безупречный промысл свой.*

Они пропали

*Помню годы после войны,
Солдаток горячие слезы,
Так долго хотели они тишины,
Победа пришла, остались лишь грёзы.*

*Кто жизнь свою отдал в бою,
Того воскресить невозможно.
А тех, кто пропал не в строю?
Надежда живет, - значит ждать ещё можно,*

*Повергнуты наземь наши враги
И знамя блестит над Берлином,
Но к почте бегут, натянув сапоги,
Кто встречи ждет с мужем и сыном.*

*Как хочется видеть живых,
Как трудно поверить в пропавших,
Ребят, сердцу нам дорогих,
Любви до конца не познавших,*

*А сколько любимых отцов, матерей
Получат повестки о павших,
А сколько живут одиноких семей,
Кормильцев в Чечне потерявших?*

*В бессмертье ушедшие ждут,
Глядят сквозь туман, небосклоны,
А в сердце у нас никогда не умрут,
Мы встретимся с ними под звоны.*

История Донская

*Шла война беспощадно – жестокая,
А над степью усталую – стон,
Революции бури примчались далёкие
На героически прославленный Дон.
Не нужны им казачьи заслоны,
Позабыта история подвигов их,
Тучи чёрные двинулись к Дону,
Чтобы вольности дух весь казачий притих.
А в гражданскую Дон всполыхнулся ретиво,
Поднялись эскадроны за долю, за честь
И оттенок сочувствия к белым незримо, -
По станицам гуляла та важная весть.
Отгремела война, жизнь настала другая,
Не Булавина власть, - власть Советов пришла
И судьба повернулась к казакам иная,
Видно славная доля казачья ушла.
Часть донцов боевых уплыла за границу,
А другая осталась ещё воевать
И шумели курганы, да вороны – птицы,
Но никто не хотел просто так умирать.
Нам назад не вернуть те суровые годы
И у власти Советской ошибок полно,
Только Честь и Геройство не выйдут из моды, -
Доказать этот факт казакам суждено.
На войну в сорок первом фашистские орды
На Россию послали, на Дон свою рать,
Но казаки донские народ хоть и гордый,
Кто остался в живых, - все ушли воевать
Позабыты обиды, попритихли страданья
И в станицах по Дону не всё отлегло,
Но головушки клали за честь, не за званья
И несметно казаков в боях полегло.*

*Не хватает нам в жизни ушедших героев,
 Помнит их поимённо вся Донская земля,
 Эй, казаки, наполним стаканы и стоя
 Выпьем памяти горькую чарку до дна.
 Собираются души на Круг и на встречи,
 Нет там бурь и обмана, измены и зла,
 В Храме Божьем поставим молебные свечи
 За героев донцов, что судьба отняла.*

Салют ветеранам

*Застыли тени крыльев,
 Гудят самолёты во мгле,
 Плачет небо от пыли,
 Снаряды летят к земле.*

*Льются свинцовые трели
 В атаке на вражьи окопы,
 Вчера там птицы пели,
 Сегодня бой жестокий.*

*Кто-то взмахнул нелепо,
 Выжить ведь так непросто,
 Душа улетела в небо,
 В другой, незнакомый остров.*

*Не станет Россия, распятой,
 Взят в Берлине рейхстаг,
 Победа пришла в сорок пятом,
 Так будет во всех веках.*

*Уходят от нас ветераны,
 Слава героям бойцам,
 Им жизнью обязаны страны, -
 Салют нашим дедам, отцам!*

Счастье судьба подарила

*Дождь шаловливый и пёстрый,
Словно весенний разлив,
Бился нещадно и остро
О веточки плачущих ив.*

*Всадник скакал по дороге,
Вязли копыта в песке,
Лошадь хромала на ногу,
Был хуторок вдалеке.*

*Мощным потоком ретивым
К нему подступала река,
Дивчина с конем белогривым
Была на пути казака.*

*Он разговор с ней заводит,
Где подлечить мне коня?
С девушки глаз он не сводит, -
Может, накормишь меня?*

*Я за Россию сражался
За Тихий Дон воевал,
Жребий суровый достался:
Всех я родных потерял.*

*Видел пруды и колодцы,
Плавал в берлинской реке,
Место в станице найдётся
Сделать привал налегке?*

*Девушка скромно зарделась,
К дому героя ведёт,
На казака загляделась, -
Всё, твой закончен поход.*

*Шли они торной тропой
В цвете прекрасной весны, -
Люди с похожей судьбою
Дону, России нужны.*

*Счастье судьба подарила,
Встретились двое в пути,
Сердце казачки раскрылось,
Вместе им в жизни идти.*

Фортуна обошла солдата

*Жизнь нам Богом одна дана,
А завтра в бой идти опять,
За нами Родина наша, страна,
А впереди фашистов рать.*

*Конечно страшно, что мудрить,
А пули-дуры не играют,
Хотят все жить и победить,
А это сложно, каждый знает.*

*Гремит команда: в бой, вперёд!
Ракеты звон, сигнальный выстрел,
Рванул по полю вихрем взвод,
Лишь о победе были мысли.*

*От взрыва падает дружок,
Бурьян подмял, ушёл навеки,
На взлёте голос его смолк,
Душа ушла в другие реки.*

*Мы славим падших и живых,
Бойцов, героев – ветеранов
И поколение молодых,
Что поседели слишком рано.*

Вспомним Войну и Победу

Отцу Антиму

Время суровое, грозные годы
Были для нашей страны,
Взрывы снарядов, пламя, невзгоды
Стали началом войны,
А в сорок первом, когда отступали,
Кровью проложен тот путь,
Но Мать – Россию мы не отдали,
Погибших уже не вернуть.
Пули о каски стальные стучали,
Танки фашистов ползли,
Вместе со смертью в обнимку бывали,
Сотни героев навечно ушли.
И все патроны, истратив без счёта,
Шли в штыковую, в лоб,
Сметали врага Пехотные роты
Крича и горланя взахлёб.

На Юг и на Север летели вагоны,
Мчались тревожно один за другим,
Тыл доставлял нам снаряды, патроны,
Знали, врага победим.
Снова в строю поредевшие части,
В атаку, за Родину, в бой,
Мы воевали за вечное счастье,
За право гордиться судьбой.

Красным рубином флаги горели,
Чтобы воскреснуть в огне,
Бойцы умирали под звоны метели,
Всё ближе к победной Весне.
Подвиг бессмертный герои свершили,
Свободу смогли отстоять,
Ну, а в Берлине фашистов доби́ли,
Счастлива Родина – Мать.

Уже позади фронтовые дороги,
 Победа наш праздник святой,
 Стоят Победители, лица их строги,
 С тяжёлой военной судьбой.
 Сурово гремели майские грозы, -
 Напомнили всем о войне,
 Блестят ордена, медали и слёзы,
 Победный салют в вышине.

Припев:

Выпьем чарку за нашу Победу,
 За солдат нашей славной страны,
 Кто отвёл от России все беды,
 За бойцов этой грозной войны!

Слава

*В сорок первом суровом году
Пограничники насмерть стояли,
Было летнее небо в бреду,
Погибали, но знамя не сдали.*

*И осталось немного солдат,
Отражавших атаки фашистов,
Ранен тяжело любимый комбат,
Полегли смертью храбрых радисты.*

*Геройски бойцы сражались,
Потеряв командира в бою,
А с багряным рассветом прорвались,
Растворились в горящем краю.*

*Воевали мальчишки, выросли
И победная слава пришла,
Пережили бои и метели,
Их судьба в те места занесла.*

*Наклонивши затылки молчали,
Память сердца хранила печаль,
Все в наградах солдаты стояли,
Пред комбатом застыли, как встарь.*

*Над рейхстагом горит флаг Победы
И салютом орудья гремят,
Слава павшим, родителям, дедам,
Повернувшим историю вспять.*

*Улетели их души, как птицы,
Не найти никогда их следы,
Остаётся лишь Богу молиться
И сажать на могилах цветы.*

Память

*Пацаном помню годы войны,
Ведь для этого были причины,
Было тяжкое время страны,
Жили в тесных домишках из глины.*

*А война всех отметила болью,
В день начала ее был рожден,
Изошла моя матушка кровью
И я чудом был ею спасен.*

*Под пристройкой у самого дома
Погреб был и большая скамья,
Дно его крыто старой соломой
Здесь спасалась вся наша семья.*

*Батя был до войны трактористом,
Финов бил и других иноземцев,
На вторую ушел он танкистом,
Поливал рать фашистскую перцем.
Мудрым, храбрым отмечен в боях он,
Дважды с плена от фрицев ушёл,
Рисковал, ставил жизнь свою на кон,
До Берлина почти что дошел.*

*Радость встреч мы потом познавали,
Был конец, крест поставлен войне,
Мы отцов своих с фронта так ждали
В той далекой, победной весне.*

*А земля силу вновь набирает
И донские в тюльпанах поля,
Поколение войны той не знает,
Только память тревожна моя.*

Последний бой, Победа

*В далёкое время, в году сорок пятом
Под логовом зверя орудья грохочут,
На бой, на последний рванули солдаты,
А май и весна им Победу пророчат.
Уже под Рейхстагом советские роты,
Сплошные туманы от дыма, огня,
И танки гудят и жгут небо расчёты,
И кончилось Геббельса время вранья.
А темень над миром, багровое утро,
Но надо дойти до Берлинской стены,
Родная семья пред глазами как будто
И смерть рядом дышит губами войны.
Фашист всё ловчится, от злобы звереет,
Животный тот страх, - это страх палача,
Но вот уже флаг над Рейхстагом алеет,
А в бункере гаснет Надежды свеча.
Ведь Гитлер поклялся народу в победе,
Сейчас - лишь надежда на малых юнцов,
В последний агонии, матерном бреде
Он в бой посылал молодых мертвецов.
Земля, как солома, горит под ногами,
Герои, - вперёд и за Родину-мать, -
Ведь рядом Победа, она только с нами,
В последнем бою страшно всё ж умирать.
И вот над Рейхстагом предвестник Победы,
То знамя родное и стяг полковой,
О Боже, неужто ушли наши беды
И утро мы встретим, как праздник святой!
Как будто бы всё, и Рейхстаг уже взяли,
Но враг не сдаёт свой последний оплот,
Эсесовцев много, - засели в подвале
И виден сквозь дымку мерцающий дзот.
Сегодня Победу мы вновь вспоминаем,
То время былое опять и опять, -*

*Ведь предки давно тот Берлин уже брали,
 Но эту Победу у нас не отнять.
 Её наши деды, что с Дона, России
 В Германии с кровью в боях обрели,
 Пред Вами мы головы низко склонили,
 Вы жизнь подарили потомкам земли.*

Позабыть нам войну не дано

*Позабыть нам войну не дано
 И не будет ей давности срока,
 Сколько близких погибло давно
 И страна задыхалась от смога.
 А земля от войны перегрелась,
 Звёзды падали прямо в снега,
 Ведь нужна бесшабашная смелость
 Победить, на колени поставить врага.
 А отцы, братья старшие, деды,
 Что несли на груди ордена,
 В мирной жизни добились Победы,
 Честь и слава им вечно дана.
 И сегодня мальчишки седые,
 Что не знали по танкам стрельбы,
 Вновь встают, как в войну молодые
 На защиту детей и судьбы.
 Нам террор посылает напасти
 С юга гор, сквозь преград синеву,
 А Афган, а Чечня, - где же власти?
 На пороге беда наяву.
 Вечной будет лишь слава Святая,
 В мае утром – военный парад,
 А потомки странички листая,
 Вспомнят даты всех горьких утрат.*

Это было в Берлине

*Жарко было весною в Берлине,
С сорок пятом победном году,
Благодарен сержант был Полине,
Что он выжил в кромеишном аду.
Автоматные пули, как строчки
Прострелили могучую грудь,
Он родился наверно в сорочке,
Коль медали сменили им путь.
Сквозь развалины, гарь и огонь
Санитарка сержанта тащила,
Как могла всю исполнила роль,
Только девчонку сразила.
Их обоих бойцы подобрали
Нет её, он на жизни краю,
И друзья в медсанбат его взяли,
В разведроту родную свою.
День Победы – душевный полет,
Радость всех, ликование во взводе,
Только Поля не встретит восход,
Память только осталась в народе.
Всех героев, - погибших, живых,
Будем вечно в сердцах мы хранить
И мальчишек, всегда молодых,
Мы о них будем бога молить.*

Донская история

На Дону, на Тихом,
На полях, курганах,
Ветер дул горячий,
Да молва, в обманах.
Ветер с Петрограда
Был такой невучий,
Только небо слало
Грозовые тучи.
Власть переменялась,
С ней судьба казачья
И пошли в станицах
Крики, стоны, плачи.
Позабыли власти,
Кто страну берёг,
С юга был на страже
Фронтовых дорог.
Добывал кто славу
В тех краях ковыльных,
Чтоб Россия стала
Настоящей былью.
Что веками было, -
Трудно враз сломать,
А в судьбе тропинку
Сложно разыскать.
И сгустились тучи
Над Донской землёй,
Что же делать братцы -
Сам казак не свой.
На коней вскочили,
На войну дорог,
Но никто Россию
Позабыть не смог.
Кто служил Советам,
К туркам кто ушел, -

По большому счёту
Счастья не нашёл.
И судьба – машина
Разделила всех,
Только кто остался
Возведён был в грех.
Лишь война большая
Грозною косою
Казаков сплотила,
Как в пчелиный рой.
Загудели степи,
Дон и тополя,
На врагов фашистов
Встала вся земля.
Кровь лилась рекою,
Брали города
И пришло бессмертье,
Слава, навсегда.
Обелиски - павшим,
Ордена живым,
Все грехи замолены, -
Дону быть святым.
Столько испытаний
Им Господь принес,
Шло частенько в жизни
Всё наперекос.
Ставлю свечку в церкви
Богу, всем святым,
Господи, прости нас,
Счастья дай живым.

Буду я продолжать тебя

*Ветер шумит за окном,
Дождь идет без конца,
Рядом бутылка вина,
Я вспоминаю отца.*

*Давно у Карельских болот
Проходила его лыжня,
Пурга забивала рот,
Но выжил, - крепка броня.*

*Потом танкистом был,
В войну тот же пост,
Крепко детей любил,
Со всеми всегда прост.*

*Чудом выжил в войне,
Изранен, вернулся живым,
Здоровье отдал стране,
Благодарны мы святым.*

*Был скромн и весел он,
Бодр, всегда на ногах,
Смел с военных времен,
Обязателен был в делах.*

*У могилы твоей цветы,
Их сажаю с любовью я, -
Хочу быть таким, как ты,
Буду я продолжать тебя.*

Наталья КОЗЛОВА

Христофор

*Прапрадед наш крестьянин Христофор
В деревне Лбово жил, он хлеб растил.
Хозяйство, дети, Марьюшка жена,
НО ВОТ ОБРУШИЛАСЬ ВОЙНА.
Мобилизация и дальняя дорога,
В учебке около десятка дней,
Одна на пятерых винтовка-другим лопата.
Зима, окопы и мороз все злей.
Декабрьским утром, открыв голубые глаза
Он видел танки, натиск мощного врага.
И вот приказ, атака, полчаса...
НЕ БЕЛЫЙ СНЕГ-КРОВАВАЯ РОСА.
Прапрадед наш красноармеец Христофор
С лопатой шел на танки судьбе наперекор!
Под Тулой храбро воевал, отчизну смело защищал.
Есть запись в ОБД «Мемориал»:
«Киреевский район, поселок Шварц, могила №5...».
Мария получила похоронку,
То вестник страшный в светлый дом,
Она лишь схоронилась в сторонку,
Да слезы утирала рукавом.
Мне говорили, что по истечении многих лет
Она хранила за иконой в уголочке,
Завернутый в каком-то узелочке
Тот страшный пожелтевший документ.*

Никого и никогда

*Гробовая тишина,
Сердце кровью обольётся.
Никого и никогда
Словно громом отзовется...*

*Сегодня пули не свистят,
Но боль и скорбь в груди сковалась.
И победители стоят.
И слёз сдержать сил не осталось.*

*Прошло былое, не вернуть,
Почтим мы память наших павших,
Товарищ, помни, не забудь,
О временах войны кровавых.*

*Мы отдаём сегодня долг,
Цветы к могиле возлагая,
Застыл солдат, застыл весь полк,
Застыли все в начале мая.*

*Горит надеждою огонь
О вечной памяти взывая.
И нерушим былой покой
Лишь голуби всё вверх взмывают.*

*Природа плачет – слёзы льёт,
И капли проникают в душу.
И боль утраты не пройдет
И каждый к ней не равнодушен.*

За Родину нашу

*Они говорили: «За Родину нашу»
И шли в последний бой
Они знали точно, нет её краше,
И прикрывали собой*

*Дожди превращали дороги все в кашу,
Машины ломались в пути.
Они говорили: «За Родину нашу»
И продолжали идти...*

*Мы должны чтить историю нашу,
Потомкам своим рассказать
О слёзах и счастье победного марша
О тех, кто шёл воевать.*

*Мы с каждым годом становимся старше,
И дальше от нас эти дни.
Но помним слова: «За Родину нашу»
Нам жизнь подарили они...*

Солдатами не рождаются,
Их образ жизненный строг.
А матери, жены маются
В количестве трудных дорог.
Детям нужны впечатления,
Дорога манит всегда.
Порой в неуютном движении
Растут даже их года.
Приказы не обсуждаются,
Крики и слезы – смешны.
Подругами называются,
Кто весточку ждет с войны.
Свист пули не всем откроется,
Локальные есть места.
Как жаль, что не всякий скроется
И может быть пустота...
И стоны на самом доньшке,
Где оторопь силы ест,
Где даже не видят солнышка,
Не наряжают невест...
Но если природа справится
И жизнь поднимет с колен.
Пускай им солдат понравится
И чувства захватит в плен.

Мое поколение

*Мое родное поколение
Пришло в военный трудный год.
Все мамы думали с волнением,
Когда победа к ним придет.
Пришла она с дождями майскими,
Голубизной пленил и свод.
И нас потом кормили сказками,
Такой уж матери народ.
А мы росли полудетыми,
К нам не вернулись все отцы.
Был жмых для нас почти конфетами,
Мало болели сорванцы.
Природа знала, жизнь изменится
И будет сила всем нужна.
Пушкай глаза ребенка светятся,
Пушкай не помнится война.
Да только снова мир в опасности,
Но где-то жив еще солдат.
А жизнь, в которой много разности,
Ликует в свете новых дат.
Прости, солдат, за муки памяти.
Не все сумели одолеть.
И жить не просто, сами знаете,
Но свои песни будем петь.*

Поклоны

Нам советуют поклониться
Тем, кто подвиг свой совершил.
Посмотри, друг, в усталые лица
Пока можно еще, поспеши.
Потому что время упрямо,
Сердце бьется, а силы нет.
Раньше срока ушли их мамы,
Унося и любви секрет.
Им сознание твердило: «Надо!»
Пусть упрек и сбивал с пути.
Догоняли порой награды
Иногда не успев найти.
Им бы жить на вершине славы,
Где уютно, всегда тепло,
Но средь нас появились нахалы,
В них сплелись жестокость и зло.
В майский день мы пошлем поклоны,
Но смятение в чувствах живет.
Есть страна без жилого дома,
Подвиг есть и Герой-народ.
Но порою стыдно бывает...
Что под музыку в нас рыдает?...

«Ветераны» (фильм о войне)

*В малом зале говорили с экрана.
С прошлым связи – как кровавые нити.
Каждый образ – не забытая рана,
И не скажешь: «Господа, подождите»
Вы нам просто покажите картины,
Черно-белые фрагменты сражений.
И не думайте, что все мы – кретины
И не чувствуем глубоких волнений.
Ветеранам говорить надо, очень.
Их кошмары просто станут бледнее.
Боль хозяйкою приходит к ним ночью.
Может быть, тревожить днем – ей стыднее.
На экране их усталые лица,
Но, показанные нам близко, слишком.
Они верят, все должно измениться.
Мир нормальный – не сюжет передышки.
В этом мире зла немало скопилось,
Нет покоя от него старым ранам.
Так хочу, чтобы война им не снилась.
Им, оставшимся в живых ветеранам.*

9 мая

Стала я неразумным дитем войны.
Девять месяцев было в Победу.
Не хочу, чтобы мучило чувство вины,
От себя не сбегу, не уеду.
Говорят, что в тылу тоже страхи сильны,
Только чувства играют не в меру.
И не женским считалось лицо у войны,
Но ведь разные были примеры.
Если плод созрел вопреки иль назло,
Значит жизнь не стояла во мраке.
Может маме и папе моим повезло:
Их любовь не погибла в атаке.
Не считаю себя ветераном никак,
Даже мысли такой не бывает.
Слава Богу, не видела страшных атак,
Но ведь каждый про них что-то знает.
С документов снимают запреты теперь,
Люд простой должен знать правду эту.
Много лет в тайники заперта была дверь,
Правду устно гоняли по свету.
Наши дети читают страницы всерьез,
Подвиг чувствуют сами и снова
Надо думать, как можно спасти их от слез
Самых горьких и самых соленых.

Лесной брат

Видела, взорвалось достоинство
При виде формы субъекта.
Были лесные воинства
Вдали от боев где-то.
Тогда в годину военную,
Не проявлялись открыто
Теперь уже можно, наверное,
Показать, что не все забыто.
Его унижала женщина,
Неистово, даже слишком.
Возникла под формой трещина,
Ее не латал умишко.
Он был среди чистых помыслов
Каким-то гнилым остатком
И не имел права голоса,
Глядел устало, с украдкой.
А форма из новой ткани
Не укрепляла сознание.
Душонка сидела в кармане,
Пряталась от внимания.
Ужели он, брат лесной,
Гордился своей войной.

Бывает и такое

Страна не может спать спокойно,
 Ее терзают снова войны.
 Не те, где пушки бьют, снаряды,
 А где жестокость в косых взглядах.
 Простил народ приют Солдата,
 Тропа к нему все так же свята.
 Несут цветы, венки и свечи.
 Их благодарность убить нечем.
 Еще есть митинги и слеты,
 Кому-то боль, кому – работа.
 Но брать равнение нет причины
 Забыта доблесть в тех мужчинах.
 Запросы были, нету «вето».
 Им шлют политики приветы.
 Но лишь природа не молчала,
 Дождем их спины поливала.

Остается уже немного
 Тех, кто вышел с кровавых полей.
 Нашу жизнь они судят строго,
 В сильной боли попросят: «налей»...
 Сколько в памяти их хранится,
 Не забытых доселе атак.
 В снах тревожных погибших лица
 Вопросают: «Живете как?»
 Что рассказывать, жить не просто.
 Не понятна бывает суть.
 Все сверх меры есть... у прохвоста,
 А герой живет как-нибудь.

Много истин забыли люди,
Разбирая правду и ложь.
И легко вряд ли скоро будет,
Что посеяно – то пожнешь.
О разумном, добром и вечном
Стали мы говорить беспечно.

Что наши Ангелы хранят –
Бренное тело или душу?
Насколько мой холодный взгляд
В себе самой что-то разрушит?
Напрасных мыслей и тревог
Мы создаем в уме немало.
Потом на множестве дорог
Одно лишь слышится: «Устала».
Устала думать о былом
Или идти к заветной цели?
Мы разбивали стены лбом,
А Мир построить не сумели.
И льется кровь и слышен плач,
Страдает тело, душа стонет.
Но поднимает меч палач,
Он в тех потоках не утонет.
Ненужные звучат слова,
Когда во гневе голова.

9 Мая!

День 9 мая! Победа!
Очень радостно всем на душе,
Потому что весна и победа,
Неразрывны годами уже.
Семь десятков прошло. Даже боле.
Только боль не угасла совсем,
А, напротив, все глубже и глубже
Режет раны осколком в душе.

Сколько их полегло? Миллионы!
Миллионы отцов и детей!
Жён и братьев, сестер с сыновьями,
Разве ж можно их всех перечесть!
Ту утрату нельзя нам восполнить,
Не забыть о ней никогда,
Не уйдут те кровавые годы,
Никогда! Никогда! Никогда!
Будем мы, слезу утирая,
Помнить, чтить и стихи им слагать,
И хотя бы девятого мая,
Приносить им цветы...
И огонь зажигать...

Феликс КУПЕРМАН

СЫНОВЬЯ

*Было нас у войны три брата.
Лёг Иван под горой в Карнатах.
Телогрейки, сапог не снявши,
спит там крепко наш самый старший.*

*А Никифор, его погодок,
в переправе на речке Одер
был подорван дурной гранатой.
И не стало второго брата.*

*Но, видать, отъевшись досыта,
смерть покуда младшОго сына,
на засеве кровавой пашни
сберегла без вести пропавшим.*

*Так его по земле окопной
покидало и покрутило,
что всех ран и контузий скопом
на две роты вполне б хватило...*

.....

*Я - Пропавший для мамы с батей.
Знать того им не надо, право,
что разжалованный в штрафбате,
сын их младший убит под Прагой...*

Моей тёте Анне, чей муж не вернулся из разведки

*Помню радио чёрный расруб
Над дорогой у нашей калитки,
И слова исступлённой молитвы
К Левитану из маминых губ.*

*Был он богом для нас и судьбой
Этот голос - надеждой и верой,
Что с войны возвратятся с победой
Все солдаты живыми домой.*

*Все вернутся отцы и мужья,
Потому что всем сводкам о павших,
В девятнадцать, без вести пропавших,
Было просто поверить, нельзя!*

*- Значит, почта опять подвела -
Всё твердила моя тётя Анна, -
Он в плену, или где-нибудь ранен...
Но вернётся! И мужа ждала...*

*Двадцать лет всё ждала и ждала
Молодого, каким проводила,
Лишь тревожилась, что серебрило,
Время пряди её у чела.*

*И когда называли вдовой,
Или сватались к тётке красивой,
Всё твердила с неведомой силой:
- Я дождусь, он вернётся живой!*

.....

*В День Победы, опять из Москвы
Слыша голос живой Левитана,
Я хочу, чтоб умели и вы
Ждать и верить, как тётушка Анна.*

Марсель САЛИМОВ

Перевод с башкирского Николая Переяслова

Память отца — навсегда

*«Если ты ненавидишь – значит,
тебя победили».*

Конфуций

*Отец мой – солдат, что с боями прошёл сто дорог,
и всё, что с ним было, он в памяти крепко сберёг.*

Он так говорил мне:

*«Сквозь пули, в дыму и в пыли –
в атаку «За Родину!» мы и «За Сталина!» шли.*

*Мы шли по болотам и реки форсируя вброд,
одна только цель нас манила –
вперёд и вперёд!*

*Враги несли миру крушение, гибель и ложь,
но Сталина имя – вгоняло их в трепет и дрожь.
Не зря ведь в испуге, как ивы под мощным дождём,
сгибали колени они перед нашим вождём!»*

*Но век изменился – вождя больше мир не хвалил,
и чуть ли не каждый его перед всеми хулил.*

*И мир потемнел, слёз не пряча, от плача тяжёл –
за тем, кто «За Родину!» в бой и «За Сталина!» шёл.*

*Но в памяти нашей шумят, как под ветром листва,
раскаты гремящих его над землёю слова...*

«Палач» ли он был или «гений» – он канул во тьму.

Никто безразличным не сможет остаться к нему.

В судьбе и истории каждый проложит свой путь.

Но роль этой ЛИЧНОСТИ в вечности – не зачеркнуть!

*Когда-то в былом, раздвигая дебрям предел,
вершились под именем Сталина тысячи дел.
И тот, кто трудился,
и тот, кто сражался в бою –
все вместе шагали в едином,
могучем строю.*

*В историю глядя, не сразу легко разберёшь,
где теплится правда, а где укрывается ложь.
Но Сталин навеки оставил в науку стране –
груз тяжкого «культа» и славу в великой войне.*

*И я понимаю:
пускай пронесутся года,
а Сталина имя –
останется жить НАВСЕГДА.*

Верность

Не напишешь заявку на вечность.
И железо съедает ржа.
Он стоял, подвернув конечность
За оградою гаража.
Вдруг услышал он:
«Старче, ты, старче,
Позабывший запах полей...»
Словно солнце сверкнуло ярче,
Словно летодохнуло теплей.
Паренек работающий и робкий,
Не широкий особо в плечах
Драил дизель, возился в коробке,
Разбирался в деталях, узлах.
И по трубочкам – венам соляра
Побежала знакомо, тепло.
Не от солнечного удара,
А от счастья качнуло его.
Он поехал. Сперва осторожно,
Как калека, боясь оступиться.
Понимая, как это сложно,
Но и здорово снова родиться.
Он любил своего тракториста.
Был послушным ему во всем.
Делал норму процентов на триста
И с невестой катал вдвоем.

Поднимается солнце все выше.
Нарастает тревога сильней.
Его друг на работу не вышел,
Как и много других парней.
А под вечер в глазах со слезами
Эта девушка с темной косой,

*По капоту глядя руками,
Все шепталась с ним и с собой.
Повторяла: «Война... разлука...
Мой любимый..., любимый..., любим...
Он не понял, какая мука
Расставаться навечно двоим.*

*Он железный, стоял в ожиданье-
Вот появится... Вот заведет...
Только в сумерки, как на свиданье,
К нему девушка эта идет.
Видно вспомнила эта девчонка,
Как любимый ее учил,
И рванула веревку ручонкой
Изо всех девчоночьих сил.
Он обиделся. Дернул обратно,
Больно стукнув ее по рукам.
Толь упряма была, толь азартна,
Потянулась опять к рычагам.
Заводила все снова и снова.
Он ревниво пыхтел и рычал,
(Шла бы, мол, ты к своим коровам),
Но поддался. Взревел, заурчал.
И счастливая, что победила,
Взбудоражив колхозный народ,
Неуверенно, но порулила
За деревню на маленький брод.
Чисто вымыла, окатила
Из ведра прозрачной водой.
И с работы потом приходила
И светилась счастливой звездой.
Он работал и помнил друга.
Норму делал опять за троих.
За рулем сидела подруга,
А он чувствовал их двоих.*

Ветеран

*Возле братских могил, у святого огня
Он стоял и молчал, о боях вспоминая.
По морщинам катилась скупая слеза
И под ноги росой на траву опадала.*

*Я стоял в стороне и смотрел на него –
Человека седого и в штатском костюме.
Может, вспомнил он деда сейчас моего,
Что погиб в первый день, выйдя в бой по тревоге.*

*Это было давно – сорок весен назад.
Сорок зим над страной лишь салют громыкает.
Возле братских могил этот старый солдат –
Сорок лет он слезой всех друзей поминает.*

*И простить до сих пор он не может себе,
Что вот выжил. Живет. А друзья там, в могиле.
Их свинцовым огнем всех сразил пулемет
С высоты небольшой триста двадцать четыре.*

*Возле братских могил, у святого огня
Человек седину все свою преклоняет:
- Вы простите меня, дорогие друзья,
Что вот выжил, а вас – до сих пор ожидают.*

Дерево

*Дерево на горке у реки стоит.
Отшумел огонь войны.
Дерево молчит.
Не шумит листвою,
Не качает ветками.
Птицы гнезд не строят,
Не хлопчут с детками.
Дерево изранено снарядами осколками.
Корни обожженные не питают соками.
Ветерок с тоскою бродит по ветвям.
Дерево – как памятник фронтовым огням.
Помнит всю трагедию всех военных лет.
Помнит и героев тех, которых нет.
Отшумел огонь войны.
Дерево молчит.
Память дней всех горестных дерево хранит.*

И снова о войне

Заголосили бабы у калиток.
 О будущем никто уже не знал.
 А на дорогах пеших и кибиток,
 Что в море волн, когда девятый
 вал.

И ветер гарь без устали разносит.
 И гром гремит совсем не грозовой.
 И бабушка у бога что-то просит,
 И крестится иссохшею рукой.

А ночь не прячет зарева пожариц.
 Ей вовсе дела нет до суеты.
 Вот с пулею столкнулся твой
 товарищ,
 И оборвались светлые мечты.

Плывут бумажным валом похоронки.
 От слез морщины глубже на щеках.
 И лишь потом - остывшие воронки.
 И тот солдат с ребенком на руках.

*«Войну нельзя считать
оконченной, пока не найден и
не похоронен последний солдат...»
Приписывается русскому полководцу,
генералиссимусу Александру Суворову*

*Медальоны, винтовки и мины.
Самолеты, орудия, танки...
До сих пор мы находим могилы.
Из болот вынимаем останки.*

*Переполнены скорбью и болью
Ветеранские лица морщин.
Эти слезы оплачены кровью
И не выплаканы до седин.*

*Где-то новый огонь на граните.
И венки – бесконечная память.
Все равно продолжайте, ищите...
Надо всех отыскать и оплакать.*

*В небе снова следы самолета.
А по рельсам бегут поезда...
Наша первая в мире забота –
Пусть закончится эта ВОЙНА!*

О женщинах

*Их война заставляла надевать гимнастерку.
В тыл к врагу пробираться в пургу.
И любой ветеран вспомнит нежно сестренку.
Ту, что жизнь возвратила ему.*

*На их плечи свалились все тяготы тыла.
/Фронту надо снаряды и хлеб/
И от горя великого сердце их ныло,
Когда вдруг приходил с похоронкой конверт.*

*А когда, словно гром среди ясного неба,
Над страной пронеслась опьяняюще весть:
"Нет войны! Победа! Победа!" –
Словно тяжесть великую сбросили с плеч.*

*Восстановят заводы, проложат проспекты,
И наладится снова нормальная жизнь.
Только долгие годы их женское сердце
От великих утрат будет горестно ныть.*

Поцелуй победы (слова к песне)

*Дырявя небо в решето,
Взлетали вверх ракеты, пули...
А что с людьми произошло?...
Все, плача, дарят поцелуи.*

*Весна. Пришла пора любви.
И в прошлом горести и беды.
От слез слепы глаза твои,
Но сладок поцелуй победы.
От слез слепы глаза твои,
Но сладок поцелуй победы.*

*Ты не целованный боец,
Хоть за спиной бои и раны.
Сегодня день... войне конец,
И первый поцелуй неожиданный.*

*Весна. Пришла пора любви.
И в прошлом горести и беды.
От слез слепы глаза твои,
Но сладок поцелуй победы.
От слез слепы глаза твои,
Но сладок поцелуй победы.*

*В оркестре радости ОНА
Возникла просто ни откуда.
Тебя, мальчишку обняла,
Поцеловала прямо в губы.*

*Весна. Пришла пора любви.
И в прошлом горести и беды.
От слез слепы глаза твои,
Но сладок поцелуй победы.
От слез слепы глаза твои,
Но сладок поцелуй победы.*

Обратный путь

*Перемотай, браток, портянки,
Нам путь обратный предстоит.
Нас ждут блондинки и смуглянки,
И поле сиротой лежит.*

*В груди, как память о войне,
Несем ты – пулю, я – осколок.
Винтовки сдали старшине,
Несем мозоли от винтовок.*

*К чему - то снова привыкать.
Но радостней не будет мига,
Чем каждой клеткой осознать,
Что мы живем в минутах мира.*

Сергей БАЙБАРА

22 июня

*Дыма черная десница
Распростерлась над землей,
На полях горит пшеница,
Разъярив июньский зной,*

*Суетливо птицы кружат
Над расстрелянным селом,
Будто панихиду служат,
На восход крестясь крылом,*

*Едкий дух застывшей боли,
Сон кошмарный, - нынче был,
Жаждет свежей русской крови
Змей стальной, утюжа пыль,*

*Сбиты главы у собора,
В грозном, приторном чаду
Древний Спас взирает скорбно
На тевтонскую орду,*

*Страшной карой за безверье
Русским новая война,
Выпить чашу искупленья,
У которой нету дна,*

*Гарью горизонт замаран,
До победы путь далек,
Сатанинская армада,
Выполнять веленье ада
Марширует на восток.*

Старое фото (21 июня 1941 года)

Чудесная июньская погода,
Солнце жарит на заказ.
А мне всего четыре года,
Идём семьёй в кино мы на показ.

Мой папа весь покрыт ремнями,
Ведь он геройский красный командир.
Скрипит он чудно сапогами,
Мой папа – мой кумир!

А мама вся такая светлая,
И льётся солнышко из глаз.
Она в любой толпе приметная,
Такая вот красавица у нас!

Вот я в матроске новенькой
Сажу у папы на плечах.
Умыт, подстрижен ровненько,
И бублик в маленьких руках!

Седой фотограф в голубой панаме
Нас «щёлкнул» в городском саду,
Велев прийти за «фоткой» маме
Во вторник иль «среду».

Но не пришла за «фоткой» мама:
Её убило в первый день войны
Осколком бомбы возле храма,
Где мамочка молила тишины.

*Отец погиб под Сталинградом,
«Пал смертью храбрых», как герой.
Его единственной наградой
Стал холмик с красною звездой.*

*Я вырос в детском доме
Среди таких как я – детей войны.
Мы жили дружно, вровень:
Не для себя, а для страны.*

*Страна нуждалась так во многом,
И мы ей помогали, как могли.
Тянули ЛЭП, вели дороги
На самый краешек земли.*

*Мы строили дома и школы,
Заводы, фабрики, больницы.
Мы знали, что такое голод,
И как беда в окно стучится.*

*Но мы себя судили строго
И не молились на иконы.
Не верили мы в Бога,
А жили по его законам.*

*Немало прожил я на свете
И видел я немало.
Но вот нашёл я «фото» в интернете
И сердце болью сжало...*

*Чудесная июньская погода,
Солнце жарит на заказ.
А мне всего четыре года,
Идём семьёй в кино мы на показ...*

Бессмертный полк

Посвящается моему двоюродному дедушке (устаревшее: великий дядя) Белоконю Михаилу Яковлевичу, павшему в боях за Родину на Черноморском флоте в 1943 году в возрасте 22-х лет. Захоронен в братской могиле, город Новороссийск, Россия. Я помню! Я горжусь! Низкий поклон и вечная память, герой!

*Мой дед и бабка, прадед, дядька
 Войну прошли, и победили, и смогли!
 Не все живыми воротились, правда,
 Но за ценой не постоял мой род,
 И жизнь отдал за Черноморский флот
 Михайло Белоконь, великий дядя, парень молодой.
 Был сильным, крепким он,
 Не видевший и капли жизни,
 Он принял смерть в весну свою,
 Чтоб я жила и ты чтоб жил,
 Товарищ мирный.
 Я благодарна очень, я ценю...
 И плачу, каюсь я за то, что
 Недовольна часто, маюсь,
 И то и сё ведь не по праву мне.
 А солнышко так нежно греет кудри
 Детишкам, что играют во дворе...
 Так что не нравится нам всем в миру, быту, других, себе?
 За что гневим так яростно мы Бога?
 А если вдруг война и горе, пытки, заключенья?
 Мой друг, по сути, только мирный день несёт значение,
 В войну звериный лик являет человек - запомни это ты навек!
 Простите нас, недальновидных
 Правнуков своих, деды!
 За весь народ прошу прощенья!*

Я знаю, если нужно будет, сможем,
Встанем мы!
Чтоб Родину спасти,
У нас достанет силы!
Не осрамим священные могилы!
Не струсим, нет, не убежим!
Заставим вновь врага трястись от
Русского мы духа!
Я знаю, сейчас из мира вечного
Взираете все вы,
Герои-победители войны,
И видите, как правнук держит палку с вашим фото,
Устроившись удобно на плечах у внука.
Бессмертный, слышишь, друг и враг?!!
Бессмертный полк шагает так!!!

Август 1942

Ползёт вдоль поля гусеничный трактор,
А в кузове - снаряды и бойцы:
-Мы вступим в бой за Сталинград, ребята,
Запомнят нас фашисты-подлецы!

Вчерашние мальчишки-новобранцы,
На волжском укрепленном берегу
Припомнив вечер выпускной и танцы,
Уже готовы дать отпор врагу.

Покрыты лица толстым слоем пыли...
А на прицепе пушка... Степь. Жара.
Вчерашние мальчишки жизнь любили.
Но завтра - бой, пришла взрослеть пора.

А в Сталинграде чёрные султаны
Нефтехранилищ, в зареве дома.
-Готовьтесь к бою! - голос капитана.
- В лог тягачи! - Вдали клубится тьма.

Двенадцать наших пушек - и в колонне
С крестами танки: два из них в огне...
Вдруг - «Юнкеры!»! Ладонью не закрывай
Свои глаза! Ты, мальчик, на войне.

Где дробь осколков по щитку орудий,
Там грохот, дым и раненых тела...
- Мы до последней капли крови будем
Сражаться там, где мать нас родила!

«Назад ни шагу!» - есть приказ секретный.
Пропитан кровью каждый метр земли.
Живые, мы шагнули в день заветный,
И мы Победу вымолить смогли!

ДОСТОИНСТВО

*Достоинство рождается,
Когда твой мир разбит,
Когда сердца растоптаны
На поле жарких битв.*

*Пусть кулаки сжимаются,
Когда вдыхаешь дым:
Идёшь в атаку с мужеством
Под знаменем своим.*

*Победа! Обретение
Себя в той схватке сил,
Достоинства рождение,
И взлёт, и взмахи крыл!*

Ирина МИХАЛЕВА

Ржевская битва

*Кровавый след в истории оставив на века,
Сражение под Ржевом в жизнь длиною...
И от Москвы отброшены фашистские войска.
Несли потери, но терпели бой за боем,*

*Превозмогая боль и страх, нельзя никак назад.
С январских стуж и до апрельской зорьки
Там проливалась кровь, наших, родных ребят.
Из продовольствия вода, да хлеба корки...*

*На ближних подступах к Москве засели немцы,
План наступления вынашивая грозный.
«Центр» - операция по покорению столицы,
Смогли мы дать отпор врагу серьезный.*

*Шел в наступление Калининский родимый
Был дан приказ! И умирали, чтобы победить.
Бомбили наших с неба, поле красным было.
Шутил фашист: «Хорош, мол, сухари делить».*

*И вместе с Западным, плечом к плечу, вперед.
Погибло нас в той битве тысяч триста...
Но с верой в сердце: «Светлый день придет!»
Шли в наступление и гнали прочь фашиста...*

Я был мальчишкой шестилетним

*Воскресным тихим утром летним,
Лишь, брезжил утренний рассвет.
Я был мальчишкой шестилетним,
Мне снился сон, был рядом дед.*

*Да, что могло тогда мне сниться?
Все, что любил, о чем мечтал...
Наташки длинные ресницы...
И Витькин новенький кинжал.*

*Как мамка, теребя макушку,
С собой тащила в палисад,
А я, вцепившийся в подушку,
Шептал чего-то, невпопад.*

*Мой папка все шутил, смеялся,
Веселым был и сильным был.
Как он хотел стать, и поклялся
Опорой быть своим родным.*

*В открытое окно стремился
Спокойный летний ветерок.
Дед, уж, у речки примостился,
Смотрел, как пляшет поплавок.*

*И кто мог знать, что утром этим,
Проснувшись, дети закричат.
Простягся с детством на рассвете,
Война их превратит в солдат.*

*Воскресным тихим утром летним,
Лишь, брезжил утренний рассвет.
Я был мальчишкой шестилетним,
Мне снился сон, убит мой дед.*

*А что в войну могло мне сниться?
Боялся спать, усталость, спал:
Наташки мокрые ресницы...
Как Витька раненный упал...*

*Как мамка плакала в подушку.
Зарос бурьяном палисад...
Грохочут залпы, пушки, пушки,
Летит снаряд, еще снаряд.*

*Отец мой больше не смеялся.
Не видел больше я отца...
В бою погиб и там остался,
Советский воин без лица.*

ИГ ФИНН

ПАМЯТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Май, Ветеран

*Шёл дождь обычный, первый после Пасхи,
Темнело, разбегалась детвора,
А для него юдоль звенели каски,
Как будто и не кончилась война...*

Застарелая боль...

*На лацкане тяжёлые медали,
Костыль истёртый, гнутый... Сам - прямой.
Когда-то умереть друзья не дали,
Теперь же дар вернул бы им с лихвой...*

Огрызок

*Огрызок, маленький хлеба кусок,
На тротуаре лежал,
Старик, проходя мимо, вдруг наступил на носок
И к груди крохи неловко прижал.*

*Сорок первый ему вспомнился год,
Сорок второй, сорок третий...
А дальше... он упал и не смог
Быть на этой планете -*

*Старик из Ванкувера,
когда-то живший на Петроградской стороне.*

*Огрызок - и он сердце
может разбить.
Боже, смилуйся над ...людьми,
бросившими всуе этот хлеб,
Пусть и совсем маленький
такой...*

Зачем нужна была война?

*Зачем в огне пылали хаты,
Зачем нужна была война?
Тебе ответили б солдаты,
Но в их могилах тишина...*

*Россия, Русь... сильна пшеницей,
Любовью и..., но дедов век
Вёл клин журавий вереницей
Служивый честный человек,*

*В пробитой каске, гимнастёрке,
Звездой на шлеме иль крестом,
Но нашим русским...на планёрке
Не замалёванным Христом.*

*Несли иконочку на счастье,
От боли ангелов храня,
При новой власти и от сласти
Отцову правду не кляня!*

*Россия, Русь... всегда за нами,
В твоей душе, в моей любви,
Девчонками иль пацанами
Сильна и мы у ней одни.*

*И белоснежной вереницей
Летят, как прежде журавли,
И предков их, что под пшеницей,
Чужие помнят короли.*

*Тебе ответили б солдаты,
Да в их могилах - тишина...
Зачем в огне пылали хаты,
Зачем нужна была война.*

Вне канона

Чересполосица военных лет,
 Две фронтовых жены, четыре друга,
 И никого из них на свете нет,
 Лишь гимнастёрка - верная подруга.

Он - всю войну прошедший капитан,
 Не наискось, от корки и до корки
 Познавший, что такое горесть ран
 И острый /вместо хлеба/ вкус махорки.

Между страничек партбилета - крест,
 На вырезке газетной И.Вэ.Сталин,
 И некуда вернуться - всё окрест
 Спало в дни лихие, что настали.

Не самокрутка - вождевской `Дукат`
 Топорщится из правого кармана,
 А в левом - мат, обычный русский мат,
 Что заменил отныне край стакана.

В руке - мальчишки /тоже без отца/
 Ладонка хрупкая зажата осторожно -
 Нет у беды безрадостной конца,
 Поверить трудно, что это возможно.

Чересполосица военных лет,
 Но руки-ноги целы, боль устала,
 И двое себе выбрали обет
 Держаться вместе, ч т о бы не настало.

Он - всю войну прошедший капитан...
 Ты, ангел, приносящий похоронки,
 Скажи, один хотя бы есть ли храм?
 Где сирота с солдатом на иконке...

Всего лишь час...*

*Всего лишь час, всего лишь час... не пригубляли,
Курили тихо: скоро будет вдоль огня.
Кто верил в Бога - самокруткой разбавляли
То, что в душе сжималось, теребя...*

...

*Бурлило небо, первый проблеск ждали тучи,
Всего лишь час... и Батя скажет: `Ну, пошли...`
Кому за орденом, кому - песок зыбучий
И вороны чтоб в поле не нашли...*

*Ругались матом... тот, кто в миг споткнулся первым,
Второй сорвался, лишь на мину наступил...
У третьего не выдержали нервы:
`Эх, стервы, кто бы ногу да пришил...`*

*Всего лишь час, разведка стала боем,
Утюжил... нас с тобой не гром небес...
Всего лишь час... и прожили с тобою,
Без медсанбата обошлись... без...*

...

*Всего лишь час, всего лишь час... не пригубляли,
Курили тихо: скоро будет вдоль огня.
Кто верил в Бога - самокруткой разговляли
То, что в душе сжималось, теребя...*

* Так начиналась операция «Багратион».

Владимир КАПИЦЫН

Студенты-ополченцы

Устали руки рыть окоп,
Но близко канонада,
А дел еще невпоровот,
Что к бою срочно надо.

Совсем не то, что семинар
Истории Европы.
Теперь основа всех начал –
Под Вязьмою окопы.

Пока с лопатой не в ладу,
Стирает в кровь ладони,
Студент-историк МГУ,
Забывший о Платоне.

Теперь не лекции учить,
А постигать науки,
Как здесь врага остановить,
Вот и стирает руки.

Похоже, близок перекур,
И отдохнуть охота,
Но лейтенант чрезмерно хмур:
«Не успеваем к сроку!»

Когда начнется первый бой,
Не ведали солдаты,
Но гул за лесополосой –
И ходуном лопаты.

Как будто чуял лейтенант,
 Чтоб взвод не расслаблялся,
 Хоть биохимика талант,
 Там, в МГУ остался.

Что испытала молодежь,
 Как танки показались?
 Безудержно в коленях дрожь,
 Но все в строю остались.

И на войне, как на войне,
 Наш биохимик точно,
 Расставил единицы все,
 Как в формуле, в цепочку.

Москву спасали от беды –
 От полчищ европейских.
 Отряд студентов молодых,
 Одетых по-армейски.

Травой окопы заросли,
 Но не забыты лица:
 Здесь ополченцы полегли,
 Чтоб защитить столицу.

Полк бессмертный

*Уж сколько лет фронтовику,
Но память молода:
Мобилизация в стране,
И с запада война.*

*Еще запомнился парад
На площади большой,
В шинелях сводный их отряд
Оттуда прямо в бой.*

*Ребята мерзли на снегу,
Со связками гранат,
Отбив атаку не одну,
Но шел по трупам враг.*

*А парням было лет тогда,
Как правнуку сейчас.
И отступали, и беда –
Раненьё, медсанбат.*

*Но снова на исходе лет
Он вспомнил тех ребят,
Когда портреты как завет,
Нес правнук как солдат.*

*И он пришел не на парад,
На всенародный ход.
Но лозунг, будто тех ребят,
«За Родину! Вперед!»*

*И так на марше без вождя
Шагали люди в ряд.
Но видел фронтовик себя –
Военный свой парад.*

Письмо бойцу

*Он был ранен. Так, в плечо.
Дело-то простое.
От любимой письмецо
Ждало после боя.*

*Он снимает автомат,
Что врагов бил злющих.
- Подожди чуточек, брат,
Это от Валюши.*

*Если взять вот, вообще,
И сказать сердечно,
Ты мне нужен – на войне,
А любовь мне – вечно!*

Владимир КУЛИБАБА

Мой май

*Священный пламень - память о войне,
Неугасимо теплится во мне.
Томлюсь ли ночью, мучаюсь ли днем –
Тепло и силу нахожу я в нем.*

*Бойцов тех нет, но пламя их сердец
С войны в моем воспламенил отец.
Под канонаду гроз я раз в году
На мрамор огоньки гвоздик кладу.*

*И чтоб не прерывалась эта нить,
Огонь в себе обязан я хранить.*

*Когда ж уйду, пусть в память тех времен
В сердцах детей да сохранится он.*

Стройка 55

*Ух! Ах!
Экскаваторы стонут.
По сторонам земляные сугробы,
А посередке квадратный омут
Кружит, как щепки, солдатские робы.
Вместо зажатой до хруста гранаты
В цепких ручищах ломы да лопаты,
Бьются ребята – сильные, угловаты.
Так в сорок первом сражались солдаты.
Сутки за сутками...
Стерты ладони,
Краны, надрываясь: то «майна», то «вира»,
Над головами несутся поддоны,
И на глазах –
за квартирой квартира.*

Тот 1955

*Свадьба-свадьбушка,
В горячем танце закружи,
Счастье-счастьюшко,
Как в жизни надо, подскажи.*

*Веселись душа
до самой до зари.*

*Зависть, ша!
Замри!*

*Белый нимб над головой,
Глаза в раскос.
Ах, невеста,
ты сестра седых берез.
Руки-веточки душисты и нежны,
Первый вальс в честь юных
Мужа и Жены.*

*По паркету пара стелется едва,
Гости замерли вокруг, как дерева.
Словно лес, поломанный войной,
Не надивится березкой молодой.*

*Белый нимб над головой,
Глаза в раскос.
Ах, невеста,
ты сестра седых берез.
Но скажите,
Кто за них мне даст ответ,
Почему они в невестах десять лет?*

Медаль

*Победу вспомни
Ты в майский день...
Стакан наполни,
Медаль надень.*

*Был жребий – пуля,
В прицеле враг.
Стоял дедуля,
Как наш Варяг.*

*Прикрыл собою
Твой дед ту пядь.
Катюш гобои
Их гнали вспять...*

*Дед не очнулся
На высоте...
Домой вернулся,
Он на щите.*

*Медаль от деда -
За славный бой.
Его победа
Всегда с тобой!*

*Победу вспомни
Ты в майский день...
Стакан наполни,
Медаль надень.*

Сергей МОМДЖИ

22 июня

*В памяти двадцать второе июня,
И позабыта весна,
Минимум ночи - из прошлого пуля:
Там начиналась война.*

*Рушились планы, мечты и надежды,
Сёла, дома, города,
Мирным тот день нам не будет, как прежде,
Всё в нас стреляет война.*

*Нас убивали,
бомбили, сжигали,
Ужас вселялся в дома,
Сколько за Родину жизней отдали?
Теперь издаём мы тома.*

*Ну, а живые? Те зубы сцепили,
Тыла ли, фронт разворот,
Долгие годы борьбы - победили,
Весь наш советский народ!*

*Что сейчас хаять ошибки и промахи,
Сами какие сейчас?
Мирным давно отцветают черёмухи,
Жизнь пощадила всех нас...*

*Два билета на 22. 06. 1941 года
Перебирал папины бумаги я,
Встретил в них я синенький листок,
В старенькой бумаге может магия,
И верчу в руках синий квиток.*

Парой театральные билеты,
 Даже неотрванный контроль,
 Все на "Периколау" - в оперетту...
 В сердце вдруг моём возникла боль.

Июнь, двадцать второе, сорок первого,
 Эта дата отпечатана была,
 И как время, цвета темно серого,
 Вечер выходной, жары пора.

Не пришлось смеяться в оперетте,
 Или с Периколой погрузить,
 Им в антракте не стоять в буфете,
 И с конфетой пива не попить.

Что меня сильнее поразило,
 Что за муки все тогда прошли,
 Мой отец прошел почти пол-мира,
 Передраги, тяготы войны.

Рудники, просторы Казахстана,
 Гор Уральских недра поднимал,
 Марганец искал тогда, и странно,
 Те билеты в сумке сохранял!

Память о счастливой прошлой жизни?
 Ужасы прошедшие войны?
 Помнить о величии Отчизны?
 Или чтоб запомнили сыны?

Никому всё время не показывал...
 Мне один понятен лишь ответ,
 Что-то личное с ними связано,
 Про свои, те двадцать девять лет.

День скорби

*Про вероломность нападения
Мне прожужжали в детстве уши,
Возникли позже лишь сомнения,
Я не носил тогда беруши.*

*Убрали пятую колонну,
Исход же был тогда таков,
Беда России, как я помню,
Колонна вечно дураков.
Одни запуганы, не спорят,
Другие тупо повторят,
Не ведая, что близко горе,
Что, мол, готовы воевать*

*Но не готова оборона,
Сплошные дыры там и тут,
Войны начало проворонят
И лётной технике каюк.*

*А где окопы в полный профиль,
Чтоб дотов занятых не счесть?
А где готовились, как профи,
То получился затем Брест!
За сорок первый, дорогою
Мы заплатили цену здесь,
Очнулись только под Москвою,
Поняв войны весь ужас, жесть.*

*Но только кажется порою,
Что зря на предков мы грешим,
Не дай Бог с новой войною,
Боюсь, что снова повторим.
В земле десятки миллионов,
За них мы искренно скорбим,
Хоть верю: нам придётся снова,
То мы в итоге победим!*

Парад 07. 11. 1941

*Много видела площадь парадов,
Как по ней проходили войска,
Вся в цветах и плакатах, нарядна
И ликующая вся страна.*

*Но один был парад среди этих,
Не забыть нам его никогда,
День рожденья страны с ним отметим,
Когда смерть подступала сама.*

*Вся Европа когда навалилась,
Чёрной свастики тень налегла,
Но врагу не сдавалась на милость,
Оборону держала Москва.*

*Можно было тогда без парада,
Все бы поняли - случай такой,
Но народу то высшей награда,
Знак: Победа за нашей страной!*

*Репетиций впервые не знали,
Не парадная форма была,
Сразу маршем на фронт пошагали,
Сразу в бой уходили войска!*

*Была слаженность, воля народа,
И суровые правды слова:
Для победы ещё сделать много,
Но душа победит - не муштра!*

*Передачу все слушали стоя,
На фронтах, в партизанских лесах,
И рождалась в нас сила и воля,
И фашизму поверили - крах!*

*Вот, лет семьдесят стало параду,
Понимаем сейчас, что спасли,
Не одни ополченья отряды,
Не сибирские даже полки.*

*Обратились что: братья и сёстры,
К нашим предкам и к нашей душе,
И народ весь почувствовал остро,
Что хозяин своей он судьбе!...*

*70 лет Победы под Москвой (цикл)
Что знаю я о сорок первом?
Мне не исполнился и год,
Я умер бы больным, наверно,
Но врач кровь деда перельет!*

*И вся страна была больная,
Войной тогда поражена,
Такая сильная, большая,
Но как в агонии она!*

*И взор все люди обращали,
Туда, где бой вела Москва,
Ведь, чтобы вылечить, сначала
Должна здорова голова!*

*И тот декабрь стал переломным,
Стране победой под Москвой,
Как кровь ей перелили тонны,
Непобедимой став такой!*

Кружился мусор по дороге,
И заколочены дома,
Одни имеют лица строги,
Растеряны других едва.

Полуторки, загружены без меры,
И едут прямо на восток,
Не салютуют пионеры,
Ведь враг вступает на порог!

Одни поедут рыть траншеи
И зажигалки собирать,
А есть, вот дать бы им по шее!
Кто немцев будет поджидать.

Таков октябрь был в сорок первом,
А в ноябре уже мороз,
И зимний полушубок белый
Парад по площади пронес.

Панфиловцы из Казахстана,
И крепкие сибиряки,
Рабочей гвардии окраин
И ополчения полки.

И бесполезны все налеты,
Орудий танковых огонь,
Накропанные всей Европой,
Забыли: "Русского не тронь!" ?

И подвиг 28 гвардейцев,
И жертвы были все не зря,
Когда зимой красноармейцы.
Погнали немцев с декабря!

*Смотрю на кадры: кинохроника,
Как в сорок первом шли бойцы,
В неровном стрекотаньи ролика
Я вижу, что одни юнцы.*

*Идут вчерашние мальчишки,
Война по ним пройдёт катком,
Об этом понапишут книжки,
Оплачем многих мы потом.*

*Виски седые скоро будут,
Морщины лягут на лицо,
Годов себе добавят ссуду,
За год войны - три налицо.*

*Им создавать станки б, машины,
Науки, книги изучать,
Враги в мундирах цвета тины,
И надо мам всех защищать!*

*Европу всю прошли фашисты,
Дошли с боями до Москвы,
Как будто с ними был Нечистый,
Терзая грудь моей страны.*

*Весь сорок первый - отступление,
И сам задумаюсь порой,
Что это было б преступление:
Москву сдать зимнею порой.*

*Вооруженье всё - винтовки,
Сорокапятка, пулемёт,
Бутылки с смесью из-под водки,
Но лучший в мире наш народ!*

*И только начались катюши
И автоматы ППШ,
И Яки, Илы по их душу,
Вот только танков ни шиша.*

*И было всем не до награды,
А как Москву бы им спасти,
Ещё дожить до Сталинграда,
Который немцам не пройти.*

*Переоценивать Победу
Тогда впервые под Москвой,
Не сможем мы, коль будем ведать,
Как всё случилось, мы с тобой.*

*Как весь народ наш окрылился,
И как поднялась вся страна,
Когда парад в Москве случился,
Победа всем была нужна.*

*Победой под Москвой в восторге,
И что смогли мы победить,
Спасибо, скажем, Рихард Зорге,
Что смог японцев убедить.*

*И что тогда мы насмерть стали,
И немцам нечем было крыть,
Спасибо Вам, товарищ Сталин,
Что Вы в Москве остались жить!*

*Спасибо Вам, товарищ Жуков,
В один кулак войска собрал,
И немцев, как огромным суком,
На запад гадов отогнал.*

*Служа Советскому Союзу,
Народ наш подвиг совершил,
И маршалу пою я с Музой,
Солдату, что с ним рядом был!*

*Семьдесят лет напряжения нервного,
И первый победный наш бой,
Помнишь тогда в декабре сорок первого,
Ту битву под нашей Москвой?*

*Билось народное в ней ополчение,
Рабочие, учителя,
Билось сибирских полков пополнение,
Сражалась вся наша страна.*

*Может, ещё не хватало оружия,
И танков мы не напасли,
Но мы с морозом и немцами сдюжили,
Погнали по снежной пыли.*

*Гнали мы, зная: у нас дело правое,
И время пришло побеждать,
Сила души - это сила немалая,
А духа нам не занимать.*

*Бились всегда мы, не ведая корысти,
Пусть тяготы все впереди,
И ожидали нас многие горести,
Но главной Победы ты жди!*

*Всем показали мы силу народную,
Что правда всегда победит,
Что сунулись немцы, не ведая броду,
А СССР будет жить!*

Парад Победы

*По письму моего отца к своей маме,
моей бабушке Марусе. Отрывок из
поэмы "Письма отца"*

25.06.1945г.

*В Москве парад! Мы немцев победили!
На демонстрацию народ идёт.
Страдали мы и трудно жили,
И гибли, веря - мир придёт!*

*Недаром скверная погода,
В июне холодно, дождит,
Как тяжело четыре года
В нужде и голоде прожить!*

*Война оставила наследство,
Такое страшное – нужда!
И нерв расшатанных соседство,
И просто - скудная еда...*

*Но знаю, прояснится небо,
И ярко солнце заблестит.
Мне солнца луч добыть, как хлеба,
Тебя согреть и защитить!*

*Пусть много нас, одетых плохо,
Пусть на картошке мы сидим,
Но наш народ не любит охать,
Нужду мы тоже победим!*

**Он защищал страну, как мог
(из старой тетради)**

*Он по-отечески нестрогий,
Не щеголяет в форме франтом.
Ему до пенсии немного,
А служит старшим лейтенантом.*

*Ему, наверное, обидно,
Что, не имея нарушенья,
Он много лет без повышенья,
Зато за прошлое не стыдно.*

*Он с полной выкладкой солдата
Прошёл с боями пол-Европы
Он видел смерть, идя в атаку,
Он бил врага и мёрз в окопах.*

*Когда бушлат в крови промок,
Он вёл огонь, он был неистов
Он защищал страну, как мог,
Хотя и не был коммунистом.*

*И пусть его не награждают,
Ему награды и не надо.
Его солдаты обожают,
А это больше, чем награда.*

Екатерина БЕЛОВА

Бомбоубежище

Как тихо...

Лишь стучит капель.

- Ты слышишь, мама?

Я знаю – так весна заходит в город!

*И этой ночью нет ни взрывов, ни стрельбы, ни гама,
Как будто кончилась война – вновь отступает холод...*

Капель по мостовой звенит чуть слышно,

Но в тишине она как колокол надежды:

Как будто небо прояснилось, солнце вышло,

Как будто не было войны, и в мире всё – как прежде...

Скажи мне, мама, правда, что когда-то

Мы возвратимся в дом наш, за рекою?

Возьмём за руки и отца и брата?

И ключевой умоемся водою?

- Нет, доченька, назад уж не вернёмся...

Мы с журавлями в небо улетаем!

И больше никогда не прикоснёмся

К рукам живых ...

С рассветом мы растаем...

Мольба матери

*Во имя тех – кого уже нет рядом,
Во имя всех – кто на Земле живёт!
Прошу Вас, начинать войны не надо!
В ней нет души, в ней только кровь и пот...*

*Не приближайтесь, люди, к ней упрямо!
Подумайте о детях, матерях...
Нет ничего светлей, чем слово: «МАМА»,
Возникшее у детства на устах.*

*Тут нет различий – все детьми мы были,
Но жаждем мира только для родных,
И в бездне эгоизма позабыли,
Что матерей не может быть чужих!*

*Ведь сердце каждой остро боль пронзает,
Словами этих мук не передать!
И птицей в клетке биться начинает,
Когда сыны уходят воевать.*

*И тысяча сердец ей вторит сразу,
Забившихся от боли – в унисон.
А святостью своей тот гул пронзает,
Не менее чем колокольный звон.*

*Но люди злы, коварны и упрямы –
Поэтому не могут услышать...
Прошу Вас, ну услышите сердце мамы!
Оно бесценно, им нельзя играть!*

Защитникам

*России славные сыны
Не подведут, не опорочат!
Во все века, во все года
Оберегая наши сны,
Они, сражаясь за народ,
Победу армии пророчат
И грудью защищают тыл
Великой Родины-Страны!*

*Так было испокон, так будет –
Пока страна моя сильна,
И лишь невежествен забудет,
Те муки, что несёт война.
Забудет гром и дух сраженья,
Забудет честь и боя пыл,
Забудет, как и стыд забыл,
Злорадно помня поражение...*

*А тот, кто горд своим призывьем,
Кому советы не нужны,
Собой закроет, лишь бы только,
Не допустить шагов войны.
И бой любой принять готов он,
За жён, детей и матерей,
Чтоб только страх ночей бессонных,
Они забыли поскорей.*

*И в этом всё предназначенье,
Того, кто истинный солдат,
Кто защищать страны просторы,
И днём и ночью - горд и рад!
В войне – и боль и разрушенья,
Сиротства горечь, стон людской...
Повсюду страх и притеснение –
Творят убийство и разбой.*

Когда б не сила ополчения,
 Не труд защитников страны-
 Не знал бы мир освобождения
 От этих ужасов войны!
 Не знал бы мир освобождения
 От тех, кто стыд и честь забыв,
 За властью гнался в исступленье,
 Народы честные пленив...

России славные сыны
 Не подведут, не опорочат!
 Во все века, во все года
 Оберегая наши сны,
 Они, сражаясь за народ,
 Победу армии пророчат
 И грудью защищают тыл
 Родимой Матушки-Страны!

Богатырка

*Распустила Россия
Свои длинные косы –
Словно реки они
Заструились на грудь.
На глазах проступили
Слезинками росы...
Ох, нелёгкий тебе,
Выпал, Матушка, путь!*

*Приготовилась биться
Богатырка – девица!
За свой путь православный –
Славный праведный путь!
Век стоит – не прогнётся,
С места не шелохнётся
С той дороги родимой –
Не сойти, не свернуть.*

*Её меч – это правда,
Её щит – это гордость
За сынов своих бравых,
Что всегда ей верны.
Рубит правдой нещадно,
Всех забывших про совесть,
Защищая законы
Святой Старины.*

Цените, прошу, ветеранов!

*Цените, прошу, ветеранов – бесценны они!
На памяти их отголоски безумной войны!
И детям, вперёд, накажите и внукам своим –
Потомственный долг возвращать тем героям седым!*

*Ведь каждый из них столько в жизни всего испытал,
Груз тяжкий войны он на храбрые плечи поднял!
И боль, и лишения, и голод, и битвы, и мор,
Сломить не смогли – шли герои им наперекор!*

*Их долею были тяжёлые, ратные дни,
Так сделаем всё, чтоб и нами гордились они!
За тех, кто не с нами, давайте же свечи зажжём,
И скажем: «спасибо», всем Миром, за то, что живём!*

*Вы память, о жизни их славной, неся сквозь года –
ЦЕНИТЕ!
Запомните подвиг людской!
Навсегда!*

Никита С. МИТРОХИН

Какими мы были

*Какими мы были? Какими мы стали?
Какие страницы перелистали?
Советское детство, крещеная зрелость,
Меняли мы жизнь, как только хотелось.*

*Оковы сменили, но оковы остались,
Хотя за свободу всегда и сражались.
Меняли дом, паспорт, землю и Бога,
Осудят ли дети нас потом строго?*

*В очередной раз начав все сначала,
Вернусь я, пожалуй, к родному причалу.
Прошу я у Бога и силы огромной,
И мудрости вечной, и веры бездонной,*

*Благослови меня, перед дорогой,
Дай звучности слога хотя бы немного,
И дай мне, прошу тебя, сильной любви,
Прошу тебя, Господи, благослови.*

Проза

Марк ТУРКОВ

Война, которой могло бы не быть

Предисловие

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Я родился в 1954 году, но тема Великой Отечественной Войны продолжает звучать в моей душе по сей день - быть может это голос крови, крови пролитой моим отцом и дедом на полях той войны.

22 Июня... 22 Июня 1945 года мой отец, вернувшийся с войны и моя мать поженились - тем самым создав новый семейный праздник «...со слезами на глазах».

Теперь, проживая далеко-далеко от Родины, я понимаю величие их поступка - увековечить для нас - потомков этот день: день горя и день радости; день смерти и день начала новой жизни.

Жаль, что в последние годы подвиг Советского народа подвергается ревизии и сомнению.

Вот почему я решил изучить хронологию событий накануне того страшного дня; понять для себя самого и, быть может для Вас, сердцевину войны: войны, которой могло бы не быть.

Обращаю Ваше внимание на то, что в данной статье я не полагаюсь на информацию, которая доступна в Интернете. Интернет - величайшее достижение человечества и, как всякое достижение, является «мечом обоюдоострым»: его можно использовать как для просвещения так и для лжи и развращения. Всё труднее отделять «плевелы от семян» - правящая элита международных банков сделала обман и фарс реальностью нашей жизни...

Я полагаюсь на реальные книги - «Написано пером - не вырубешь и топором».

К примеру, возьмите Encyclopædia Britannica, 15 Edition (1974 - 1994, или раннее издание), откройте том «U», и прочтите статью об истории Украины. Вы уви-

дите, что это изложение весьма отличается от навязываемой сегодня «истории». Заметьте, что эта книга и эта статья готовились в разгар «холодной войны» специалистами весьма далёкими от любви к России, к СССР. Эта статья отображает ход исторических событий признанный мировым сообществом.

Итак, привожу список использованной (для данной статьи) литературы.

Список литературы

Schneider, Carl J.; Schneider, Dorothy (2003). World War II. Facts On File, Inc. ISBN 978-1-4381-0890-2

Gregory, Don A.; Gehlen, Wilhelm R. (2009). Two Soldiers, Two Lost Fronts: German War Diaries of the Stalingrad and North Africa Campaigns. Philadelphia, PA: Casemate. ISBN 978-1-935149-74-3.

Mercer, Derrik, ed. (1989). Chronicle of the 20th Century. London: Chronicle Communications Ltd. ISBN 978-0-582-03919-3.

Röhl, John C. G. Wilhelm II: Into the Abyss of War and Exile, 1900–1941. Cambridge University Press. ISBN 978-0-521-84431-4.

Salmaggi, Cesare; Pallavisini, Alfredo (1979). 2194 Days of War: An Illustrated Chronology of the Second World War. Mayflower Books. ISBN 978-0-8317-8941-1.

Davidson, Edward; Manning, Dale (1999). Chronology of World War Two. London: Cassell & Co. ISBN 0-304-35309-4.

Encyclopædia Britannica, 15 Edition (1974 – 1994)

Britannica Book of the Year, Omnibus 1938-1942

Alexy, Trudi. The Mezuzah in the Madonna's Foot: Oral Histories Exploring Five Hundred Years in the Paradoxical Relationship of Spain and the Jews. – 1st. – NY: Simon and Schuster, 1993. – 306 p. – ISBN 978-0671778163.

Вторая Мировая Война: хронология событий

В чём «сердцевина» самой страшной войны за историю человечества? Войны, которая случилась всего лишь

20 лет спустя окончания Первой, «самой страшной войны за историю человечества», унесшей около 40.000.000 жизней и развязанной той же самой Германией?

А вот, в чём.

Ротшильды не хуже Ленина - а лучше изучили теорию К. Маркса. Они поняли, что дальнейшее (после Октябрьской Революции в России), развитие этой теории на практике приведёт к полной потере власти и богатств. Лучшим, для Ротшильдов, доказательством был приход коммунистов к власти в Германии: парламентское большинство в рейхстаге получили партии, отвергавшие ценности парламентской демократии. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия и Немецкая национальная народная партия — с одной стороны, и Коммунистическая партия Германии — с другой (Веймарская республика 1919—1933 годов).

Вот почему Ротшильдам необходимо было срочно ввести «новый мировой порядок» который, по сути, ничего нового не представлял бы, а лишь упрочивал закон эксплуатации человека-человеком, противопоставив националистическую идею - интернациональной.

Страны - победительницы в Первой Мировой войне, подчинённые банкам Ротшильдов (США, Великобритания, Франция, Италия), не просто «закрыли глаза» на возрождение немецкой военной машины, а способствовали приходу нацистов (во главе с Адольфом Гитлером) к власти, с последующей активной милитаризацией германского государства. И это при существовании Версальского мирного договора (28 июня, 1919 года)!

По этому договору вооружённые силы Германии должны были быть ограничены 100-тысячной сухопутной армией; обязательная военная служба отменялась, основная часть сохранившегося военно-морского флота подлежала передаче победителям, были также наложены жёсткие ограничения на строительство новых

боевых кораблей. Германии запрещалось иметь многие современные виды вооружения — боевую авиацию, бронетехнику (за исключением небольшого количества устаревших машин — бронированных автомобилей для нужд полиции). Германия обязывалась возмещать в форме репараций убытки, понесённые правительствами и отдельными гражданами стран победительниц в результате военных действий.

Вот почему фашистская Германия, всего лишь за 6 (шесть!) лет, т. е. от прихода Гитлера к власти в 1933 году и к моменту вторжения в Польшу, в сентябре 1939 года, обладала военной авиацией в количестве 1085 самолётов (Luftwaffe was flying about 850 Bf 109Es and 235 Bf 109Ds).

А всего (до разгрома Советской Армией в 1945 году), Германия обладала 3 400 000 военнослужащими и 119 871 самолётом, не говоря уже о танках, бронемашинах, и нефтепродуктах тайно поставляемых Гитлеру компаниями Рокфеллера.

26 января 1934 года Польша и Германия подписали Пакт о ненападении сроком на 10 лет.

4 ноября 1935 года Польша и Германия подписали Соглашение об экономическом сотрудничестве. С германской стороны подпись поставил министр иностранных дел Константин фон Нейрат, с польской стороны — посол Польши в Германии Юзеф Липски.

В 1938 году Польша открыто приняла сторону Германии. Сначала польское руководство фактически поддержало аншлюс Австрии (12 марта 1938 года), заявив, что это — внутреннее дело Германии. Таким образом, был дан импульс к переделу послевоенных границ. Уже спустя пять дней после аншлюса Австрии, 17 марта 1938 года, Польша предъявила ультиматум Литве. Кроме того, началась подготовка к отторжению Тешинской Силезии от Чехословакии. Польша к этому времени находилась в фактическом сговоре с Венгрией и Германией, намереваясь расчлениить чехословацкое государство.

Несмотря на то, что Чехословакия была славянским государством, Польша не отказывалась от идеи пожиться территорией за счет соседа. В данном случае принадлежность чехов и словаков к тем же западным славянам, что и поляки, не имела для польского руководства никакого значения.

21 сентября 1938 года Польша потребовала от Чехословакии передать восточную часть Тешинской Силезии под польское управление.

30 сентября, спустя девять дней, Варшава вновь повторила свое требование, а 1 октября 1938 года в Чехословакию были введены польские войска. Тешинская Силезия была оккупирована, после чего вошла в состав Польши в качестве Западно-Тешинского повята.

2 октября 1938 года польский маршал Эдвард Рыдз-Смиглы выступил с заявлением по поводу воссоединения Тешинской Силезии с Польшей. Так Варшава оказалась участником вероломного раздела чехословацкого государства.

11 ноября 1938 года в Варшаве прошел военный парад, посвященный присоединению к Польше чехословацких земель. Тогда весь мир облетела фотография дружественного рукопожатия маршала Польши Эдварда Рыдз-Смиглы и немецкого военного атташе полковника Богислава фон Штудница, которая была призвана продемонстрировать активное военно-политическое сотрудничество двух государств.

21 марта 1939 года Германия потребовала от Польши передать ей вольный город Данциг, вступить в Антикоминтерновский пакт и открыть для неё «польский коридор» (создан после Первой мировой войны для обеспечения выхода Польши к Балтийскому морю). Польша отвергла все требования Германии.

28 марта 1939 года Гитлер разорвал Пакт о ненападении с Польшей. Это произошло после взятия без боя Мемеля. После этого Польша захотела заручиться гаранти-

ями союзников. Польша надеялась на помощь Англии. Однако вступить в союз вместе с ней, Францией и СССР Польша отказалась. Англия дала устную гарантию на защиту от Германии. Узнав об английских гарантиях, Гитлер пришёл в ярость и приказал разрабатывать операцию «Вайс».

«Белый план» (нем. Fall Wei;) — немецкий стратегический план военных действий против Польши. Разрабатывался в апреле — июне 1939 года, был реализован с началом вторжения в Польшу 1 сентября 1939 года.

В марте 1939 года Гитлер оккупировал Богемию и Моравию и создал на территории Словакии сателлитное государство. Польша оказалась в железном кольце со всех сторон, кроме - восточной границы с СССР. Рыдз-Смиглы, в ходе переговоров в Москве в августе 1939 г., отклонил все попытки западных держав получить польское разрешение на проход частей Красной Армии по территории Польши на Запад, заявив: «Нет никакой гарантии, что Советы действительно будут принимать активное участие в войне. Кроме того, раз вступив на территорию Польши, они никогда не покинут её».

Обратите внимание: маршал Польши, Главнокомандующий польской армии воспротивился помощи СССР. И это при существовании Польско-Советских соглашений: 15 июня 1931 года СССР и Польша заключили Договор о дружбе и торговом сотрудничестве. 25 января 1932 года СССР и Польша подписали Договор о ненападении.

23 августа 1939 года, гитлеровская Германия и Советский Союз заключили договор о ненападении. Согласно секретному дополнительному протоколу к договору предусматривалось включение Восточной Польши, Эстонии, Латвии, Финляндии и Бессарабии в сферу интересов СССР, Литвы и Западной Польши — в сферу интересов Германии.

22 Июня 1941 года...

Невозможно отрицать, что Польша несет вместе с США, Великобританией, Францией, Италией, Японией и Германией, самую непосредственную вину за развязывание Второй мировой войны.

Войны, которой могло бы не быть!

Войны, которая как мы видим из хронологии событий, началась не с нападения Германии на Польшу, а с аншлюса Австрии, 17 марта 1938 года – когда польское руководство фактически поддержало фашистское правительство Германии, тем самым получив «добро» на ввод в Чехословакию польских войск, что привело к разделу Чехословакии, то есть - к уничтожению независимого чехословацкого государства.

И ЭТОТ раздел происходил при попустительстве США, Англии и Франции!

Массовое уничтожение евреев (Холокост)

Уместно вспомнить, что твердящие ныне о моральных ценностях США, Великобритания и Франция, в 1939-1948 годах были вполне солидарны с гитлеровцами в отношении еврейского вопроса.

Испанские дипломаты предложили возможность Испании как маршрута к лагерю для еврейских беженцев вблизи Касабланки, но были вынуждены отказаться от этого плана из-за отсутствия поддержки со стороны Франции и Великобритании.

Великобритания всячески препятствовала иммиграции евреев в Палестину - тогда ещё подмандатную ей (Объединённому Королевству), территорию. Евреи вели партизанскую войну против немецких и прочих нацистов и, одновременно, против Англии в Европе и в Палестине.

В этой войне родилась подпольная еврейская армия -Хагана (Haganah), ставшая впоследствии основой Армии Обороны Израиля.

Так США не принимали корабли с евреями-беженцами, а Англия ловила и определяла в собственные концлагеря евреев, чудом спасшихся от гибели в фашистских лагерях смерти в Европе. Один из них, в Атлите, что в 15 км южнее Хайфы (Израиль), превращен в музей-мемориал и побывать там должен каждый, кто интересуется малоизвестными и мрачными страницами современной истории.

Через этот огромный лагерь с 1939 по 1948 прошли 120 тысяч евреев, несколько тысяч из которых здесь погибли. Часть от недоедания и болезней, а часть были расстреляны либо повешены при попытке к бегству. Вы только представьте себе этот ад: чудом спастись от гибели в фашистских застенках, бежать на другой конец света и... оказаться в британском, Её Величества Королевы, концлагере!

Послесловие

*«Помните!
 Через века, через года, —
 помните!
 О тех,
 кто уже не придет никогда, —
 помните!
 Не плачьте!
 В горле сдержите стоны,
 горькие стоны.
 Памяти павших будьте достойны!
 Вечно
 достойны!»*

(Роберт Рождественский — Реквием)

Нелли КОПЕЙКИНА

Слово перед боем

Война застала Василия, как и большинство жителей Союза, врасплох. Планов на войну не было никаких, мечталось о подарках родным с первой зарплаты, которую должен был получить в начале июля, о предстоящей с сентября учёбе в университете, куда поступил на вечерний факультет, хотя по баллам очень даже проходил на дневной, о девушке с густой чёлкой, которая на экзамене по математике сидела рядом, о предстоящей рыбалке с соседом Петром Васильевичем. Рыбалка всё же состоялась.

- И в войну есть надобно, Василий, - уговаривал его сосед, - моя Светлана сегодня на уху настроилась, да и твои, поди, тоже. Как тут обернётся, получится ли ещё когда нам выбраться. Успеешь ты на свою войну! Накорми хоть своих перед отъездом ушицей. Мы, айда, пока все учреждения закрыты, по паре-тройке карасиков и лещей поймаем.

Поймали, клёв был отменный. Но настроение – то самое главное, зачем рыбаки ходят на рыбалку, было неважным, с какой-то тинной примесью и даже с горечью. Над гладью воды думалось сильнее, а мысли были тяжёлые, да ещё Пётр Васильевич почти всё время говорил о прошлой войне всякие страсти, как бы подготавливая Василия к предстоящему. Василий слушал вполуха, иногда ему даже просто очень хотелось, чтоб старик умолк, и тот умолкал, но не надолго. Вдруг, вспомнив что-то ещё, он начинал новый рассказ. Врагов Пётр Васильевич называл падлами.

- Почему падлы? – спросил однажды Василий, в действительности не особо интересуясь этим. Спросил больше для того, чтоб прервать рассказ старика.

- А шут их знает, - отмахиваясь от комара, ответил

Пётр Васильевич, но тут же, поняв что-то для себя, добавил, – низко пали, на чужое добро рот разинули, захватчики хреновы, падлы – одно слово.

Слово «падлы» Пётр Васильевич произнёс с особым ударением, означающим презрение, ненависть и жалость, как если б отплюнулся от чего-то гадкого.

Сейчас Василий стоял перед воинами и должен был что-то сказать им. Воины были таковыми пока только по названию: всем, стоящим перед ним, и ему самому, предстояло принять первый бой в своей жизни. У одной трети мужчин, облачённых в военную форму, не было никакого оружия. Так начиналась война, заставшая россиян врасплох. Василий обвёл всех взглядом и открыл рот, но неожиданно появившаяся во рту сухость не дала молвить слово, звук не получился. Василий, понимая нелепость положения, закрыл рот, и, помогая кадыком и мускулами шеи протолкнуть воздушную пробку куда-то вниз, виновато опустил глаза. Неожиданно вдалеке, со стороны неприятеля раздался грохот орудийного залпа, наверное, немцы опробовали своё оружие.

- Падлы! – выругался в адрес неприятеля Василий. Вырвавшееся слово прозвучало с ненавистью и угрозой. Это слово сшибло ненужный ком в горле, и Василий заговорил, обращаясь к стоящим перед ним мужчинам:

- Мужики, скоро нам в бой! Не все мы вернёмся из этого боя, но мы с вами стоим на своей земле, мы защищаем свою Родину. Эти падлы, - Василий с ненавистью глянул в ту сторону, откуда раздался грохот, - прошли всю Европу. Все опустили перед ними свои флаги. Они считают, что уже победили и нас, но вот им, - Василий энергично показал в сторону врага фигу, - мы будем сражаться за каждую былинку!

- Чем сражаться то? – боязливо втягивая голову в плечи, спросил мужчина лет сорока, стоявший чуть по-

одадь от Василия. Василий тут же со словами – «Возьмите!» протянул ему свою винтовку и ответил:

- Сориентируемся по ходу. Сейчас те, у кого нет оружия, держитесь рядом с теми, у кого оно есть. И знаете что, - тут Василий на миг опустил голову, как если б испытывал вину перед стоящими, и продолжил уже мягче, без злобы в голосе, - зря под пули не лезьте, берегите себя и товарищей. Помните, мы нужны своим родным и близким, мы нужны Родине.

Валентина ЕФИМОВА

Валентина Васильевна Ефимова родилась накануне Великой Отечественной войны, 19 марта 1940 года в городе Енакиево, Донецкой области.

Раннее детство прошло в военные годы. На войне погиб её отец. С детства пришлось много работать. Всю тяжесть послевоенных лет испытала на своих хрупких плечах...

Была целинницей, долго работала на стройках Сибири и Крайнего Севера, много училась и всегда занимала активную жизненную позицию.

У неё трое детей, шесть внуков и два правнука.

Богатую событиями жизнь описала в мемуарах, новеллах, рассказах и романе: «Букет подснежников - на счастье».

Интерес вызывает не только разнообразие жизненных перипетий, но и развитие человеческих взаимоотношений.

Книгу «Букет подснежников – на счастье» приняли в дар не только библиотеки России, но и библиотеки других стран.

Эту книгу приняла в дар и «РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА» (ФГБУ «РГБ»).

Валентина Ефимова получает многочисленные благодарности от своих читателей. Она финалист премии «НАСЛЕДИЕ» за 2017 год.

Член Российского союза писателей и Союза независимых авторов и издателей.

Букет подснежников — на счастье

(Отрывки из романа)

*Любимой моей мамочке
Ефимовой Галине Александровне
Посвящается*

Начало жизненного пути Нади Истоминой

Первое сентября 1947 года. Надя Истомина идет по улице с мамой, и вся светится счастьем.

Счастье началось с шести утра — когда лучик солнца блеснул в окошки их маленького саманного домика из двух комнат. Легко вскочив с кровати, Надя в одной рубашке выбежала на крохотное крыльцо — и вдруг поновому увидела себя и все вокруг. То же чистое лазурное небо, та же зелень, те же налившиеся соком яблоки и груши в саду — а Надя уже другая.

Без пяти минут школьница!

- Какое счастье, - не переставая, мечтала Надя. - Я сегодня сяду за парту, буду учиться только на пятёрки.

Умывание — скорее! Скорее! — завтрак, в косы вплетены парадные ленточки.

И вот Надя гордо идет с мамой вниз по улице. Смотри, поселок Октябрьский, пригород рабочего города Краматорска, смотрите, окрестные горы — первоклассница идет. Почти вприпрыжку; в новом темно-синем платье, в белом штапельном фартучке — просто загляденье, любитесь мама, несущая цветной ранец. У дочки ноша важнее — сильно пахнувший букет алых роз.

«Я иду в школу, в школу!» — с особой гордостью думает она. Она бесконечно счастлива.

— Анна Семеновна, какие вы обе красавицы! — ахают встречные.

И Надя любитесь на маму. Какая же она нарядная:

светлое платье с тонкой отделкой из черного атласа струится вокруг тонкой фигуры, на маленьких ножках — модные туфельки на высоком каблукке! Шелковые локоны, черные как смоль развиваются на легком ветру и необычайно красиво ложатся на плечи. Вот только почему-то слезинки на ресницах — как зеркальные зайчики сияют и искрятся в лучах солнца.

Надя никак не может понять, почему мама плачет. Лишь годы спустя осознала: это были слезы радости и печали одновременно. Радостно было от того, что самое страшное позади: закончилась война, и вот Анна Семеновна уже вторую дочь ведет в первый класс, но в то же время эту радость не может с ней разделить погибший на фронте ее муж, Василий.

И в это чудесное утро перед глазами Анны Семеновны пронеслось все ее безрадостное детство. 25 марта 1917 года — не лучшее время для девочки, чтобы появиться на свет в России. Бедное и трудное детство почти гарантировано. Даже если девочка родилась в зажиточной интеллигентной семье.

Ни папа — Семен Георгиевич Назаревский, харьковский дворянин, сын греческого еврея, в родне музыканты, скульпторы, художники — ни мама, Анна Дмитриевна Пономарева из интеллигентной русской семьи учителей и священников Московской губернии — не думали, что все обернется вот так. Что не будет у них скоро ни земли, ни положения, ни достатка, что в 18-м году двадцатого столетия они погибнут. Дочки: Антонина, Евгения и Анна после их гибели разойдутся по родственникам...

Однажды, гостя уже у младшей сестры — Жени, Аннушка увидела Василия Истомина. На четверть цыган, на остальную часть широкой своей души — украинец: молодой, общительный, веселый, необыкновенной жизненной силы сероглазый парень. Тогда не в моде были красавцы, Василий Истомин и не был красив — скорее,

такой душа компании. Певец, танцор, всегда первый на вечерах в клубе.

Он влюбился в Аннушку с первого взгляда. На первых же танцах поклялся себе — больше не отпустит. И не отпустил, они поженились.

Когда Анна Назаревская была счастлива? Наверное, вот в те короткие несколько лет — в красивом и уютном домике, с любимым мужем и дочками, до того утра, когда 22-го июня 1941-го года началась Великая Отечественная война.

Вася ушел на фронт добровольцем в первый же день, хотя ему предлагали бронь от завода. О «своих девочках» похлопотал, они уехали в безопасное Зауралье.

Что такое «трудно жить», Анна поняла уже в поезде, на пути в эвакуацию. Беременная, с шестилетней Верой и годовалой, болеющей Надей.

Томительные, бесконечные перегоны, стоянки: то на станциях, то почти что в чистом поле...

Как-то на рассвете всех пассажиров разбудил страшный грохот и резкое торможение — перед составом разорвалась бомба. Кто был на верхних полках — попадали вниз, а Истоминым повезло, они спали на нижней полке. Пока стояли, Анна решила набрать воды, оставив Надю на попечение старшей Веры. Вернулась — и не нашла детей на месте...

Как она кричала, как искала между вагонами и под ними, как спрашивала у всех — не видели светленькую годовалую девочку в красном платьице?

Господи, куда же могла деться, что же случилось? В обморок упала только тогда, когда Надя нашлась — до этого держалась. Оказалось, Вера просто убежала играть к ребятам-сверстникам на другой конец вагона, а мимо Нади проходили ребята постарше. «Брошенная! Надо спасать!» — решили. И отнесли малышку к своей маме.

До конца поездки Анна просто не выпускала младшую дочь из рук — тем более что у девчушки сильно

болел животик. Несколько дней в поезде показались нескончаемыми, но, в конце концов, все-таки приехали.

Казахстан, Павлодарская область.

Работать — на эвакуированном военном заводе, токарем, двенадцать-четырнадцать часов ежедневно — но зато рабочая карточка, то есть, голодать не придется.

Схватки начались прямо у станка — заводской врач и медсестра удачно приняли роды. К двум дочкам прибавился сын — как они с Василием этого хотели!

С новорожденным на руках Анна вошла в юрту — и услышала за спиной мощный гул и треск. В том самом цехе, где она была еще полдня назад, раздался взрыв. Много людей погибло — знакомых, уже почти родных, ставших близкими за последние жуткие месяцы.

Могла бы, и сама Анна быть там в тот момент, но крохотный ребёнок, лежавший сейчас у нее на руках, в первый же день своей жизни спас всю семью: и себя, и маму, и старших сестер от гибели или сиротства.

Людей в их юрте вскоре прибавилось: Анна взяла под опеку десятилетнюю сиротку Тамару, мама которой погибла при том взрыве, и пятилетнего Володю. С ними жила Евдокия Ивановна, пожилая женщина, ещё и бабушка Володи...

И настала наконец та самая светлая майская ночь — со словами по радио: «...Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии», с высыпающими на улицы радостными людьми.

Победа означала возвращение домой.

Из степи — в родной Краматорск, из юрты — в уютный дом. Вместе с Анной Семеновной обратно едут трое родных детей, а также сиротка Тамара и пожилая одинокая женщина, Евдокия Ивановна. Володя уехал со своей бабушкой к себе на родину, в Ленинград.

Хоть и дома, но жизнь оставалась трудной и голодной. Наверное, про счастье Надина мама тогда и не вспоминала — до того ли, слишком много вокруг горя.

А у Анны Семеновны был особый дар — ощущать чужое горе острее, нежели свое; этот дар она передала и своей дочери Надежде. Соседку, например, взять, Катю: как-то раз перестала выходить из дому; хорошо, Анна Семёновна хватилась. Оказалось — та чуть не умерла от голода, обессилела. Анна сбегала домой, принесла молока, заготовленного для маленького сына, и хлеба.

— А что же будет кушать мой братик? — удивилась тогда Надя.

— Наденька, никогда не оставляй человека в беде, особенно, если это касается его жизни; без сожаления отдай последнее...

Военное детство Прасковьи Ивановны

Родилась Прасковья Ивановна в 1930 году в одном из сел Воронежской области в дружной и счастливой семье, где родители были самой мирной профессии — хлеборобы. Но их семейное счастье разрушилось ужасами Великой Отечественной войны, которая началась 22-го июня 1941-го года.

Отца сразу же забрали на фронт, а Прасковья, одиннадцатилетняя девчушка, маленькая, худенькая, с первых дней войны испытала всю ее тяжесть. Свой трудовой путь ей пришлось начать в госпитале, где она ухаживала за ранеными солдатами. Эта хрупкая девочка не чувствовала усталости, так как она почти с пяти лет была приучена к труду.

Серьезные испытания выпали на ее долю в июне 1942-года, когда фашисты оккупировали Воронежскую область. Ей пришлось своими маленькими неокрепшими ручонками вместе с взрослыми копать окопы, строить укрепления. Страшная история того времени стоит перед ее глазами до сих пор. Построив укрытие, она пошла в дом, чтоб забрать свою бабушку и маленькую сестренку, и в эту минуту прогремел сильный взрыв... Оказалось, что именно в это убежище, которое строили

односельчане, упала бомба. Какие-то доли секунды ее отделили от неминуемой гибели.

Но гораздо больший страх постиг эту добрую девочку, когда в их селе бесчинствовали фашисты. Однажды Прасковья мальчишка из соседнего села передал записку, в которой незнакомым почерком было нацарапано: «Пашенька, твой отец находится в Семиреченском, если ты ему не принесешь передачу, он погибнет». Примерно такую же записку получили еще две семьи из их села.

Мама собрала ей все, что было в их доме съестного, да еще соседи кое-что принесли. Прасковья пошла на встречу с отцом, которого очень любила. Идти нужно было почти тридцать километров. И она, босая и голодная, шла вместе с двумя женщинами, не чувствуя ни страха, ни усталости, ведь надо было спасти отца, самого дорогого для нее человека.

Наконец-то они добрались до Семиреченского. Боже мой, какое жуткое смятение овладело ими, когда увидели чудовищную картину: все дома сожжены, а чуть дальше, на окраине села, выкопан и огражден колючей проволокой ров. Фашист с автоматом стоял на краю оврага и наблюдал за пленными. Казалось, ноги вросли в землю, но Прасковья каким-то шестым чувством поняла, что нужно подойти поближе. То, что она увидела за колючкой, еще более ее потрясло. На дне ямы ползали живые скелеты. И тут она услышала: кто-то слабеньким голосом ее зовет, даже не услышала, а догадалась, что именно ее зовут.

Нет, не узнала дочь в этом высохшем человеке своего отца, но почувствовала что-то до боли знакомое. Наконец, до нее дошло — это же их любимый учитель, Василий Иванович! Он тихо, почти шепотом произнес: «Пашенька, доченька моя, пойми меня»...

И она уразумела, что своими любыми действиями во что бы то ни стало обязана спасти своего педагога. Паша, ни секунды не колеблясь, протянула свои худенькие ру-

чонки к учителю и во весь голос завопила: «Папенька, папенька, мой родненький!» Тогда случилось непредсказуемое: немец подошел к ней (девочка выглядела ребенком лет восьми-девяти, не более), а учитель объяснил солдату, что это его дочь: «Das ist meine Tochter, meine Madchen!»

К изумлению, немец разрешил ребенку отдать учителю передачу. Тогда мужчина заплакал и сказал: «Прасковья, спасибо тебе, родная!» Позднее Паша узнала, что Василий Иванович был оставлен в тылу врага для подпольной работы...

Прошли самые страшные военные годы, а семья Прасковьи Ивановны получила похоронку на отца. Навсегда ушел из жизни их любимый дорогой человек. Начались трудные послевоенные лихолетья. И вот, в один из майских дней 1946 года, открывается калитка, и в нее входит, кто бы вы думали? — учитель их села. Да, да, их Василий Иванович! Он подошел к Прасковье, потцовски обнял ее, заплакал и сказал: «Это ты, Прасковьюшка, девочка моя, спасла меня от верной гибели». И еще он объяснил своей любимой ученице, почему именно ей он написал записку: «Ты, Прасковьюшка, всегда была смелой, доброй и сообразительной ученицей, поэтому я верил, что ты обязательно придешь». Он подарил ей красивый платок и отрез на платье, тогда это была большая ценность. На протяжении многих лет Василий Иванович помогал их семье. К Прасковье он всегда относился как к родной дочери...

Искупил ли?

Сложен наш мир русский... и раньше был, и теперь, сейчас, сложен.

Юношей воевал он в боевых рабочих дружинах первой русской революции – на баррикадах бился в 14-ть свои. Но, когда охранка царская арестовала, смалодушничав, выдал всех, отправив тем самым на многолетнюю каторгу да по тюрьмам, а двоих или, троих – на казнь. Помилован, выпустили. Переехав, изменил внешность, вступив позже в коммунистическую ячейку. Годы шли..., новая власть... Не искали, стёрлось всё.

В 41-м, во время тяжёлых боёв под Москвой, в пожиллом санитаре, вытаскивавшем с нейтральной полосы, боец и выживший-то благодаря спасителю, узнал выдавшего отряд в далёком 1905-м. И трибунал судил человека, на счету которого до 70-ти перевязанных, вынесенных с ожесточённо простреливаемой немцами нейтралки за последние недели, судил иссечённого осколками, сутками не спавшего, кругами вокруг ввалившихся глаз... исступлённого делавшего лишь одно: **с п а с а т ь...**

Расстреляли через час. Дело, в нарушение всяческих норм, уничтожили. Семья в результате не пострадала. «Погиб в бою» - осталась запись... Рассказал историю эту в далёком 92-м один из выживших членов расстрельной той тройки. Рассказал правду.

Татьяна МУРИНА

Мой отчим

Мой отчим, Сергей Самуэлевич Гендельман умер 18 июля 2011 года, в возрасте 87 лет. Как сказал один знакомый священник, не каждый христианин сподобляется такой кончины: это был его день Ангела – преподобного Сергия Радонежского, печальника Земли русской, в день смерти он пособоровался и причастился.

В начале войны он собирал на заводе снаряды для «Катюш», потом прибавил себе год возраста и ушел на фронт, предварительно окончив артиллерийское училище.

Не буду говорить здесь о его наградах и за что он получил их, - подвиги всех наших солдат, офицеров и простых людей похожи самым главным – любовью к Родине. Расскажу о мужестве, которое справлялось с болью. Однажды в блиндаж, где находился и мой отчим, прибыло молодое пополнение. Солдат предупредили до темноты не выходить, поскольку фашисты днем вели наблюдение. Но молодежь не послушалась и постоянно выбегала то за водой, то за едой. Как обычно в таких случаях, была сделана «огневая вилка». Отчима спасло только то, что он сидел в самом углу блиндажа, потому что больше никто не выжил...Он очнулся, услышав колокольчик санитаров. Когда откопали его по пояс, начали рыть с другой стороны и увидели чью – то ногу, торчавшую под углом девяносто градусов, - это была его нога. Хирург военно- полевого госпиталя был настроен решительно: ампутировать, но он уговорил врача собрать ногу по косточкам. Два раза после неправильного срастания без наркоза ногу опять ломали, но ее удалось сохранить. Мы много слышим о мужестве на фронте и в тылу, но мужество и терпение раненых, которым зачастую не хватало лекарств, перевязочных

материалов, да и просто сочувствия, когда они оставались один на один со своей болью, - тоже заслуживает внимания.

Он скончался в 87 лет, а в 75 лет строил на даче беседку своими руками, имея с сорок шестого года ортопедический ботинок. Это, конечно, поколение «титанов», до которых нам далеко.

Светлана ТРЕТЬЯКОВА

Ангел-Хранитель

Я вспоминаю своего деда. Он всегда был занят какой – либо работой, и не сидел без дела. Простой крестьянский мужик из далёкой российской губернии приехал сначала в Москву в поисках работы и в деревенской одежде и лаптях пошёл на Красную площадь.

Дошёл он до первого милиционера, который попросил его не позорить советскую власть и покинуть площадь по-хорошему. Дед решил не искушать судьбу и уехал в Санкт-Петербург, одевшись по канонам городской моды, дабы больше не привлекать внимания служителей порядка.

Устроившись на завод и получив комнатуху в общезжитии, он вызвал из провинции мою бабушку и они стали привыкать к городской жизни. В июне 1941 года дед добровольцем ушёл на фронт и за четыре года прошёл дорогами России и Европы тысячи километров. После окончания войны его перебросили на Сахалин, и он ещё целый год служил телефонистом на местном аэродроме.

Рассказывать о войне он не любил и ордена надевал крайне редко.

Я сейчас очень жалею, что не смогла в течение долгого времени разговорить его. Он был молчаливым и скромным работягой, который всю жизнь трудился ради семьи и боготворил свою супругу, дочерей и внушек. Однажды в День Победы девятого мая, дед рассказал нам, за что он получил орден красной звезды. В связи с тем, что мой дед был из крестьянской семьи и мог справляться с лошадьми, его направили в артиллерию ездовым. Все четыре долгих года войны он занимался доставкой снарядов на передовую и транспортировкой сорокапятков. В тот день разгорелся бой

за одну из российских деревушек. Атака захлебнулась в своей ужасной трагической безысходности. На батарее закончились снаряды, и артиллерия не смогла поддержать атаку наших батальонов. Ситуация сложилась критическая, батарея была отсечена от наших позиций шквалистым миномётным огнём и всё пространство было пристрелено неприятелем, скорее всего, работал немецкий корректировщик. Траншеи противника находились буквально в пятистах метрах от наших позиций, солдаты заняли первые позиции фашистов и с трудом сдерживали противника, который старался вернуть утраченные ориентиры. Ждать приказа не было времени, каждая минута оценивалась ценой жизни простого русского солдата. Мой дед погрузил ящики со снарядами на телегу, помолился второпях и колесница, запряжённая парой лошадей, понеслась прямо на передовую.

Дорога там была только одна, она шла параллельно между двумя противоборствующими сторонами. Сквозь град снарядов и пуль с обеих сторон, он словно Ангел парил над простором израненной страны, приближая миг победы, и он успел как раз вовремя. Атака была отбита. Войска перешли в наступление и освободили небольшую российскую деревушку. Каким-то чудом не одна из пуль и не один из осколков не попали в ящики со снарядами и в моего дедушку. Вся его форма, по его описанию, была иссечена осколками, от деревянной телеги отлетали куски дерева и парили в пространстве, отвергая законы физики, а он был невредим. Перед самой смертью он мне рассказал, что слышал и видел Ангела, который парил и закрывал пространство вокруг него. Описать он его не смог, просто не успел. Он был счастлив, что успел рассказать нам эту маленькую историю из своей простой, в его понимании, жизни.

Лилия КАШИРОВА

Фашистская Эстония 1941-1944 (Отрывок из повести «Плен»)

Июль 2010

Электричка быстро неслась из Таллинна по направлению к маленькому эстонскому городку Клоога. Высокий, худощавый и седой мужчина лет 70 внимательно смотрел в окно. Объявили: «Клоога-ранд». Он вышел, держа в руках большой букет алых роз и по тропинке направился в лес. Пройдя километра два, подошел к озеру, около которого стоял небольшой памятник с надписью: «Жертвам Холокоста» и положил к нему букет роз. Потом прошел к кладбищу недалеко от памятника, кладбище было запущенное и заросло травой, на нем были захоронены расстрелянные немцами евреи, те, кого немцы, отступая, не успели сжечь.

Около озера рыбачило несколько человек.

- Интересно, знают ли они, что на дне озера покоятся кости тысяч евреев, затопленных вживую во время войны?- подумал он.

Над головой шумели красивые, высокие, хвойные деревья, которые уже успели вырасти на этой почве, обильно политой кровью тысяч расстрелянных и сожженных здесь же людей: мужчин, женщин, стариков и детей.

Он вспомнил, как мама рассказывала ему, что весь лес на этом месте был вырублен и сложен штабелями. А когда пригоняли партию евреев на расстрел, то бревна раскладывали на земле, и люди должны были ложиться на эти бревна лицом вниз, затем проходили солдаты и стреляли им в затылок. После этого трупы снова закрывали бревнами, на них снова ложились люди, которых расстреливали таким же способом и в конце концов все сжигалось.

- Совсем не уделяют Эстонские власти внимания этому месту. Все обветшало, могилы заросли травой. Почему? Может быть, хотят забыть события, позорящие страну? - размышлял мужчина.

- Тогда почему же они убрали памятник солдату - освободителю с центральной площади? Чем им не угодили освободители? Они ведь не укладывали эстонцев штабелями и не расстреливали их за то, что Эстония воевала на стороне Фашистской Германии? Освободители просто сослали фашистских пособников в Сибирь. Справедливое и гуманное решение.

Он сделал несколько фотографий, открыл старенькую карту и начал что-то рассматривать на ней. Достал компас, прошел с километр по компасу в одном направлении, потом свернул и прошел в другом направлении, внимательно изучая местность. Вышел к нескольким большим частным домам.

-Ну, конечно, эти бараки не сохранились. Их давно уже снесли. А один из них был тот, в котором я родился.

Он снова сфотографировал это место, чтобы показать фотографии матери, которая несмотря на возраст 90 лет, еще была жива. Посмотрел на часы и повернул назад.

-Пора возвращаться. Надо успеть на электричку.

Успел. Разные мысли теснились в голове у мужчины под мерный стук колес.

- Как может один псих так воздействовать на целый народ, превратив практически почти всех в реальных или потенциальных убийц?

- Почему евреи, которых расстреливали тысячами, не смогли объединиться и дать хоть какой-то отпор врагу?

Приложение №1

*Протокол допроса эстонского полицейского
Августа Синипалу, участвовавшего в охране концлагеря
Клоога и издевательствах над узниками
Сентябрь – октябрь 1944 г.*

СИНИПАЛУ Август Фрицевич, 1898 г. р., уроженец гор. Таллина, из рабочих – маляр, прож. гор. Таллин, ул. Иле, д. 37, кв.12, состоявший на службе в 287-м полицейском запасном пехотном батальоне в качестве рядового полицейского.

Находясь на службе в качестве ночного сторожа в Таллинском порту, я в 1941 г. был зачислен в состав организации «Омакайтсе» и продолжал нести службу по охране порта. В дальнейшем наша организация «Омакайтсе» имела ряд реорганизаций, и в августе из нее был создан 287-й полицейский запасной пехотный батальон. Я поступил на службу в качестве рядового полицейского в составе 2-й роты этого батальона. Наша 2-я рота была направлена из гор. Раквере в концлагерь Клоога с целью несения охраны заключенных.

Вся рота последнее время в своем составе имела 110 человек, командиром роты являлся лейтенант ЭНТРИК-СОН. В лагере Клоога наша рота имела одну основную задачу – не допускать выхода евреев из лагеря и общения с людьми, проживающими вне лагеря, а также контроль за лицами, приходящими на работу в лагерь из других мест.

Вопрос: Сколько находилось евреев в лагере Клоога?

Ответ: Точное количество евреев, находившихся в лагере Клоога, мне не известно, но полагаю, что их было там около 2000 чел., мужчин, женщин и детей.

Вопрос: Кому подчинялась ваша рота и от кого получала указания о порядке организации караула и создания режима заключенных в лагере евреев?

Ответ: Все распоряжения и приказы о порядке охраны и режима заключенных евреев исходили от одного немца, который занимал должность лагерфюрера, фамилию которого я не знаю. Распоряжения и приказы он отдавал лейтенанту ЭНТРИКСОНУ, командиру нашей роты, который был обязан их выполнять. Помимо лагерфюрера в лагере было всего 5–6 немцев, из которых один являлся помощником лагерфюрера, а другие – руководители работ. От лагерфюрера были строгие приказы стрелять в каждого еврея при попытке выхода за ограду лагеря.

Вопрос: Были ли случаи и попытки со стороны евреев выходить за ограду лагеря, и применялось ли в таких случаях оружие полицейскими вашей роты?

Ответ: Я знаю лично один случай, когда один из евреев самовольно вышел за ограду лагеря. На обратном пути в него стрелял стоявший на посту полицейский ТРАНСИЛОВ. Еврей был убит. Подробных обстоятельств этого дела я не знаю.

Вопрос: Расскажите обстоятельства массового расстрела евреев в лагере Клоога, имевшего место 19 сентября 1944 г.

Ответ: Массовый расстрел евреев в лагере Клоога 19 сентября 1944 г. действительно имел место. По существу этого расстрела я могу сообщить следующее:

18 сентября 1944 г. после возвращения евреев обратно в свой корпус после окончания работы командир роты лейтенант ЭНТРИКСОН объявил нам, что завтра, 19 сентября, все евреи из лагеря Клоога будут эвакуированы через Пальдиске на пароходе в Германию.

Евреи будут следовать в гор. Данциг [Гданьск] к месту новой работы. Лейтенант ЭНТРИКСОН также объявил, что наша рота будет конвоировать евреев, и приказал быть готовыми к выступлению. Мы должны были конвоировать евреев до гор. Данциг.

Вопрос: Предупреждались ли также евреи о предстоящей эвакуации в Германию к месту новой работы и концлагеря?

Ответ: Об этом мне ничего не известно, но за несколько дней до этого среди евреев был слух о скором якобы переезде в Германию. Иногда евреи задавали нам вопросы, будет ли их конвоировать наша рота или придут немцы.

Из этого я заключил, что они готовились к переезду из лагеря Клоога, но официально им об этом объявлено не было.

Вопрос: Расскажите, что было дальше 18 и 19 сентября?

Ответ: 18 сентября вечером мы стали готовиться к выходу из лагеря для конвоирования евреев, а утром 19 сентября карательный начальник – фельдфебель нашей роты по фамилии ПЕЛАЯС, приказал всех евреев на работу не выводить. Этот приказ был выполнен.

Евреи выходили из 2-этажного корпуса, где они жили, во двор и за ограду этого корпуса нами не выпускались. Охрана этого корпуса была усилена, и все свободные от служебных нарядов полицейские нашей роты были стянуты к проволочной ограде, которая окружала дом евреев.

Часов в 10 утра на территорию лагеря начали прибывать немецкие полицейские мелкими группами в 5–8 чел. с автоматами. Немцы следовали пешком со стороны станции Клоога, и всего их прибыло 30–35 чел.

Все немцы вместе с лагерфюрером направились за ограду к евреям, откуда вывели более 200 мужчин и с ними направились к месту, где в лагере находились дрова. Все выведенные люди нагрузили на себя по несколько поленьев дров и с этим грузом вернулись обратно, проследовали мимо нашей ограды и направились в сторону железной дороги.

По пути следования один из евреев пытался бежать, но был убит из автомата немцами.

Вслед за этой группой из-за ограды была выведена другая группа евреев численностью около 200 чел. Обе группы по нескольку раз ходили за линию железной дороги и переносили туда из лагеря дрова.

Мы, полицейские, в это время продолжали охранять ограду, за которой находились остальные евреи – часть мужчин, женщины и дети.

Через 2–3 часа переноска дров была закончена, и обе группы евреев в лагерь больше не вернулись. Скоро была слышна стрельба из автоматов с того направления, куда евреи таскали дрова. Мне стало ясно, что за железной дорогой сейчас происходит расстрел. Среди евреев в лагере поднялась паника и плач.

Стрельба продолжалась минут 20–30 и прекратилась. Через несколько минут вернулись немцы и начали группами по 20–30 чел. выводить остальных евреев из лагеря за линию железной дороги. После каждого вывода людей из лагеря за железной дорогой была слышна стрельба. Вывод людей из лагеря и расстрел продолжались до самого вечера 19 сентября.

Уже в темноте пьяные немцы стали расстреливать последних людей на дворе и внутри здания, где проживали евреи.

Перед вечером, когда евреев в лагере осталось уже мало, комроты лейтенант ЭНТРИКСОН снял с охраны ограду и отправил нас отдыхать. Немцы продолжали выполнять свою преступную работу и ночью убили из лагеря. Вместе с ними ушли лагерфюрер и другие немцы, которые раньше проживали в лагере Клоога.

Вопрос: После ухода немцев из лагеря что делала ваша рота на следующий день?

Ответ: Утром 20 сентября лейтенант ЭНТРИКСОН поднял всю роту и приказал следовать в гор. Пальдиске для посадки на пароход, следующий в Германию. Каким-то образом стало известно, что парохода в Пальдиске нет, и лейтенант приказал следовать в гор. Пярну

пешим ходом. И дальше там это решение было изменено, и мы должны на поезде проследовать до гор. Таллин, где пересесть на другой поезд, идущий в Пярну. В этот же день мы прибыли в гор. Таллин.

Я слез с поезда и отправился к себе домой и остался здесь после прихода Красной Армии.

Вопрос: Кто из полицейских вашей роты еще остался в гор. Таллин?

Ответ: Мне известно, что в гор. Таллин еще остались следующие полицейские, которых я лично видел после на улицах Таллина:

ТИИДУ, он проживает на ул. Вируганав, д.1.

ТАММ. Его адрес мне не известен, но я его видел 2-3 дня тому назад в городе.

КУТСАР. Местожительства его я также не знаю.

В нашей роте еще было несколько полицейских, ранее проживавших в гор. Таллин, фамилии и адреса их я не знаю.

Вопрос: Укажите все командование роты, их местожительство и где в данное время находятся?

Ответ: Командир роты лейтенант ЭНТРИКСОН – происходит из района гор. Пярну.

Фельдфебель роты ПЕЛАЯС – происходит из района гор. Петсери [Печора].

Фельдфебель АУЗЕНБЕРГ – до службы проживал где-то в районе гор. Таллин.

Точные их адреса и местожительства я не знаю. Также не знаю, где они проживают или находятся в данное время.

Протокол допроса составлен с моих слов и мне прочитан и переведен на эстонский язык (А. Синипалу)

Допросил майор АВИК

ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 17а. Л. 91-94.

Заверенная копия. Машинопись.

Справка

Всего в Эстонии во время фашистской оккупации было 150 лагерей. В абсолютном большинстве это - 102 лагеря военнопленных; 48 концлагерей, тюрем, гетто и лагерей для мирного населения, из них 21 концлагерь по международной классификации, такие как Вайвара, Клоога, Кивиыли, Таллинн, Нарва, Лагеди. В концлагерях, тюрьмах, гетто и лагерях для мирного населения содержалось 53 199 человек. В годы войны с территории Эстонии было вывезено 74 226 граждан. С 1941 по 1944 гг. было убито от 120 до 140 тысяч евреев, русских, украинцев, белорусов и людей других национальностей. Около 70 тысяч - за зиму 1941 - весну 1942-ого года. Убивали всегда с особой жестокостью и не щадили ни женщин, ни детей. В феврале 1942 года Эстония была объявлена свободной от евреев. По разным оценкам из пятидесятичной еврейской общины Эстонии в живых осталось не более 500 человек.

Конец фашизму в Эстонии 1944

Тем временем советские войска стремительно наступали на Таллин. С востока от Нарвы, шла 8-я армия, с юга — части 8-го Эстонского стрелкового корпуса. Впоследствии заместитель начальника политотдела 8-го корпуса Арнольд Мери вспоминал:

«Мы двигались к Таллину со скоростью 50-60 км в день. Люди обессиливали, падали в канавы, но спешили, потому что знали: опоздаем — немцы всё взорвут! Когда до Таллина оставалось 120 км, и нам, и ребятам со стороны Нарвы выделили специальный транспорт, сформировали ударные группы, и мы бросились к городу — за одну ночь расстояние преодолели. Ещё и фрицев били по дороге, они же огрызались, а не «цивилизованно отступали», как сегодня в Эстонии врут. Убитых хоронить

времени не было, мы их на повозки складывали и так привезли в Таллин».

22 сентября в 11 часов утра в Таллин вошла подвижная группа 8-го эстонского стрелкового корпуса, чуть позже — передовые отряды 8-й армии. Около половины одиннадцатого утра советский танк из пулемёта расстрелял флагшток на «Длинном Германе», сбив нацистский и эстонский флаги. Вечером в Ставку верховного главнокомандования было доложено о трофеях: 25 самолётов, 185 орудий, 230 автомашин, в порту было захвачено 15 судов с русскими военнопленными и населением. К концу ноября были взяты Моонзундские острова.

Горький хлеб

Шёл 1947 год. Хотя война и закончилась, но многие отцы ещё не пришли домой, - кто-то на западной Украине добивал бандеровцев, кого-то оставили в Европе для поддержания порядка. Наш городок был в развалинах, многоэтажные дома в центре были полуразрушены. Там мы бойко играли в войнушку, т. к. была возможность где прятаться. Было у нас ещё одно интересное место: около школы № 1, в центре площади стоял когда-то памятник Ленину. Немцы его снесли, но там остался многоступенчатый пьедестал, где было определено место победителю, для тех, кто сможет из ребят устоять, выдержать толчки и не упасть с верхотуры. По глупости наносили друг другу травмы. Целыми днями мотались по улицам, домой возвращались лишь к вечеру. С едой было очень плохо, вкус хлебушка порой забывали. В нашем придонском городке Миллерово был один хлебозавод, который работал с перебоями, зерна не хватало, колхозы ещё не наладили чёткую поставку зерновых. Магазинов по городу было всего три, но очереди за хлебом были очень большие. Занимали очередь с вечера, нужно было целую ночь стоять, через каждый час была перепись по номерам, если кто куда отлучался, его очередь пропадала. У меня была маленькая сестрёнка Зоя, которая почему-то всё время хотела кушать и плакала, я делился с ней своей долей или давал пососать кусочек макухи (прессованная шелуха подсолнечника, оставшаяся после выжимки масла). Как мне рассказывала мама, я выделялся из ребят своей худобой, она не думала, что я вообще выживу. Однажды она мне дала важное задание: занять с вечера очередь, выстоять, никуда не отлучаться и получить на карточку хлеб. Обычно она это делала сама, но сестрёнка заболела, пришлось решать

этот вопрос мне. Я договорился с соседом Лёнькой (он был немного старше меня) вместе пойти на эту «операцию», тем более, что ему тоже предстояло выполнить такую же задачу. Мы обрадовались, что целую ночь мы будем свободны, как птицы, вечером весело побежали к центральному магазину, надеясь быть первыми в очереди. Однако, припоздали и были уже во второй сотне по номерам. Мы записали химическим карандашом на руках номера, встретили мальчишек с другого края города, завязали с ними дружбу. Первые часы перекличек даже нравились нам, народ бегом, как солдаты, выстраивался в ряд, каждый выкрикивал свои номера и снова расходились. Потом это однообразие нам поднадоело, наши с Лёнькой руки были уже исписаны до локтя, а переклички во второй половине ночи стали ещё чаще. А народ уже гудел, многие, отлучившиеся на короткое время и выбывшие из строя на получение хлеба, были недовольны, дело доходило до мелких стычек. Наша бодрость потихоньку куда-то испарялась, к утру глаза стали сами собой закрываться, словно они нам и не принадлежали. Мы с другом решили просто немного посидеть, подождать очередной переклички. Но только мы присели на охапку соломы, как глаза сами закрылись и мы просто отрубались от всех земных проблем. Проснулись, когда солнце нещадно жалило нас, а магазин уже выдавал «счастливчикам» хлеб. Рядом стояли знакомые пацаны и смеялись над нами, спящими на земле. Я вскочил, с трудом разбудил Лёньку, который никак не хотел просыпаться. А когда окончательно проснулся, то бегом убежал домой. Я мысленно обвинил его в предательстве и стал думать как же мне получить хлеб, ведь я честно продежурил почти всю ночь. Мне стало стыдно, что я не выдержал испытания и заснул, но как мне говорил дедушка: «Безвыходных положений не бывает». Потому я побежал в очередь искать смутно знакомую тётку в красном платке, за которой я записывал последний мой

номер в очереди. Найти её я не смог: то ли она платок сняла и убрала, то ли я забыл какого цвета он был. Я шёл вдоль очереди, которая превратилась в стадо ревущих баранов (все кричали, ругались) и нечаянно споткнулся. Поднимаясь, я оказался внизу, между ногами стоящих в очереди людей. Я был маленький и худой «как щепка», потому на меня никто не обратил внимания, может быть думая, что я чей-то сын стоящих в очереди людей. И у меня внезапно созрела мысль: добраться ползком между ногами людей до прилавка магазина, взять хлеб, т. к. дома были голодные мама и сестрёнка. Ведь скоро должен вернуться из армии папа. Выходит, что я сейчас — единственный кормилец в семье. Эта мысль приободрила меня и я, вместе с передвигающимися в очереди ногами, стал передвигаться к заветному прилавку. Кто-то наступил на мои пальцы правой руки, я сдержался и, стиснув зубы, промолчал. Но когда чей-то сапог прижал к полу мою голову, я не выдержал и просто заорал. Толпа расступилась, в двух метрах от прилавка увидела меня, в правой руке был зажат талон на получение хлеба. «Чей пацан?», - закричал кто-то и, не дождавшись ответа подхватил снизу и швырнул меня с высоты своего роста на крыльцо магазина. С крыльца меня столкнули на землю, какие-то люди стали бить ногами, я закрыл лицо руками, из оцарапанного лба текла кровь. И вдруг всё стихло. Я приподнял от земли окровавленное лицо и огляделся. Расшвыривая толпу своими сильными руками, на самодельной коляске, с подшипниками вместо колёс, ко мне приблизился безногий матрос с медалями на груди. «Люди, очнитесь! За что бьёте пацана, за кого мы воевали? Стыдно!» - закричал он и поднял меня на ноги. Мы оказались с ним почти одного роста. «Прости их, малыш, не озлобляйся, во всём виновата война», - сказал он, достал из своей сумки кирпичик хлеба и отдал мне. Потом смахнул с глаз непрошенную слезу и покатил на своей коляске от магазина. Мне стало нестерпимо

стыдно за свой поступок, я прижал к груди булку хлеба, люди в очереди старались не смотреть в мою сторону. Придя домой, я рассказал маме о случившемся, она обняла меня и заплакала. Я больше никогда не видел этого безногого моряка, моего спасителя, но память о его поступке до сих пор живёт в душе моей. До конца дней своих я берегу и буду беречь каждую крошку хлеба, учу этому детей и внуков своих. И пусть никогда больше не возвратятся те страшные времена.

Судьба казачья

Второй послевоенный год выдался суровым и неприветливым. Донская степь и поля, которые когда-то, в прошлые времена, славились богатыми урожаями зерна, пышным ковылем, чабрецом, маками, разноцветными тюльпанами, выглядели совсем по-другому. Степь была удушающе пыльной, иссечённая трещинами голой земли, а над всем этим горело раскалённое солнце в мареве засухи. Однако, колхозы начинали работать, люди возвращались в родные края. Мужчин было больше инвалидов, вернувшихся с войны, в гимнастёрках и сапогах с ссутуленными плечами и угольками вспыхивающих самокруток в кулаках. Треть семьи рода Тихоновых не вернулась с полей сражений, героически погиб сын Василий в первый год Отечественной, где-то под Курском пал смертью храбрых брат Павел. От постоянных бомбёжек и невозможности оказать медицинскую помощь умерли двое внуков. Младший сынок Володя только год назад вернулся из фашистского плена без правой руки. Собралась вся родня почтить память погибших родичей в дни той страшной войны. Глава семьи, дед Радион, прочитал небольшую молитву и после небольшой памятной речи о войне, о погибших родных, о горе страны, напомнил о приятном: «В этот день,

шесть лет назад родился внук, — он один из всех внуков остался жив. Слава Богу!» Выпили, закусили «казацким кондером», запили узваром, да солёным арбузом на десерт, заиграли песни. Не пел и не весел был только Володя — младший сын Радиона Ивановича. «Ну что буйну головушку повесил?» — спросил один из родных, «Поделись своим горюшком, легче станет. Да Расскажи нам про немчину проклятую, да как ты сумел выжить в их логове?» Володе было уже семнадцать лет, статный, широкоплечий, спокойный, но без правой руки и затаённой грустью в чёрных глазах. Батя молча кивнул и молодой казак начал рассказывать грустную историю, начало которой было положено здесь, с этого куреня, с этого база. Те, прошлые обстоятельства, складывались следующим образом. Немцы заняли Ростовскую область и хутор, в котором жила семья Тихоновых. В этом хуторе с давнего времени были поселены мирные немцы колонисты, которые образовали колхоз и успешно работали при Советской власти. Они построили там хорошую школу, в которой учились ребятишки и немецкие, и казачата. В основном на немецком языке шло и преподавание, не говоря уже о разговорной речи. Володе язык давался легко, ведь его старшая сестра Шура закончила задолго до войны Педагогический институт с уклоном немецкого, а любознательный казачонок с удовольствием запоминал проводимые ею занятия. Иногда с интересом просто сидел на задней парте, слушал и запоминал задолго до поступления в школу. Буквально через несколько месяцев, когда немцы полностью вошли в роль хозяев донской земли, понастроили концлагерей в городе, занялись поисками неблагонадёжных для них жителей, пошли расстрелы, пытки, им понадобился переводчик. Полностью владея информацией, немцы обратили внимание на семью Тихоновых, которые хорошо знали немецкий язык. Без лишних слов они объявили Главе семьи Радиону Ивановичу, что тот должен выделить кого-

то для работы переводчиком в комендатуре. В случае отказа семью грозили незамедлительно расстрелять. Эту ситуацию рассматривали на семейном совете, где Володя сразу дал согласие выручить родных. Воспитанный в духе казачьего патриотизма, он объяснил, что в этом случае он сможет хоть чем то помочь людям, попавшим в беду. Его отговаривали, ведь ему было всего 14 лет, однако он был тверд в своём решении. Немецкий офицер, проводивший беседу с мальчиком, долго разговаривал с ним, убедился в хороших знаниях немецкого языка. Через несколько дней Володя Тихонов уже работал переводчиком в немецкой комендатуре. За два месяца работы он узнал о таких кошмарах, что не мог спать ночью дома, куда его привозили после изматывающих его душу переводов от допросов военнопленных, гражданских лиц, женщин... Работая в комендатуре он доставал пропуска на выезд из города, содействовал освобождению некоторым арестованным жителям города Миллерово. Но молодая мальчишечья душа больше не могла выдержать страшного напряжения от ситуации в которой он оказался. Однажды утром за Володией приехал на телеге немец из хозяйственного взвода, мальчик отозвал отца в сторонку и сказал ему, что через два дня немцы готовят операцию по уничтожению партизан, находящихся в Фоминском лесу. Добавил, что он не знает кому передать эту информацию и очень переживает за наших бойцов. Радион догадывался кому можно передать эту весть и тут же ушёл. А казачок подошёл к телеге, где лежала немецкая винтовка обозника, который куда-то отлучился, взял её в руки. Из их база хорошо просматривалась степь, начинался знойный и душный день, Рыжие коршуны лениво плавают в глубине заряного неба. Вспомнил он деда своего, пропавшего на полях Гражданской войны, рассказы бати о той далёкой казачьей жизни, - и непрошенная слезинка пробилла густые ресницы. Оттянул с непривычки тяжёлый затвор

чужой винтовки, помолился и послал патрон с блестящей пулей в канал ствола, на выходе из него подставил правую руку, левой нажал на курок. Раздался оглушительный выстрел, Володя потерял сознание. Очнулся он только в городском немецком госпитале через неделю. Пуля из старой немецкой винтовки образца 1914 года (выдавалась солдатам хозяйственного взвода) оказалась разрывной, немец хозяйственник подтвердил в комендатуре, что выстрел был случайным. Правда, Радиону Ивановичу пришлось для этого пойти на затраты, чтобы свидетель сказал то, что нужно. Догадывался он, что задумал это мальчишка и раньше, но такое... Володя не рассчитывал, что пуля будет разрывной, ведь в противном случае по неосторожности он мог бы получить небольшое ранение в мякоть правой руки. Но семью свою он выручил, немцы не тронули никого из них. И вот с этого момента началась для маленького «разведчика» совсем другая жизнь, не похожая на детство, - жизнь в тылу врага. Мальчику ампутировали правую руку, но рана никак не заживала, чувствовал себя скверно, постоянно была высокая температура. На Южном фронте дела стали улучшаться, наша армия готовила для фрицев «Миллеровский котёл», поэтому фашисты начали переводить все свои госпитали на Украину. И вскоре он, вместе с немецкими ранеными оказался в Харькове. Вместе с ним туда же направилась его сестра Шура. Учитывая прекрасное знание немецкого, их родители по договорённости с Главным врачом, устроили её в госпиталь для сопровождения брата. Собрали всем родом всё самое ценное для выкупа Володи после заживления раны, помолились, - и проводили сестру в неизвестность. В Харькове Шура устроилась у знакомой подруги по институту, каждый день навещала брата, договорилась с Главным врачом австрийцем забрать брата, несмотря на то, что ему сделали ещё одну операцию и рана никак не заживала. В один из дней, утром, по договорённости,

она приехала, чтобы забрать его из госпиталя, тем более, что документы о его выписке на немецком языке, были полностью готовы. Однако, ночью по приказу немецкого командования госпиталь был срочно перебазирован в Германию. И пошли мытарства для молодого парнишки казачьего рода... Дорога до германских земель заняла много времени и Володе было когда и о чём подумать. Первой тревожной мыслью была дума о сестре Шуре, как она будет добираться домой, что с ней, - о родителях, которые молятся ежедневно о его здоровье и возвращении. А сестрёнка, после того, когда она узнала, куда увезли брата, горько и безутешно плакала, потом приняла решение отправиться домой, на Родину свою, в семью. Пришлось перейти два фронта, в дороге её дважды (немцы и наши) хотели расстрелять, но молитвы Господни спасли и Вера Православная, Вера в удачу, сохранили ей жизнь. Увозили вагоны немецкого санитарного поезда Володю Тихонова всё дальше от родных донских степей, от семьи в чужую страну, к врагам Отечества. Рана заживала медленно, слишком много горя принесла ему маленькая, разрывная немецкая пуля. Даже врачи, делающие ему операции, ужасались и жалели русского подростка. В передвижном госпитале Володю приблизил к себе гауптман санитарной службы, начальник госпиталя Курт Вернер. Он знал историю мальчика, видел его родителей и по-человечески жалел его, ведь в его семье, которая проживала в Берлине было двое ребят примерно такого же возраста, которых он не видел почти три года. К мальчику раненные немецкие солдаты и офицеры относились по-разному, но в целом терпимо. Солдаты радовались, иногда даже пели, предчувствуя встречу со своими семьями, многие ругали войну и фюрера, но потихонько и в маленьких группах. Володя всё это видел и слышал, понимал их радость, но от этого на душе у него «скребли кошки». Иногда, выйдя в тамбур вагона, он беззвучно заливался слезами и

молился на образ Донской Божией матери, которая всегда была при нём. Не доезжая до Варшавы, санитарный поезд остановился, многие легкораненые немцы вышли из вагонов, улыбаясь солнцу 1944 года. Вышел и Володя, одетый в поношенную форму немецкого солдата без погон и знаков отличия. «Эх, где же конь мой и удаль казачья?» - подумал он, представляя себя на коне кауром и в справе казачьей деда своего Ивана. И так грустно и тяжело стало на душе, таким чужим и злобным было небо над головою, аккуратные польские домики, так не похожие на свободные казачьи хутора. Припомнил он песнь казачью о Польском походе казаков, когда были взяты кубанскими пластунами предместья Варшавы-Праги: «Вспомним, братцы, казаки, двадцать третье сентября! Как рубились мы с поляком из рассвета до темна». И эта память взбудоражила душу его по-взрослому, он почти заиграл эту песню... Но вовремя опомнился, смахнул непрошенную слезу с детских глаз и возвратился в санитарный вагон, где его ожидал покровитель, гауптман Курт Вернер, уже принявший изрядное количество спиртного. В Варшаве Вернер куда-то исчез, но потом появился с большим чемоданом, весёлый, улыбающийся, объяснил, что через служебную связь передал жене, что скоро будет дома. Однако, планы доктора были нарушены: поступил приказ от высшего немецкого командования передислоцировать госпиталь в Гамбург, не заезжая в Берлин. Капитан, расстроенный и пасмурный, как туча, закрылся в купе и в одиночестве долго пил шнапс. Прибыв в Гамбург капитан успокоился, разместил госпиталь, через неделю к нему приехала жена. Шла середина 1944 года. Фашисты упорно сопротивлялись, но Советские войска уверенно продвигались всё ближе к Германии. Володя в госпитале выполнял самые разные поручения: помогал санитарам раздавать лекарства, иногда по просьбе раненых покупал в магазинах спиртное, получал лекарства для госпиталя. Новое по-

полнение госпиталя даже не знало, что с ними находится русский мальчик, думали, что у него просто не было родителей и относились к нему хорошо. Но однажды спокойная жизнь Володи закончилась. Позже он будет вспоминать это время, как лучшие дни на вражеской территории. Начальник госпиталя на две недели уехал по своим служебным делам, а унтер — офицер Штраубе, который давно недолюбливал казачонка, так нагрузил делами мальчишку, что к концу дня он просто «валился с ног». Ему приходилось одной рукой мыть туалеты, отхожие места, а за шнапсом его посылали даже ночью. Было около полуночи, когда Володя вышел из госпиталя, «отоварился» спиртным в двух кварталах от госпиталя и с тяжелой сумкой направлялся к месту своего прибывания. Ночного пропуска у него не было, но патрульные знали его и не задерживали. На этот раз ситуация сложилась не в его пользу: прежняя комендатура Гамбурга была заменена группой бригады СС «Шульдт». Кроме того, в связи с ухудшившимся положением на фронте, гражданскому населению категорически запрещалось хождение по улицам в ночное время. У мальчика забрали его сумку с бутылками, а его на мотоцикле без разговоров отправили в комендатуру и поместили в одиночную камеру. Утром, выслушав объяснения маленького «немца», позвонили в госпиталь, Капитана Вернера на месте не было, и офицер Штраубе, волнуясь за свой поступок перед высшими чинами, просто отказался от мальчишки. Володю отправили сначала в лагерь для перемещённых лиц, а узнав, что он российского происхождения, — в концлагерь для военнопленных, в 50 км от Гамбурга. Мальчика отвели в четвёртый барак, где содержались русские пленные. Был вечер, встретили его настороженно, т. к. он был одет в потрёпанную немецкую солдатскую форму. Однако, узнав, что он из Донских краёв, его окружили с распросами о жизни на Родине, о положении на фронте. Володя

еле успевал отвечать, глаза закрывались от усталости, двое суток его держали только на воде. Ему нашли место на нарах, тревожный сон не укрепил его. К утру разболелась раненая рука, хотя рукой это уже назвать невозможно, просто небольшой живой кусочек культи. Эсэсовцы с ним не церемонились когда он был и в комендатуре, и по дороге в лагерь, тонкая уже заживающая кожа лопнула в нескольких местах и кровоточила. Мальчик хотел подняться, но от боли и потери крови закружилась голова и он потерял сознание. Лагерный доктор обработал рану, а когда Володя заговорил на чистом немецком языке, долго не отпускал его. Альфрэд Друтель, по его информации, был из местных, о войне слышал только то, что ему говорили, поэтому замучил казачка вопросами, на которые тот отвечал неоднозначно и раздумывал сказать ли ему настоящую правду не только о войне, но и о том как ведут себя в России солдаты Вермахта и СС, а также итальянцы и румыны (их союзники) на оккупированной территории. Подумал и не стал рисковать. Через несколько дней он убедился, что принял правильное решение, случайно услышав, как этот «скромный» тридцатилетний доктор докладывал об их «секретном» разговоре одному из немецких офицеров из службы гестапо. Вскоре по неизвестным причинам концентрационный лагерь военнопленных, в котором находился Тихонов, передислоцировали ближе к западной части Берлина. Сменилась охрана и часть персонала. На новом месте были установлены более жёсткие правила содержания пленных, кормили один раз в день гнилой картошкой и водой. Участились расстрелы и издевательства над нашими солдатами. Однажды немцы решили устроить показательное зрелище, пригласив на просмотр почти всех, содержащихся в лагере. Отобрали пять наиболее крепких военнопленных, поставили их около забора с колючей проволокой, а метрах в пятидесяти приготовили пять крупных немецких овча-

рок, которые рвались с поводков. Володю в хуторе не трогала ни одна собака, дед научил его обращаться с ними взглядом, лаской, движением рук, - это был один из элементов Казачьего Спаса, секретного казачьего единоборства. Он стал на колени, вынул маленькую иконку Донской Божией матери, чётко но быстро прочитал молитву, попросил помощи у Рода своего (живых и мёртвых) и что есть силы, размахивая левой рукой, спотыкаясь, побежал к группе пленных бойцов и стал впереди них. Ребята хотели затащить его за свои спины, чтобы защитить от немецких овчарок, но Владимир крикнул: «Так надо» - и неподвижно застыл впереди шеренги пятерых пленных бойцов. Немцы засмеялись, ожидая и наслаждаясь в предчувствии, когда их любимые собаки будут рвать советских пленных во главе которых стоял глупый однорукий мальчишка. Володя неслышно прочитал молитву, сосредоточил взгляд на собаках, мягко вытянул левую руку ниже пояса, ладонью к бегущим зверям, и успокоился. Представил рядом с собой весь род свой, кого знал и о ком только слышал, так ясно, как будто они стояли впереди этого маленького отряда пленных красноармейцев. Рычащие собаки, спущенные охранниками, со злобным лаем бросились на стоящих неподвижно людей, однако почти сблизившись с ними они застыли, поджав хвосты и повизгивая. Потом, немного покрутившись на месте, они мимо немцев куда-то с лаем убежали. Охрана опешила, и не зная что делать дальше, разогнала пленных по баракам. Казачка окружили, хлопали его по плечу, благодарили и просили рассказать как он смог успокоить собак. Владимир твёрдо сказал: «Я поставил им незримую стену, - они это почувствовали. Это сделать может только казак». Через несколько дней концлагерь был окружен американцами, нашими союзниками. Фашисты готовились уничтожить всех, находящихся в лагере, но не успели. Без сопротивления они сдались в плен амери-

канским солдатам. Несколько дней шла подготовка к передаче русских военнопленных Советскому командованию. Когда эта работа была закончена, пофамильно проведена передача всех, содержавшихся в лагере, кроме Владимира Тихонова и ещё троих молодых русских ребят. Володя, ещё не зная, что он задерживается, побратски прощался с ребятами, которых спас от немецких овчарок и другими пленными из барака. Но понял, что американцы оставили его неспроста. В отдельной закрытой машине его увезли в расположение какой-то воинской базы. Там ему выдали гражданскую одежду его размера, обувь, хорошо накормили и поселили в отдельную комнату со всеми удобствами, туалетом, с холодильником, набитым разной едой, шоколадом, напитками. На все его обращения к сопровождающим его людям на русском и немецком языке никто не реагировал. Возникло ощущение, что вокруг него немые, которые не слышат его. И подумал Владимир Тихонов, что от самого слова «род казачий» идёт тепло, потому что это — исток и начало жизни, это его жизнь. А чужбина безразлична к нему, холодна и неприветлива, силы истока отцовского не имеет. Более пяти месяцев был Володя у американцев, которые хотели сделать из него своего разведчика: обольщали деньгами, едой, угрозами. Ведь о нём все знали в лагере для военнопленных. За добрые его поступки ребята сообщили в наши компетентные органы, которые с трудом забрали его уже после Победы. Понял он, что жизнью надо уметь жить, с жизнью надо уметь взаимодействовать, с ней надо уметь обращаться и при любых обстоятельствах не терять Честь и Веру Православную! Володя с одной левой рукой закончил курсы бухгалтеров и всю жизнь проработал Главным бухгалтером в различных лесничествах Ростовской области, незаменимый математик (всё считал в уме за секунды), прекрасный руководитель и семьянин. С женой Марией воспитали десять детей, дождались двад-

цать пять внуков. За Веру православную, за его отношение к жизни, в которой он был больше «За друга своя», за сохранение русских казачьих традиций, Господь долго хранил его на земле. Потому что сохраняя традиции и Веру, мы сохраняем своё Отечество. Умер Володя Тихонов в возрасте 95 лет. Был награждён многими гражданскими наградами.

Гроссмейстер

Надо отдать телефон в починку. Гудит там что-то, и звонок, такой противный, дребезжащий. Я поднял трубку.

- Квартира известного сценариста? - фамильярный, с подковыркой, голос на другом конце провода я не узнавал. - Привет, старик! Не узнал? Зазнался! Ну, отгадай!

Терпеть не могу, когда так по-идиотски разыгрывают.

- Я не знаю, кто вы...

- Да ладно! Сразу «вы»! Это же я, Стас Ложкин...

Станислав Ложкин, ну конечно, это в его стиле - вдруг изображать из себя закадычного приятеля. Ложкин учился в нашей школе классом ниже. В последние лет пятнадцать он печатал заметки в газетах под псевдонимом «Л. Стасов».

- Да, Стас, слушаю тебя.

- Видел тебя по «ящику»? Ты, оказывается, кино снимаешь?

- Снимаю, - ответил я, хотя за спиной у меня был всего один фильм и несколько незапущенных сценариев.

- У меня есть отличная тема для документальной картины!

- Прекрасно, пиши.

- Я-то могу написать... Но у тебя там завязки, тебе легче. Только давай договоримся заранее, - сказал Ложкин по-деловому. - Писать сценарий будем как бы общий. С меня тема, с тебя сценарий. Гонорар пополам. Замётано?

Я понял, что «Л. Стасов» просто так не отстанет.

- Что за тема?

- Рассказываю. У меня умерла тетка, мамина сестра.

Они живут на двадцать шестом квартале Чиланзара. Ну, похороны, поминки, кагор, кутья – все как полагается. И вот ко мне подводят старушку. «Это Ольга Семеновна, соседка наша. Хочет познакомиться». «Ты, сынок в газете работаешь?» – спрашивает женщина. «Работаю», – отвечаю. «Тогда помоги нам». И она вынимает из сумочки орден Красной звезды. Совершенно новенький. «Вот, из Подольска нам прислали... Это для Серёженьки, брата моего».

Я рассеянно слушал Стаса.

– В мае будут отмечать день Победы, не забыл? Так вот, это будет фильм о неприметном герое войны. Я уже и название для фильма придумал: «Награда нашла своего героя!».

– Дальше, – мне стало интересно. Да, в этом году тридцать пять лет со дня окончания войны.

– А дальше вот что... Этот Сергей Коротков в пятнадцать лет совершил какой-то там подвиг. Пока я толком не знаю. Знаешь, поминки были... Но он наш, ташкентский. Фильм можно будет построить на его воспоминаниях...

– Погоди, как он в пятнадцать лет оказался на фронте?

– Он из-под Смоленска. Их с матушкой и сестрой эвакуировали в ноябре сорок первого года из-под Москвы в Ташкент. Слушай, не будь занудой! Что да как... Главное, его наградили. В Подольском военном архиве раскопали документы о нем. Поедем к ним, все разузнаем. Запишем. У меня «Репортофон» есть. Венгерский. Мне в «Вечёрке» до понедельника дали.

...Ночью выпал снежок. На земле он сразу растаял, но белыми пятнами оставался в тенистых местах, на крышах, на стволах деревьев. Про себя я радовался, что Ложкин вытащил меня из дома. Снег очистил воздух, и город стал каким-то притихшим и прозрачным.

Мы поднялись на пятый этаж, остановились у двери, обитой коричневым дерматином. Стас нажал на кнопку

звонка. Дверь открылась. Хозяйка дома, видимо, ждала нас. Из квартиры шел аппетитный запах печеного и еще чего то праздничного.

- Здравствуйте, Ольга Семеновна...

- Ой, Стасик... Хорошо добрались? Сразу нашли? - торопливо спрашивала она, приветливо улыбаясь, - По воскресеньям автобусы так плохо ходят... Проходите... Вот тапочки... - она обернулась и крикнула: - Серёженька, к нам гости!

Обычная двушка малогабаритного дома на окраине Ташкента. Как бы сегодня ни ругали эти «хрущобы», но люди могли и здесь создать островки уюта и своеобразного комфорта. Ординарная мебель из ДСП с полированным шпоном, за стеклом - парадная посуда. Диван, над ним ковер «Русская красавица», на двух чешских полочках - подписные издания. Есенин, Толстой, Щипачев, томик Пушкина. Корочки ЖЗЛ. Фотографии в рамках. Настенный календарь: Дед Мороз, Снегурочка и Олимпийский мишка несутся с горы на сказочных санях, «С Новым, 1980 годом!». На этажерке, на почетном месте, - шахматная доска с расставленными фигурами. В центре комнаты, на столе, накрытом белой скатертью, расставлены приборы: рюмки, салатницы, тарелки с холодцом, селедка «под шубой», под салфеткой - лепешки.

- Проходите, гости дорогие... - Ольга Семеновна продолжала радостно суетиться. - Вот, усаживайтесь... Кому куда удобно...

- Это мой хороший товарищ, - Ложкин назвал меня по имени-отчеству. - Известный сценарист и режиссер. Учился в Москве.

- Очень приятно, - женщина протянула мне тонкую ладошку. - Ольга Семеновна.

Она вытащила из буфета бутылки.

- Ольга Семеновна! - с наигранным возмущением произнес Ложкин. - Зачем же все это? Мы ведь работать пришли!

При этом кадык на его тонкой шее ходил ходуном, потому что у Стаса, как и у меня, впрочем, текли слюнки от одного вида этого хлебосольного стола.

Из соседней комнаты вдруг послышалось какое-то мычание.

Мы разом обернулись.

– Серёжа, ты уж погоди... Тут ребята с дороги... Мы закусим. И потом придем к тебе, ладно? – громко сказала хозяйка. Потом обернулась к нам, тихо сказала: – У него инсульт полгода назад случился. Плохо говорит, и правая сторона не работает...

Из спальни снова послышалось неразборчивое мычание.

– На самом деле как-то нехорошо получается, – сказал я. – Давайте сначала поговорим с Сергеем Семёновичем. Запишем. Это нам для работы надо. Материал собрать.

– Ну хорошо, – вздохнула она. – Идемте, познакомлю вас с Серёжей. Но, говорить-то буду я...

Дверь во вторую комнату была прикрыта бархатными шторами с помпончиками по краям.

Мы вошли в спальню. «Полуторная» деревянная кровать еле умещалась в бетонном пространстве комнатки.

На кровати под одеялом угадывалась фигура человека. Лицо трудно было различить.

– Вот, Серёжа. Это Станислав Ложкин, писатель и журналист, а это (она назвала мое имя) режиссер. Они будут снимать про тебя кино...

Ольга Семеновна щелкнула выключателем.

Лампочка под старомодным шелковым абажуром осветила сумрачную комнату. Лежащего человека...

Я вздрогнул. Несмотря на двухнедельную щетину, круги под глазами, морщины, прорезавшие лицо, я узнал его.

«Гроссмейстер»!

И память отбросила меня на двадцать лет назад. И, как в калейдоскопе, среди множества лиц каких-то людей я ясно увидел это лицо... Намного моложе.

...По нашей улице ходило несколько странных людей. Детство часто идеализируют, хотя оно, по сути, жестоко. Не могли мы оставить этих странных человечков, не похожих на нормальных, правильных, горожан без пристального внимания. Без дразнилок, гоготания вслед. При этом мы чувствовали превосходство над ними, не такими, как все. В тумане детского недоумия подчас вспыхивали искорки жалости. Но естественное сочувствие подавлялось стадным инстинктом улицы, где все хотели быть круче и жестче, чем были на самом деле. А странности у этих прохожих чудиков были разными.

Был среди них вечно включенный, седой как лунь старик. У него была странная, дергающаяся походка, он словно подпрыгивал, а руки постоянно тряслись и скрючивались. А то он вдруг останавливался, застывал на мгновение и улыбался, обнажая беззубый рот. Потом продолжал свое судорожное движение. Смех, да и только! Одно удовольствие передразнить его походку, его горящие глаза.

Наши уличные сумасшедшие делились на определенные категории. Если их странности были не так яркие, говорили мягко: «Ну, этот «с приветом». К этой категории – «с приветом» – относилась одна женщина. Она всегда осторожно шла по обочине, только по земле или траве, стараясь не наступить на камни булыжной мостовой или на «николаевские» кирпичи тротуара. Когда вдали слышался звук автомобиля, она торопливо стягивала с головы выцветший набивной платок. И, к нашей потехе, сгибалась пополам в низком поклоне. Так и стояла, пока «Победа» или довоенная «Эмка» не скроется за поворотом. После этого странная женщина снова повязывала платочек, поправляла гладкую, с проседью, прическу и продолжала свой путь. Были на нашей улице еще несколько «не таких, как все»: поп-расстрига в засаленной рясе, безногий матрос на деревянной теле-

же с подшипниками, человек, который ходил задом наперед... И еще, еще...

Но особо лакомым объектом для подначек был сутулый человек по прозвищу «гроссмейстер». Каждый день он ходил в парк Тельмана через короткую улицу Маяковского. Шел он молча, всю дорогу о чем-то сосредоточенно думал. Под мышкой у него был потертый портфель без ручки. Обычно он шел напрямиком в уголок парка, где собирались заядлые любители шахмат. Он раскладывал свою обшарпанную картонную доску и надколотые фигуры. На деньги он с некоторых пор играть боялся. Однажды, когда очередной любитель древней игры передавал ему проигранный рубль, к столику подошли дружинники и, взяв «гроссмейстера» под локти, привели в парковый опорный пункт милиции. Там его предупредили, что за организацию азартных игр он может попасть за решетку. Молоденький лейтенант хотел уже отпустить мелкого нарушителя, но шахматист стал вдруг кричать, что перед ними гроссмейстер Алёхин, а они все – безмозглые дураки и фашисты. И дай ему сейчас ППШ, он бы разнес их к чертовой матери. Эти сравнения и угрозы очень не понравились стражам порядка, хотели даже слегка поколотить его в воспитательных целях, но передумали. Потому что он стал кричать на весь парк, что он из сверхсекретной «сотки», и товарищ Сталин разберется с ними: расстреляет или сошлет в Магадан. Хотя «вождя народов» не было в живых уже семь лет, хранители порядка раздумали бить шахматиста и заперли его в темную комнатушку. Прибежала сестра гроссмейстера и сказала, что брат ее душевно болен. В момент волнения у него случается приступ, и он говорит всякую чепуху. «Очень вас прошу, отпустите его. Сам он тихий, хороший...» Лейтенант сжалился и отпустил несчастного. Это быстро все узнали. В том числе и мы. И когда он появлялся на нашей улице, кто-нибудь подскакивал к нему и вежливо здоровался:

- Добрый день, товарищ гроссмейстер!

Шахматист смущенно спрашивал:

- А откуда вы знаете?

- Как же, товарищ Алёхин? Мы всё про вас знаем!

Человек испуганно оглядывался по сторонам и, приложив палец к губам, тихо говорил:

- Пожалуйста, не так громко... Я вовсе не Алёхин. Моя фамилия - Ботвинник...

Тут мы, схватившись за животы, хохотали, издевательски смеялись над «чокнутым». Уж мы-то знали, кто такой Михаил Ботвинник!

А «гроссмейстер» только хлопал своими бесцветными глазами и улыбался смиренно.

...И вот он лежал здесь, в комнатке на пятом этаже малогабаритной чиланзарской квартиры. Физическая его немощ компенсировалась удивительно живым взглядом, который словно пронизывал нас, двух незнакомцев. Он улыбнулся и что-то промышчал.

- Говорит вам «Здравствуйте», - перевела мычание брата женщины.

Мы тоже поздоровались. И начался странный диалог. «Гроссмейстер» что-то мычал неразборчиво, а сестра объясняла нам, о чем он говорит. «Он очень рад, что вы пришли», «доктор обещал, что я буду говорить».

«Гроссмейстер» снова что-то «сказал».

- Говорит, чтобы я вас угостила... - «перевела» Ольга Семеновна. Он услышал сказанное сестрой и удовлетворенно улыбнулся и чуть качнул подбородком, давая знать, чтобы мы шли за стол.

...Крутились бобины портативного магнитофона. Мы сидели за столом, а Ольга Семеновна негромко рассказывала:

- В конце мая сорок первого Серёжу, как активного комсомольца, взяли на работу инструктором по спорту. А тут - война. Эти самолеты бомбили железнодорожную станцию, депо. Так бомбили, будто хотели стереть все в

порошок... Очень страшно было. Папа работал сцепщиком. Бомба разворотила будку стрелочника. А отец как раз был в это время там. От него ничего не осталось, ничего... – женщина надолго замолчала.

– В середине июля немцы вошли в наш поселок, Воргу. И Серёжа вдруг исчез ночью, даже не попрощался с нами. Кто-то нашептывал нам, что он подался в лес, к партизанам, кто-то говорил, что его убили. В начале ноября выпал снег. Вдруг прибегает соседка и кричит, чтобы мы выходили. Серезу, мол, привезли. Мы с мамой к комендатуре. Я не сразу узнала брата: лицо синее от побоев, руки в ожогах. На ногах еле стоит. Потом рассказывали, что полицай – наш, сволочь, местный, каленым железом его пытал, иголки загонял под ногти... У Серёжи тетрадь нашли. Обрадовались, думали, секретные записи. Но один немец из комендатуры полистал тетрадку и понял, что это записи шахматных партий. Распорядился, чтобы Серёжу отпустили, добавив, что все равно этот парень к утру подохнет.

Ольга Семеновна надолго замолчала. Потом наполнила рюмки.

– Устала я немного. Угощайтесь, ребята... Вот холодец, селедочка. Огурцы собственного приготовления... Не стесняйтесь. Давайте за Сергея, за его здоровье, – она всхлипнула.

Негромким голосом Ольга Семеновна продолжала рассказывать. обстоятельно, вспоминая подробности, детали.

– Ночью собрались кое-как и ушли. Шесть суток пробирались к своим. По болотам, по раннему снегу. А Серёжа слабый, еле ноги передвигает. В речке чуть не потонули... Дошли до какой-то станции. А там шум, гам, дети плачут, коровы мычат. Паровоз гудит как оглашенный. Это какой-то завод поездом за Урал отправляли. Нашёлся один сердобольный человек, запихнул нас в товарный вагон, и поехали мы, сами не зная куда. В то

варняке холодно, есть нечего... Поезд на каждой станции останавливался. До Оренбурга мы ехали десять суток. Холодно, голодно. Сереже совсем плохо – так его, гады, замучили... Думали, что дорогу не выдержит. А он нет – выжил. Но умом слегка тронулся... Почти месяц ехали до Ташкента. Приехали, помню, а здесь – солнышко! Листва не вся опала! Чудо какое-то! Сережу из поезда – прямо в больницу. Выделили нам чуланчик, во дворе, в Краскомовском переулке. Трудно было поначалу. Но потом обустроились. Сосед наш, Тургун Умарович, царствие ему небесное, устроил нас в госпиталь, в ТашМИ. Маму – санитаркой в хирургию, а меня – в прачечную. Серёже пенсию маленькую выхлопотали по инвалидности. Здесь мы нашли всё: кров, работу, друзей... А в шестьдесят шестом, когда трести начало, нам вот эту квартиру выделили. Вот радости-то было... – Ольга Семеновна улыбнулась. – Так что мы, считай, почти коренные жители Ташкента! Почти сорок лет!

Ольга Семеновна надолго ушла в спальню, справлялась, видимо, о брате.

За окнами уже смеркалось.

Женщина вышла со свертком и папкой в руках. Развернула сверток: орден Красной звезды блестел свежей эмалью.

– Ну вот... – она вытащила из папки документы, копии газет. – Два месяца назад Серёжу вдруг вызвали в военкомат. Но он уже лежал. Я пошла сама. Там мне сам военком и вручил этот орден и постановление. А еще из подольского архива мне передали вот это...

Мы со Стасом склонились над армейской дивизионной листовкой «За Родину!» Декабрь 1941 года. Заголовков: «Наши герои». Мелким шрифтом шел текст: «Юный разведчик из N-ского партизанского соединения Сергей Коротков, обладая исключительной памятью, проявив смекалку и хитрость, за короткий срок собрал важнейшие разведданные по фортификацион-

ным сооружениям, количеству артиллерийских орудий, танков, самолетов и другой техники, а также по количеству офицерского и рядового состава гитлеровцев. Эти сведения помогли в наступлении нашей дивизии в направлении города Вязьмы. Внесли свой вклад в разгром немецких захватчиков под Москвой. Политотдел дивизии ходатайствует о награждении Короткова Сергея Семеновича (посмертно). Наше дело правое, победа будет за нами!»

...Ольга Семеновна, положив нам в пакет пироги и по баночке клубничного варенья, вышла нас проводить.

– По вечерам я все равно гуляю... – объяснила она. – Заодно в аптеку зайду. Только очень прошу вас, не потеряйте фотографии и копии, хорошо? – обратилась она ко мне.

Через три дня я принялся за синопсис и отстучал его на своем «Консуле» за вечер.

Среди документов, которые предоставила Ольга Семеновна, нашел еще одну копию. Это была «Пионерская правда». Дата выпуска – сентябрь 1939 года. Заголовок «Так держать!». А дальше, под нечеткой фотографией – улыбающийся мальчик с кубком в руках, статья. «Пионер Серёжа Коротков, ученик седьмого класса из поселка Варга Смоленской области стал чемпионом по шахматам на Всесоюзной Спартакиаде школьников в Ленинграде. Главный судья соревнований, известный шахматист М. Ботвинник сказал, что талантливая игра юного шахматиста обрадовала его. И он считает, что Серёжа Коротков – это наша надежда и гордость. И что в будущем он может стать гроссмейстером».

И снова перед глазами встала сутулая фигура «гроссмейстера», который когда-то каждый день ходил по нашей улице. И мы смеялись над ним. Смешанное чувство стыда, раскаяния и сладкой ностальгии по ушедшим временам охватило меня. Вспомнил вдруг, как со смехом стал рассказывать маме об этом человеке. И осекся

на полуслове. Мама никогда не била меня. Она только посмотрела так, что лучше бы уж ударила. Я съежился под этим взглядом.

- Это больной человек... - тихо, но членораздельно произнесла она. - Не смей обижать больных и слабых! Никогда!

...Редактор киностудии вернул мне синопсис. Не глядя в глаза, сказал:

- Темплан уже сверстан. По войне у нас целых три единицы. Опоздал. А потом... Ты там пишешь о синхронах. Твой герой уже не сможет давать интервью.

- Почему? - пожал плечами я, - Профессор Мир-таджиев обещал, что речь к Короткову вернется...

- Разве Ложкин тебе не звонил? - спросил редактор.

- У меня телефон сломался, - холодильник нехорошего предчувствия пробежал по затылку.

- Твой герой Сергей Семенович Коротков умер.

- Что?

- Вчера. - Ладно, не переживай, мы запустим твой сценарий про кукольный театр... Эй, что с тобой?! Куда же ты?

Снег почти весь растаял. Автобус, который вез меня на Чиланзар, зачем-то объезжая лужи, еле тащился.

Матрос с эсминца «Гремящий» **(Рассказ из цикла «Не такие, как все»)**

По нашей не многолюдной, тогда ещё не асфальтированной улице, ходили странные люди. Они резко отличались от «нормальных», правильных горожан и мысленно мы называли их- «не такие, как все». Мы были «нормальными» и, поэтому, считали себя выше их во всем. Они вызывали в нас презрительное высокомерие молодости, пьянящее чувство превосходства. Воспитывала нас отнюдь не школа, не горластые пионервожатые, не пресные родительские наставления, а улица. Дерзкая, иногда жестокая, улица несла в себе горький привкус нищеты, разрухи, страшного лихолетья, пронесшегося совсем недавно над всей страной. Как много их тогда было - неприкаянных, «чокнутых», старых, немощных, больных, одиноких и просто несчастных людей...

Но один из них, «не такой, как все», вызывал в нас некоторую растерянность и даже страх. Его появление сопровождалось оглушительно-звонким перестуком подшипников по булыжной мостовой. Все отрывались от своих игр и пятнашек-куликашек и молча провожали детскими изумленными глазами его проезд. У человека не было ног. Совсем. Мощная, но странно и страшно короткая фигура располагалась на грубо сколоченной деревянной конструкции с четырьмя блестящими подшипниками по сторонам, которую он ласково называл «тачанкой» и при этом мог добавить сильным голосом куплет из старой песни: «Эх, тачанка, ростовчанка! Наша гордость и краса!». Жилые кисти рук от постоянной физической нагрузки были похожи на клешни огромного краба. Они крепко держали потёртые до блеска деревянные толкатели, похожие на киянки, только с короткими ручками. Он всегда был в черном заношенном бушлате, под которым виделась тельняшка, а

на голове, прожѐнная в нескольких местах, бескозырка, с еле видной надписью «...ный флот». Он много курил и махорочный дымок от его самокруток, «козьих ножек», всегда вился следом за гроыхающей «тачанкой-ростовчанкой».

Однажды один из наших остряков, Алик набрался смелости и дерзко крикнул ему вслед:

- Эй, обрубок! Сколько там под килем?

Инвалид остановился, спокойно взглянул на обидчика, выплюнул недокуренную самокрутку. Усмехнулся, покачал головой и поехал было дальше. В тот самый момент к доморощенному остряку подбежала самая старшая в нашей компании, Вика, Виктория, переехавшая в наш двор весной.

- Скотина! - яростно крикнула она и со всего размаху ударила остряка в лицо. Тот, как подкошенный, упал в пыль, а Вика бросилась на него и стала что есть силы колошматить. Мы молча наблюдали за происходящим. Никто из нас не решался подойти к дерущимся и разнять их. Мы знали, что у Вики зимой от осколка в сердце умер отец-фронтовик.

Сильными взмахами своих «киянок» безногий матрос быстро подъехал к дерущимся и схватил Вику своими клешнями за руку.

- Всѐ, хорош, сестренка... Хватит с него... Лежачего, говорят, не бьют, - сказал он хрипло и с силой развел Вику и Алика в стороны.

Алик плакал, размазывая по лицу кровь. Вика сидела в стороне, обхватив голову руками. Спина её вздрагивала.

Безногий вдруг улыбнулся Вике.

- Будем знакомы, Павел Сергеевич Артамонов. Паша. А как вас величать, хулиганка ташкентская?

- Я не хулиганка! - грубо оборвала безногую Вика. - И не «ташкентская»! - зло добавила она.

Вика жила со своей теткой в узкой комнатухе в са-

мом углу нашего двора. С самого начала она предпочла нашу мальчишечью компанию девочкам. Она была рослой, крепкой девушкой с упрямым, колючим характером. Короткие волосы, почти «ёжик», след какой-то болезни, делали её похожим на подростка. Вика была справедлива и могла постоять за себя и за слабого. С первого дня знакомства мы без колебаний приняли её в свои ряды.

- Ну вот, и обиделась! - засмеялся безногий, протянул ладонь. - Ну, мир?

Вика пожала в ответ руку матроса.

- Виктория. Можно Вика, - она отвернулась.

- Ну а вас как зовут? Давайте знакомиться....

Мы по очереди представились.

- Хорошо здесь у вас, - травка, солнышко, прямо курорт! Между прочим, я сегодня богатый, вот...

И он вытащил из оттопыренного кармана светло-зеленую ассигнацию, похожую на простыню, - пятьдесят рублей.

- Ты сопли то вытри, - матрос обратился к Алику, - И сбегай-ка, лучше, в лабаз. купишь портовешка, два пузыря, колбаски докторской, грамм триста-четыреста, баночку кильки в томате и буханку хлеба. А я тебя за твои нехорошие слова прощаю. Понял? Ну, бегом, марш!

Потом мы сидели на травке, а Паша на своей «тачанке». В первый раз мы видели его снизу, а не как всегда, сверху. И если прищурить глаза и смотреть только на его сильный торс, можно было представить, каким раньше он был высоким и красивым.

Разложив газету, пили вино по очереди, так как стакан был один на всех. Закусывали вкусной колбасой и килькой. Павел рассказывал нам всякие истории и байки.

- А вы где служили? - спросил Алик.

- На Северном... Эсминец «Гремящий»... - он вдруг замолчал.

- Расскажите, дядя Паш... - попросила Вика.

- В другой раз, - безногий отвел глаза, - Не стоит об этом... Грязное это дело... Лучше я вам один анекдот расскажу... - сказал он и заранее громко рассмеялся.

Алик, набравшись храбрости, спросил его:

- А что же вы домой не едете, дядя Паша?

Инвалид грустно улыбнулся.

- Вот протезы приличные мне сварганят, а там видно будет... А в таком виде... Никому это не надо... - он махнул рукой и незаметно вытер с щеки слезу, - Наливай!

Так мы познакомились с «человеком-обрубком», старшим матросом с гвардейского эскадренного миноносца «Гремящий», Павлом Артамоновым, Пашей. И эта встреча неожиданно резко ускорила процесс нашего взросления. Теперь он почти каждый день останавливался, и мы болтали о том, о сём. Он получал нищенскую пенсию и подрабатывал в трамваях. Особенно он любил третий маршрут. На остановке возле второго Гастронома, он просил посадить его в вагон. Он не пел жалостливых песен, не играл на трофейной губной гармошке. Даже не говорил ничего, типа: «Помогите инвалиду войны, подайте на лекарства...» Просто молча двигался на своих подшипниках между деревянных скамеек трамвая. Люди расступались и сами подавали ему. Кто-то бросал в бескозырку мелочь, кто-то рубль, а кто и зеленый трояк. Затем он просил помочь ему выйти, его спускали, обычно три человека, и он таким же способом пересаживался во второй вагон. Все кондукторши знали инвалида на тележке и иногда сами подавали ему.

...Таких бедолаг, как безногий матрос Паша, в том, послевоенном Ташкенте было много. Слепшие от огненной пороховой пудры, оглохшие от тяжелой контузии, потерявшие руки, ноги, лица в кровавом месиве войны, они попадали в тыловой Ташкент не по своей воле. Огненный вихрь безжалостной войны заносил их далеко от кровавых сражений, артобстрелов, авианалётов, жа-

лящих пуль немецких снайперов. В город, который в ту пору стал огромным госпиталем. Кому-то он возвращал жизнь, а кого то хоронил на своем огромном братском погосте. И многие из тех, кто стал калекой, но выжил, долго не хотели покидать этот город. Одно его прозвание его, как «города хлебного», возвращало им простое желание - жить. Да и культы, как поговаривали инвалиды, в тепле не так сильно ныли... Но одна мысль тяготила, наваливалась безмерной тоской. Маячила бессмысленностью будущего существования. «Кому ты нужен?»

Много лет спустя, вспоминая наше знакомство с неунывающим Пашей Артамоновым, я понял, что благодаря ему я в какой-то мере узнал про ту войну. Не из учебников по истории, ни от торжественных собраний, когда, наконец, стали праздновать Победу, даже не из фильмов, которые мы, кстати, обожали. А из коротких, обрывочных, как кошмарный сон, слов и предложений Паши. Даже его молчание, нежелание говорить о ней, говорило больше, чем мемуары какого ни будь генерала.

...Была середина октября. Уже прошли дожди. Осенний, золотой, багряный город был напоён сыростью, горьковатым дымком костров. А ещё пахло нафталином, - матери заботливо вытащили из сундуков и шкафов теплые фуфайки и вязаные свитера для своих, так быстро подрастающих сыновей. Мы сидели возле арыка, у догорающего костерка сухих кленовых листьев. В белом пепле пеклась картошка, которую притащил из дома Камол.

Паша курил, глубоко затягиваясь, задумчиво смотрел куда-то вверх, в небо, на облака.

- Во, наш «барабанщик» идет! – радостно завопил Алик.

Паша оглянулся, скрипнув своей тележкой. На противоположной стороне улицы показалась фигура человека. Очередной «не такой, как все». В нем дёргалось всё: - руки, ноги, голова... Вытаращенные, безумные глаза. Из уголков рта свисали тягучие слюни. Но особенно

сильно дергались руки, словно он всё время играл на невидимом барабане.

- Мандраж в последней стадии! - торжественно сообщил Паше Алик. - Эй, «барабан», идем к нам, картоху будем кушать! - Алик снова повернулся к Паше. - Щас такую комедию увидите!

Он столкнулся со взглядом Паши и осёкся на полуслове.

- Ты и в самом деле, - говнюк! - играя желваками, негромко произнёс матрос. - Это не мандраж, это глубокая контузия... Он же больной человек. А обижать больных и детей нельзя.

К нашему удивлению «барабанщик» подошел к нашему костерку. Заикаясь, путаясь в словах, наконец смог произнести беззубым ртом:

- Т-т-там... К теб-б-бе... Пришла б-б-баба... И-и-иди, и-и-иди, м-м-моряк!.. Ищет т-т-теб-б-бя-а-а!

И его страшное лицо изобразило подобие улыбки.

- Краси-и-ивая она у т-т-теб-б-бя-а-а! Ж-ж-жена, г-г-овори-ит! - с трудом выдохнул он.

Лицо безногого матроса стало бледно-серым, словно застиранная простыня военного госпиталя.

«Барабанщик», продолжая улыбаться своей страшной, дергающейся улыбкой, заковылял по улице дальше, в сторону Пушкинской.

- Помогите, пацаны... - сказал Паша с изменившимся вдруг лицом. - Спрячьте меня... Прошу, быстрее...

Он с силой ударил своими «киянками», пытаясь подняться на дорогу. В следующее мгновение он потерял равновесие и всем своим грузным телом вместе с тележкой скатился в арык.

- Да что же это!... - он крепко матернулся. Грязный, мокрый, с прилипшим листом клена на лбу, Паша выглядел сейчас особенно жалким. - Вытащите меня отсюда! - чуть не плача, закричал он.

Заметил взгляд Вики.

- Что уставилась, жалостливая! Пошла отсюда!

Вика промолчала, только крутанула желваками, первой спустилась в арык и стала вытаскивать вместе со всеми безногого из арыка.

- Спрячьте, - умоляюще повторял Павел. - Это Клава... Спрячьте быстрее, пацаны!

Мы закатали Павла в наш двор, спрятали в узкой щели между кладовкой и глинобитной стеной соседского дома. Прикрыли куском старого, дырявого рубероида так, что вряд ли кто-нибудь сходу разыскал бы Пашу.

- Спасибо, братцы! - прошептал Паша из своего укрытия.

Мы вышли на улицу, молча расселись у догорающего костерка.

- У кого есть курево? - вдруг спросила Вика.

- Ты же не куришь... - сказал Алик.

- Курю, иногда. Так дашь?

Алик нехотя протянул ей сигарету.

Вика закурила, закашлялась. На глазах выступили слезы.

- Не умеешь ты курить! - засмеялся Алик.

- Заткнись! - произнесла Вика и вдруг встала. Загасила «Приму».

По дороге шли три женщины. Двух мы знали, они работали в детской поликлинике, одна мыла там полы, а вторая - Хуршида-опа, была медсестрой и делала нам неприятные прививки от полиомелита.

А третья женщина была явно приезжей - в руках чемоданчик-саквояж, на ногах резиновые боты, длинная юбка-шотландка, из-под ярко расписанного платка выбивались русые, почти белые косы.

Женщины подошли.

- Здравствуйте, ребята, - сказала строго Хуршида-опа, глядя на дымящуюся сигарету в траве. - Вы не видели здесь инвалида в коляске?

- Нет! – одновременно и торопливо ответили мы. – Не видели!

- Я же знаю, Павел Сергеевич здесь с вами частенько время проводит, - санитарка-поломойка с укоризной покачала головой. – Даже вином вас спаивает!

- Да никого мы не видели! - отрезал Алик.

- Ребята, помогите мне, - приезжая с мольбой оглядела нас. - Я четверо суток сюда ехала... Только на протезном заводе мне адрес дали... Я очень устала... Прощу вас...

Её голубые глаза блестели от слез.

- Да ничего мы не знаем...

Женщина расстегнула верхнюю пуговицу жакета и вытащила из внутреннего, потайного кармана аккуратный газетный сверток. Развернула его бережно.

- Вот, посмотрите, может быть, всё-таки видели?

С фотографии смотрел и белозубо улыбался Павел. Молодой, с кудрявым чубчиком на лбу, он лихо сидел на мотоцикле, расставив длинные ноги в яловых сапогах.

- Это за год до нашей свадьбы... - взволнованно говорила женщина. – А вот ещё...

На другом снимке Павел стоял, обняв за плечи женщину в фате.

- Это в день свадьбы... А летом - война... – торопливо продолжала женщина видимо не раз повторенный текст. - А в сорок втором пришла похоронка, будь она проклята... - женщина всхлипнула.

Хуршида-опа обняла приезжую, погладила по спине.

- Не плачь, Клава-хон, мы его найдем...

- А в прошлом месяце мне из Подольского архива вот эта бумажка пришла. Ошибка, говорят, вышла. Жив товарищ Артамонов. Лечился в Центральном госпитале города Ташкента. – женщина перебирала старые документы, письма, телеграммы. - Вот я и поехала... Так не видели?

- Нет. Не видели.

- Ну и паразиты же вы! - зло сказала Хуршида-опа, - Ничего, я к вашему директору пойду! Расскажу про вас всё! - она обернулась к приезжей, - Пойдемте, Клавдия, мы его сами разыщем! От этих засранцев толку мало!

Медсестра решительно взяла приезжую за руку, и женщины пошли по улице, о чем-то оживленно беседуя.

Вика подняла свою недокурную сигарету. Прикурила, выпустила кольца, напряженно глядя на удаляющихся женщин.

Женщины зашли за угол.

Вика сделала шаг, потом второй, третий и побежала за ними.

- Постойте! - кричала она, - Да остановитесь же!

- Предательница! - заорал ей вслед Алик, - Перебежчица!

Женщины вернулись и быстрым шагом шли к воротам двора. Впереди, держа за руку приезжую, шла Вика.

- Предательница! - повторил уже тише Алик.

Вика не обратила на него внимания, провела женщину во двор.

...Бывают в жизни мгновения, которые впечатываются в память четко, со всеми нюансами и деталями на всю жизнь.

И эту картину трудно было забыть, - солнечный луч проникал сверху в узкое пространство дворовой щели.

Освещал лица двух счастливых людей.

Павел сидел на своей «тачанке», по-детски уткнувшись головой в грудь Клавдии, его жены. Она стояла перед ним на коленях, не обращая внимания на острые камешки, которые вонзались в кожу до крови. Она гладила его лицо, его глаза, его брови. Она смеялась и плакала одновременно, целуя Павла в короткие паузы между шёпотами и всхлипами. Паша тоже плакал. Навзрыд, забыв обо всем.

И мы не могли узнать в нем того сильного моряка с

обветренным лицом, хриплым, прокуренным голосом и татуированными руками – клешнями.

... Накрапывал ноябрьский дождь. Последний день осенних каникул.

«Поезд Ташкент-Красноярск отправляется со второго пути»...- слышался раздробленный эхом голос вокзальной диспетчерши.

- Раз, два, три!

Инвалидная коляска с хромированными поручнями, тугими велосипедными колесами и с Пашей в мягком кресле, поднялась в тамбур.

Жена Павла, Клавдия, оказалась на редкость пробивной и упрямой женщиной. За три недели пребывания в Ташкенте, она успела переоформить документы мужа, добилась солидного денежного пособия, достала дефицитную инвалидную коляску по «своей» цене. А из Подольского архива пришло письмо, в котором сообщалось, что «Ст. матрос П.С.Артамонов, награжденный (посмертно) орденом «Красной звезды» в ближайшее время получит награду...»

Счастливая Клавдия обцеловывала всех нас, медсестру Хуршиду, санитарку, ещё кого-то, кто пришел провожать Павла Артамонова домой.

- Спасибо вам, добрые люди! – шептала она.

Павел жестом подозвал Вику. Она поднялась в тамбур, наклонилась над ним.

Он поцеловал её.

- Если у нас родится дочка, назовем её Викой, Викторией, Победой! А, Клава, как думаешь, получится?

- Нашел время! – покраснела Клавдия, - При детях...

Закричал хрипло паровоз, выпустив клуб пара. Зазвенел вокзальный колокол. Дежурный по перрону поднял желтый флажок.

Проводница торопливо согнала провожающих из вагона.

Дождь пошел сильнее, превратился в настоящий ливень.

Поезд тронулся.

Несколько шагов мы шли вровень, но состав стал набирать скорость.

Схватившись за поручни, Паша высунулся из вагона, что-то прокричал нам. Но мы почти не различали его лица. То ли дождь, то ли слезы, застили нам глаза.

История солдата

Макаришин Иустин Ерофеевич - ветеран Великой Отечественной войны, участник боев Ясской - Кишиневской операции. Награждён благодарностями от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина за освобождение столицы Молдавии, города Кишинев, городов Яссы, Вены и Будапешты. Награжден медалями «За взятие Вены», «За победу над Германией», «Орденом Отечественной войны 2 степени».

Мой дедушка Иустин родился 10.06.1923 года (существует и вторая дата его рождения, датируемая 1922 годом) в большой семье, где было пятеро детей, четверо сыновей и одна дочка. Он был самым младшим. Родился в селе Большой Молокиш Рыбницкого района, ныне – Приднестровская Молдавская Республика, где прожил всю свою жизнь, здесь и похоронен. Образование - 7 классов.

С начала войны был в оккупации, призван в ряды Красной Армии 14.04.1944 года. Присягу принял 20.05.1944 г. и распределен в 368 гвардейскую дивизию имени Кутузова и Суворова, в стрелковую роту, снайпером. На войну пошел вместе со своими односельчанами Дороганичем Феодосием Арефьевичем, Дороганичем Ананием Арефьевичем, с ними служил и вернулся. Из четырёх братьев Макаришиных погиб только старший брат. После войны все остались жить в селе Большой Молокиш недалеко друг от друга.

Иустин воевал на 2-ом украинском фронте с 22.08.1944 по 30.09.1944 год, позже на 3-ем украинском фронте с 20.12.1944 по 25.12.1945 год.

Получил ранение гвардии красноармеец Макаришин Иустин в Венгрии, 28.03.1945 года в 6 часов утра,

попал в госпиталь №2888 венгерского города Веспрем с «осколочным ранением тыльной поверхности левой стопы». Тогда служил в войсковой части «Полевая почта №23841». Великую Победу встретил в Австрии, ещё год служил в Альпах, Австрия, демобилизован 22.10.1946 года.

Дедушка вёл блокнот, в котором простым карандашом записывал самую важную для него информацию, например, «13 февраля взяли столицу Венгрии Будапешты». Там же есть пометки о смерти его близких: «отец Ерофей умер 10.06.1941 года» (в день рождения сына Иустина), «брат Феодосий погиб 23.02.1945 года», «мама умерла 15.04.1945 года», «Дороганич Василий Софронович (тесть) 13 августа 1944 года остался без правой ноги». В блокноте он записывал, где, когда и кого из односельчан встречал на фронте.

Наиболее удивительной нам показалась дедушкина запись, которую он сделал 7 мая 1945 года - это список подарков посылки, которую он собирал отправить домой в честь Великой Победы. Эта была вторая посылка, первую он отправил ещё в 1944 году.

Женился Иустин на Дороганич Марии Васильевне 7 ноября 1942 года. Бабушка нам рассказывала, что поженились они, чтобы фашисты не забрали «на работы». Она тогда была совсем юной, поэтому дедушка «отдал» ей один год, чтобы их смогли расписать, может поэтому возникла путаница с годом его рождения.

Дороганич Мария Васильевна - ветеран тыла. Она часто вспоминала и рассказывала нам о том горе, которое принесли румыны, как они убивали и разворовывали местных жителей, как молодых девчат и детей местные жители прятали в погребках. Говорила, что румыны были хуже немцев.

Мария Васильевна тогда была секретарём комсомольской организации и сама отстригла себе пышные косы, чтобы не быть привлекательной. В огороде наше-

го дома разорвался снаряд от авиабомбы, яму забросал землей Иустин Ерофеевич только в 1946-м году, когда вернулся домой.

Дедушка о войне говорил мало, только начинал рассказывать и тут же плакал. Говорил, что вспоминать больно, а забыть ещё больнее. О его подвигах мы больше знаем со слов сослуживцев. Например, однажды, когда наши войска находились напротив вражеских, и было затишье, Иустин пробрался на противоположную сторону, чтобы нарвать сладких и сочных абрикосов для своих друзей-товарищей.

После войны дедушка был прооперирован на правый глаз. Он утверждал, что зрение потеряно из-за войны, снайпер же.

Макаришин Иустин и Мария всю жизнь до самой смерти прожили в своём родном селе, работали в колхозе «Красный Октябрь». Дед работал виноградарем, садовником, входил в состав ревизионной комиссии, бабушка - звеньевой, награждена Орденом трудового Красного знамени. Они были очень уважаемыми людьми. Иустин умер в 1987 году от болезни сердца, а бабушки не стало в 2005 году. В браке они прожили 45 лет.

Дом Макаришиных до сих пор принадлежит нашей семье. Здесь всегда много гостей и родственников. И каждое 9 мая в День Победы мы, после парада, обязательно приходим на могилы бабушки и деда, приносим цветы и поём военные песни в память о тех «былых временах».

Подвиг наших предков жив и будет жить до тех пор, пока горит Вечный огонь наших сердец!

Виктор БАБАРЫКИН

Встреча

Автобиографический рассказ участника
Великой Отечественной войны
о Маловой Марии Антоновне

Прожив короткую жизнь по интернатам, Олег никогда не знал материнской ласки, он видел только заботу воспитателей в детском саду и в школе-интернате для детей инвалидов г. Новочеркаска.

После окончания школы Олег остро почувствовал, как ему не хватает родителей, которые помогли бы ему в трудную минуту.

Одна по территории дома-интерната, не торопясь, шла аккуратно одетая женщина с чемоданом в руках. На ней была черная юбка, пиджак серого цвета, на котором были приколоты планки боевых наград. Увидев её, Олегу показалось, что её знает целую вечность.

Прошло несколько недель, и однажды Олег увидел её сидящей на лавочке в тени, она была чем-то очень расстроена. Подъехав к лавочке он обратился к ней:

- Здравствуйте.

- Добрый день!

- Чем Вы так расстроены?

- Просто никогда не думала, что на старости лет буду проживать в доме престарелых.

- Мне кажется, что совсем неплохо проживать в интернате, нас три раза кормят горячей пищей, есть крыша над головой и чистая, свежая постель. Скажите, пожалуйста, как Вас зовут?

- Меня зовут, Мария Антоновна Малова.

- А меня Олегом. Проживаю в интернате более десяти лет. Мне тоже было с начала тяжело, находится в этих стенах. – Продолжал говорить Олег, смотря в глаза

Марии Антоновне. – По началу я не знал никого из проживающих здесь, кроме ребят, которые учились в школе интернате.

- Да Олег, может ты и прав, но мне сейчас очень, неспокойно как-то.

После первой встречи Олег прикипел душой к Марии Антоновне. Наблюдая со стороны за Марией Антоновной, он думал, может и его мама выглядит также. Они стали чаще встречаться и разговаривать. И очередная встреча состоялось после концерта в фойе кинозала.

- Мария Антоновна, понравился Вам концерт, где были исполнены песни и военных лет? Мне особенно понравилась песня «День Победы».

- Ты знаешь Олег, я всё это вынесла на своих плечах. Жизнь была не простая. Если рассказывать и всей жизни не хватит.

- Мария Антоновна расскажите пожалуйста немного о себе. Мне очень хочется узнать о Вас побольше.

- Я родилась в 1922 году, в Ростовской области, Тацинском районе в хуторе, в хуторе Сенной. Семья моя была большая – только детей одиннадцать, я самая младшая. Когда родились я, мои родители были уже не молодыми – отцу – 62, а матери – 52. Им приходилось очень трудно прокормить большую семью. В 1937 году, когда мне исполнилось 15 лет, наша семья переезжает на другое место жительства – в хутор Какичев, недалеко от города Белая Калитва.

- Да, ваше детство прошло не сладко. Пришлось много поработать в хозяйстве и на общественных работах.

- Ты прав, в детстве я была не подарок. Родителям пришлось много раз краснеть за мои поступки. Частенько со своими сверстниками сначала натворишь, а потом попадает в школе, а потом и дома, бывает, добавят. – Рассказывает Мария Антоновна. – А когда стала постарше, после семилетки, пошла работать в колхоз. Выполняя

свою работу, мне приходилось одновременно заканчивать, курсы трактористов.

Училась не одна, на курсах были и другие девушки, которые изучали устройство трактора «Универсал».

- Нравилось Вам работать на тракторе?

- Да, нравилось. Мои педагоги говорили, что я смыслёная девушка, да и характер у меня боевой.

- Мария Антоновна, я видел, когда вы шли по территории интерната у вас на пиджаке были петлички от наград.

- Да, я принимала участие в войне с апреля 1942 по май 1945 год.

После этих слов Олег и Мария Антоновна разошлись по своим делам. Олег размышлял, вот если у меня была такая мать... Ко мне однажды приезжала мать, которая очень похожа ростом и возрастом, при рождении написала отказ. И общаясь с Марией Антоновной, Олег представлял, что это его мать.

Время шло медленно, Олег продолжал жить своей жизнью. Встречаясь в различных местах дома интерната с Марией Антоновной, Олегу хотелось узнать подробнее о её жизни.

Стоял тёплый апрельский день, кое где на деревьях начинали появляться набухшие почки, начали цвести фруктовые деревья. Территория интерната готовилась утонуть в зелени.

В такой день Олег сидел возле корпуса на лавочке и читал книгу «Август 44 года» и Олег от неожиданности вздрогнул, потому что с ним кто-то поздоровался. А это была Мария Антоновна.

- Здравствуй Олег! Чем занимаешься?

- Добрый день, Мария Антоновна! Сажу и читаю книгу про «Смерш». Это книга про шпионов, которых засылали на территорию СССР. Вы не хотите почитать?

- Олежек, мне самой пришлось видеть на войне столько горя, что читать про неё очень трудно.

- Мария Антоновна, а кем вы были на войне?

- После начала войны, большинство мужчин ушли на фронт, и нам женщинам и старикам пришлось за двоих, а кое, где и за троих.

- Мария Антоновна, а вы успели уйти в тыл?

- Когда нас с техникой эвакуировали, мой трактор попал под бомбёжку. Олег знаешь, как было страшно. Немецкие самолёты подлетели с солнечной стороны и начали планомерно расстреливать людей шедших по дороге. В первые же минуты на дороге появились раненые и убитые и не только люди, но и домашний скот.

Мы двигались с техникой, лично я отправлялась в тыл на тракторе «Универсал». При налёте фашистских самолётов, мой трактор был уничтожен, и мне пришлось вернуться домой к моим пожилым старикам. Вернувшись в отчий дом, мы с подругами записались на трёхмесячные курсы водителей.

Была зима и нам приходилось ходить на занятие через небольшую речку. – У Марии Антоновны навернулись слёзы. – Однажды возвращаясь домой с занятий, я испытала смертельный ужас. Девчонки убежали в перед, а я чуть задержалась переходя реку, подомной треснул лёд и я провалилась по пояс в ледяную воду. Хорошо подруги успели подбежать и вытащить за рукава телогрейки.

- Чем ухнулось Вам это купание?

- После я очень сильно болела. Мама ели выходила, отпивала различными настойками – вишнёвка и др., делала расстилки и грела на русской печи. Вот так я сумела выбраться из могилы, кто меня видел в те тяжёлые дни, говорили мои родные и близкие: - «Она умрёт». – Но благодаря моим родителям я не только выздоровела, но и закончила, курсы водителей.

- Что дальше произошло?

- После получения повестки из военкомата, - продолжила говорить Мария Антоновна, - 12 апреля 1942 года,

меня призвали в Красную Армию. Нас собрали под Ростовом в городе Батайске. Продержав ещё три месяца в учебке, меня направляют в в/ч 425 ВНОС – воздушное наблюдение.

- Мария Антоновна, и как у нас сложилась жизнь после прихода в в/ч на службу?

- Особенно было трудно в начале июля 1942 года, началось вторая волна наступление немецких войск на Ростов и полная оккупация области.

- Мария Антоновна, для вас начались тяжёлые дни службы, как вы вынесли тяжесть испытаний?

- Олег, во первых в мои обязанности входила перевозка солдатского имущества, продовольствия и бойцов. Иногда приходилось быть кинопередвижкой, когда не было больших наступлений или оборонительных сражений.

Первая моя машина – полуторка, самая распространённая в Красной Армии. Самую первую машину я потеряла, а вернее мне её уничтожил враг возле станицы Багаевской, Ростовской области, в это время наши войска отступили до города Грозного.

Мне пришлось наравне с другими девушками нашего дивизиона и ребятами вытаскивать машины из грязи или снега, ремонтировать их походных условиях – под бомбёжкой, или защищать, когда нас начали обстреливать немцы. Мне пришлось даже освоить пулемёт.

После этих слов Мария Антоновна, поднялась и вышла в сторону дверей корпуса. Немного отойдя от Олега, остановившись начала говорить.

- Все военные годы, я прошла без единого ранения, даже царапинки не было, только пришлось лежать в госпитале, когда через Днепр и Вислу переправлялись.

Развернувшись, пошла дальше по своим делам, а Олег смотрел ей вслед и думал, какой она была в молодости. Он ещё долго сидел на лавочке и размышлял о своей жизни.

В последнее время Олег стал частенько пробовать занять чем-то свою однообразную жизнь. Он стал потихоньку заниматься творчеством – декоративно-прикладным искусством. Олег выжигает и одна из тем – про Великую Отечественную войну.

Этим же вечером Олег занялся творчеством, на столе лежало полузаконченная работа. Дверь при этом была открыта, и Олег не заметил, как в неё вошла Мария Антоновна. Работая над картиной, сразу не обратил внимания, что за ним, кто-то наблюдает. Повернув голову, Олег увидел, как она внимательно смотрит.

- Добрый вечер, Мария Антоновна!

- Добрый вечер. Мне понравилось, как ты творишь.

- Спасибо. Стараюсь не ударить в грязь.

- Да, такими работами можно гордиться.

- Нет, это работы для души.

Мария Антоновна опять начала вспоминать:

- После освобождения Ростовской области, я участвовала в разгроме Белгород - Харьковской группировки противника, участвовала в освобождении Донбасса, Левобережной Украины, освобождала Киев. – Немного помолчав она продолжила. – Особенно тяжело, почему-то было в ноябре 1943 г., когда участвовала в отражении контрнаступления противника в районе Житомира...

- Но некоторые фронтовые эпизоды и сейчас перед глазами. Это было в Польше. – Начала говорить Мария Антоновна, после некоторого молчания, держа в руке гранённый стакан с чаем. – Я пошла на ферму за молоком и со мной увязалось парочка – парень и девушка. Шли мы через поле, первой шла высокая, светловолосая девушка, за ней парень, а за ними я.

Неожиданно девушка остановилась и сказала: - «Что не пойдёт первой и поменяется местами со мной.» – После сказанных слов я поменялась местами с девушкой. И тут же раздался выстрел, девушка упала замертво. Этот случай говорит, что меня оберегал кто-то с выше.

- Шёл уже 45-й год, и никому не хотелось умирать, а где Вы заканчивали войну?

- В Германии, но то, что я там видела, не изгладится из памяти никогда. В апреле 1945 года в районе города Дрездена была окружена нашими войсками 30 тыс. немецкая группировка. Немцы отчаянно сопротивлялись, бои шли днём и ночью, несли огромные людские потери и наши и немцы. - Встав со стула Мария Антоновна подошла к самовару и начала наливать кипяток, продолжая говорить. - В мои должностные обязанности входило возить боеприпасы к линии фронта, а с фронта - наших раненых солдат.

Однажды меня остановил патруль и попросил, чтоб я ехала на некотором расстоянии от других машин. Старший патруля произнёс следующие: - «Девушка, вашей машине нельзя оставаться в колонне, любой выстрел и полгорода взлетит, отъезжайте подальше, где нет людей.» - После его распоряжения я заехала в какой-то переулок, а там наших погибших солдат не счесть, как дрова лежат, аж сердце до боли зашлось. Так жалко было смотреть на всё происходящее, им жить и жить, скоро может победа, а они гибнут... - замолчала и своим платком начала вытирать слёзы.

- Мария Антоновна, а где вы встретили День Победы?

- День Победы встретила в Дрездене. Как все радовались, целовались, обнимались, стрельба шла всю ночь. Такие столы накрыли, чего там только не было, танцевали и пели. Никогда не забуду этот день.

Поговорив ещё немного, они разошлись. Олег стал готовиться ко сну. Мария Антоновна, пошла в свою комнату, отдохнуть.

Ветеран

В начале восьмидесятых годов прошло моё детство. К охоте был не причастен, не слышал и никогда не думал о ней. Но в это самое время мне запомнился человек – дед одного из друзей.

В те годы почти каждый имел родственников, воевавших на фронте. Поэтому разговоры между нами часто касались тех лет.

Детское воспоминание о празднике 9 мая. Некоторые мальчишки в эту пору открывали купальный сезон. Весенняя талость подсушивалась солнцем, в безветренных местах лучи припекали и напоминали о наступлении лета. Деревья зеленились и шуршали, немая живность после зимы выползала на все самые видные места. Повсюду шумно, громко и звонко. Жизнь полна радости, под вечер гремел салют.

В день празднования повсюду встречались участники прошедшей войны. В лицах гордость, торжественность, радость. Воздух словно пропитан каким-то душевным благополучием, весна источала ощущение счастья. Казалось, всем этим наделили нас они, вот эти самые люди. Победители!

Посередине двора расположился вкопанный стол с лавочками. По обычаю того времени, вечерами, после возвращения с работы, мужики играли на нём в домино. Тогда говорили: «Козла забивают». Вот за этим столиком после утреннего парада и поздравлений собирались герои нашего двора во всей своей доблести.

Да, легло незабываемым событием, вот они – герои! На груди сияющие знаки отличия, ордена и медали. Мы воочию зрели, могли подойти, потрогать и поговорить с ними. Среди этих героев был мой дед, и

деды друзей и знакомых, о которых знали только мы и гордились ими.

Мой рассказ я начал с охоты и деда товарища, одного из таких героев.

Я всегда находил его жизнерадостным, душевным и искренним человеком. Обычно, общаясь с людьми своего поколения, в его глазах было больше живости. Несмотря на возраст, ему могли позавидовать и более молодые, в умении остро и шутливо сказать. В этот праздник я часто наблюдал такую картину: сначала видишь множество сверкающих наград, а потом уже самого человека. В случае деда Андрея: горстка медалей, один или два ордена скромно красовались на лацкане пиджака. Как рядовым солдатом был призван, так оставался им до последних дней своих.

Дед мой, Иван, относившийся к нему с огромным уважением, как-то сказал с искренним сожалением:

- У деда Андрея медалей мало, потому что нет современных юбилейных, а только хорошие, боевые.

Я плохо понимал сказанные слова, но чётко уяснил, все они с войны.

Дед Андрей был высокий, худощавый и жилистый. С возрастом многие люди раздаются вширь, он же, наоборот, в худобу пошёл. Нет смысла перечислять факты из моей памяти, единственно помню, что был он предельно трудолюбив и аккуратен, всё-то у него знало своё место.

Позже, перебирая в памяти события жизни в пору увлечения охотой, я вспомнил о своём герое, как он уезжал в тёплое время года куда-то с ружьём. Для наших ребяческих умов зрелище непривычное и непонятное. Я, будучи соседом, знал, что ружьё немецкое, и уезжает он на охоту рано утром, а приезжает поздно вечером, несколько раз за лето.

Спустя три десятка лет, когда писал рассказы об охоте, я припомнил о том. Набрал телефон моего друга,

рассказал о своём интересе и договорился о встрече, надеясь услышать что-нибудь занимательное из охотничьей практики деда Андрея.

За столом в гостях друг удивился моему любопытству и за рюмкой чая поведал историю. Выслушав её, я долго осмысливал, обдумывал и всё-таки решил записать. Как-никак, я видывал много ещё живых фронтовиков, разговаривал с ними, задавал вопросы, ждал рассказов об их подвигах. Но ничего этого не было. О подобных вещах мы читали книги, смотрели фильмы. В жизни часто мы были обделены откровениями, как стало известно теперь.

Во время беседы, оживлённо разговаривая, после очередной чашки чая друг произнёс:

– А знаешь? Мой дед был хороший и порядочный человек!

Я кивнул в знак согласия. Между нами случилась непонятная пауза. Скорее всего, оба вернулись во времена, когда его дед был ещё живой. Каждый своей мерой оценивал его.

– Серёг, – обдумывая слова, обратился я. – Кому интересно, хороший он, порядочный ли. Напишу ему хвалу, читать никто не будет, кроме тебя. А на деле он, может, был лучше, чем я напишу с твоих слов.

Друг вопросительно разглядывал меня, не понимая, к чему клоню.

– Когда мне было пятнадцать лет, подобные мысли не занимали меня. Помнишь? У него ружьё имелось. На охоту хаживал. Расскажи, может случай припомнишь какой.

Я по-дружески слегка пытался расшевелить друга, не задевая его чувств, отчётливо понимая, насколько близок был для него дед. Я предвкушал историю, пусть и самую заурядную.

– Лёха, Лёха... – протянул он вздыхающим голосом.
– Дед мой, Андрей Фёдорович Гаврилов, родом из де-

ревни Березняки. В зажиточной семье вырос: огромный дом, большое хозяйство, скотины много держали, поля сеяли.

Перечислять такие факты стало в наше время новомодным течением, где разжиревшие и разбогатевшие начали поиски, утверждая и выставляя чистоту кровей, родословной, притом не научившись понимать, что хорошо, а что плохо. Прикрылись родословием и словно обелились, обсовестились. Беседа о раскулачестве носила неприятный оттенок, который, признаться, мне не по душе. Из вежливости не перебивал.

- Пришёл комиссар с приспешниками, несколько местных здоровых лоботрясов да из соседних деревень помощники-добровольцы. В один день описали имущество, составили протокол и растащили всю утварь, опустошили амбары, погреба, угнали скотину, увели коней. Отца дедовского, несогласного с таким раскладом и принявшего меры (какие, не помнит никто, а впрочем, если после описи заколол корову на мясо, то уже стал расхитителем государственной собственности), забрали с собой как контрреволюционера. Переправили в город, в тюрьму, где через год расстреляли.

Мать и одиннадцать человек детей переселили в баню и в сарай, где держались ранее лошади. Дом же переоборудовали под сельсовет.

На мгновение представил молодого парня, у которого недавно было будущее, довольство, работа, ведение хозяйства, поглощавшее почти всё свободное время, чтение книг, мечтания. И вот тебе: земляной пол, сырость, никакого завтра, не скажешь правды, даже на жизнь сетовать вслух опасно. Есть ситуации, когда ни покаяние, ни предательство, ни подлость не сделает тебя своим для тех, к кому ты пришёл, обратился или бросился в ноги. Отверженных не принимали в колхозы, как бывших буржуев и классовых врагов.

Мольба в ночи, рыдание и слёзы – пустое, всё это вздор, конец. Тяжело, но переосмысливаешь и начинаешь жизнь сызнава, уже тихо и молча.

На деда Андрея как на старшего брата легла забота о громадной семье: кормить и поднимать братьев и сестёр. Через несколько лет, когда один из братьев достиг того же возраста, Андрей переложил на него заботы и отправился в город за своим счастьем, но не один, а с подругой. Незадолго до этого, приписав ей в документах пару лет, после чего поставили штамп в конторе, что они муж и жена.

Так вдвоём оказались уже в городе Горьком, в Канавине, в районе знаменитой Ярмарки.

Затерялись в каких-то бараках, сделав там пристрой, похоже, к таким же, как они сами. На восьми квадратных метрах сколоченный из досок домик, топившийся буржуйкой.

И жизнь наладилась. Не хуже и не лучше, чем у других, потому что другие жили так же.

А сколько лентяев и бездельников народилось в эти годы и ринулось в правящие классы, надели кожанки, а дерматиновые желания быстро перерастают в лайковые, начинают выпячиваться и выпучиваться, что всё-таки переобулись, да и не по одной паре имеют.

– Серёг, оставь эти размышления историкам, пусть они копаются, – перебил осторожно я друга. – Желание жить лучше, хорошо одеваться, иметь что-то вполне объяснимо и понятно. И ты лучше меня об этом знаешь. Мне хотелось бы услышать что-нибудь про лес, зверей, охоту.

Он словно не слышал и продолжал:

– Кстати, мой дед призвался в армию, вроде как все, а попал на «финскую». Выбор пал.

Я с любопытством взглянул на него. Тогда она считалась не войной, а обычным призывом в армию.

– Что о ней рассказывал?

- Что-то. Смутно помню, о «кукушках» разве, но о них всегда говорили, если речь к «финской» сводили. Стрелки-женщины у финнов очень коварными слыли и меткими. О них легенды ходили. А ты что, не слышал о них?

Отрицательно покачал головой. Я удивился подобному факту, о котором не слыхивал. Стало не по себе; много читал о войне, любимые герои с детства в уме вертелись, подражать хотелось, как у всех, наверно, и на тебе.

Ему пришлось по душе рассказать о некоем факте, мне неизвестном, так что он даже немного вырос в собственных глазах.

- После возвращения недолго пожил в радости и удовольствии. А удовольствие заключалось всего-то в том, чтобы друг на друга с любимым человеком насмотреться, работать, да на завтрашний день оптимизма набрать. Началась очередная война. Деда призвали в первых числах июля, двух недель не прошло с её начала.

Представляя такую жизненную круговерть, перед моим взором всплыл образ деда Андрея. С одной войны на другую. Конечно, не один такой. Видя моё задумчивое лицо, продолжая мои мысли, друг произнёс:

- Лёха, а в конце сорок первого, кажется... Эх, не помню точно, где-то в Белоруссии или в Брянских лесах, в окружение попали. Долго выйти не могли. Голодно, рассказывал, было! Замерзали!

Он продолжал говорить, но я не слушал. Когда нас учили в школе, в нас воспитывали военно-патриотический дух. А на самом деле, думается, выглядело иначе. Разве в лесах зимой с ума от голода не сойдёшь? Как-то в силу моего ума воображение рисует вовсе не ягодные и не грибные картины, а солдатика помоложе, да покрупней, словно телёнок на заклании. А иначе не выжить. Костёр согревает день-другой, на третий, глядя на огонь, уже не станешь сытым.

Недели и месяцы голода, и вдруг... Нет! Не хочется думать, это страшно! С мёртвого снимать портянки и всё остальное, чтоб не замёрзнуть и выжить. Не дай бог, ужасно! Интересно, рассказывая мне, он сам об этом думал? Отстранившись от нашего разговора и включившись снова, я услышал:

– Его призвали водителем и чуть ли не сразу в разведроту перевели. Если бы знать, всё расспросил, а получается, отнёсся с безразличием, урезками только и помню. Знаю, что и за линию фронта ходил за языками.

На памяти снова возник образ боговерующего деда Андрея. Интересно! Злой был, жестокий человек? Там, на войне? Вопрос без ответа. Успевал прощения у Господа попросить? Или потом, спустя годы, замаливал? А может и не думал о том. И верно, такое чаще в те годы было.

Наша беседа превратилась в плавное перебирание фактов и человеческих судеб в этой кошмарной странице нашего государства. Коснулись психологии людей, их религиозности и философии, приобретаемой с каждым прожитым днём.

– А дед выжил на войне благодаря тому, что был трудягой! Кузнецом был, умел лошадей подковывать, тем и спасся.

– От кого? – не понял я.

– В сорок третьем в плен попал!

– Вот так новость, – я выпятил удивлённые глаза и замолчал.

– Дружок у него фронтовой! Панкратов! В разведке с ним служил, всегда вместе, дружили крепко. Не могу в подробностях рассказать. Ты же помнишь деда, что войны касалось, молчун какой. Все годы, что помню. Но! О тех временах всегда молчал.

Про плен ничего не помню, чтоб рассказывал, я ведь тоже маленький был, особого значения не придавал его

словам. Помню, однажды заикнулся: «В кино хорошо убегают, по-геройски, но это в кино». А они немца зарезали, машину угнали, где-то остановились, бросили её и прочь бегом, что есть мочи, падали, вставали и снова бежали. Страх не проходил с самого того момента, как в плен попал, тряслись от страха, но делали. Пока до своих не добрались.

- А не помнишь? Хоть небольшие подробности.

- Да нет, - последовало молчание.

- Он же верующий, грех на душу взял! Вот так, всё понимая! Видел перед собой и ножом убил человека осознанно, чтоб самому выжить. Это не из окопа стрелять, это как-то иначе. А рассказывать, значит, вновь пережить. То же самое, наверно, что повторно нагрешить.

- Лёха, дед говорил, что самые ужасные, страшные дни, о которых и вспоминать не хочет, были те дни, когда к «своим» вернулся. Что началось! Как били. Нет, не били, а пытали избиениями и голодом, лишь бы сознались, что они предатели и диверсанты. Кошмар. Ад, сотворённый руками человеческими. И ничего не изменишь. Пока суд да дело, приговор и в дисбат. В дисбате такие, как он, были самым низшим сословием преступников. А значит, смерть. Сказывал, что, будучи худым, его били меньше, раньше заканчивали. Он даже Бога славил, что худощав. Панкратова, который покрепче и коренастей был, всегда дольше избивали. Сознаться в том, чего не было, наговорить на себя легче. Да только! Понимание жизни, поступков и поведения людей сильнее заставляет задуматься. И не сознаёшься - интуитивно. Хотя силы и терпение на исходе. Понимаешь, сознаёшься - бить будут сильнее, кулаками дух выбьют, напроочь забьют до смерти эти красные дознаватели. Отчего станут довольны, что предателя нашли, предотвратили. И поделом ему.

С интересом и волнением слушал я историю человека, которого я видел каждый день, не подозревая о его непростой жизни.

– В деле у него стояла пометка о профессиях, которыми владел. Среди них кузнечное дело, которым овладел ещё мальчуганом, тогда и научился лошадей на подковы ставить. Знать, потребность случилась, и его через два месяца забрали из «дисбата», ближе к тылу, армии лошадей надо было готовить. В военное время лошадь была боевой единицей, так как каждой пушке практически для передвижения требовалась лошадь, каждой подводе с боеприпасами, а сколько ещё самого необходимого нужно перемещать. Вот где пути господни неисповедимы, улыбка судьбы. А самолёты и танки – это как невидаль солдатская. Где-то были, конечно! Позже узнал, что Панкратова через два месяца всё-таки убили, скорее, забили до смерти.

Во время разговора, поясняя эту историю, он сравнил телосложение примерно так: «Я ведь в деда пошёл. А вот Панкратов! Лёх, как ты – невысокий и крепкий. Историю про Панкратова хорошо помню, всегда на тебя смотрю, ты мне его напоминаешь».

Стало не по себе от того, что мой друг примерил судьбу горемыки Панкратова на меня. Что за сходство нашёл? Почему?

Понял не сразу. Но понял. Иногда, встречаясь и размышляя на тему «жизнь», я произносил какую-то фразу, а может, приводил пример или что-то, что дало повод, провести параллель в уме, воображаемом мире. У каждого человека свой воображаемый мир, мозг рисует представляемые сюжеты в нашей голове. И вот для себя друг что-то нашёл в моих словах, припомнив дедушкину историю. И на!

Панкратовым стал в его представляемом мире я.

Нарастало огромное желание выкинуть прочь из головы историю о Панкратове.

- Что дальше? – умышленно перебил, чтобы уйти от неприятных мыслей.

- В военном билете нет сорок третьего и сорок четвертого года, будто нет человека в эти годы, ничего не делал, не жил вовсе. Благодарное отечество: нет записи – нет человека.

В конце сорок четвертого запись появилась, что зачислен в ту же часть, но это наступало время, когда практически уже становилось ясно, что победа на нашей стороне, все армии шли в наступление практически по всем фронтам.

Со слов деда, весной сорок пятого во многих местах война, как таковая, закончилась, и многие части уже не вели боевых действий. Для него война завершилась в Венгрии под Будапештом. 9 мая, когда фашистская Германия признала поражение, многие уже как месяц и больше без боёв только перемещались по территориям других государств.

В наше время дед любил смотреть передачу «Клуб кинопутешественников» с ведущим Сенкевичем. Как он о Венгрии вспоминал: красивейшие места; а что тут удивительного, время года – весна, природа набирает во всей своей полноте силу очарования красоты, а он в это время в прекраснейшем месте, на озере Болотон, мысли о конце войны благотворны, настроение весеннее у всех солдат, офицеров. Напряжённые нервы расслабляются. Да, ощущение счастья в тот миг витало в мыслях, во всех жилках, им пронизывалось каждое слово, каждый взгляд.

Конечно, на разный характер, на разного человека всё действует неодинаково. Многие кичились, выпендривались, артачились. Верно, как всегда прикрывали свои слабые стороны нрава обычной бравадой, наглым гонором, резкостью движений и громким словом.

Расквартированные в большом доме на берегу озера, в живописном месте, с приветливыми хозяевами дома,

руки сами тянулись к работе на дворе, что по силам, помогали.

Но было много недобрых слов о захапистых руках, может, и обычных людей и даже достойных. Они обращались в людей хапужных, делались грабителями и мародёрами. Тащили всё, пользуясь таким случаем. К слову сказать, у загрёбистых людей, чем выше звание, тем мягче нравственный стержень.

Мы с другом не осуждали никого: война – понятное дело. Но пришли к единому мнению, что под оправданием «зачем добру пропадать», спрятано много преступных деяний.

Даже спустя столько лет, на государственных уровнях возвращают предметы старины, роскошные коллекции. Нравственность рано или поздно всё равно оказывается выше низменных чувств человеческих.

– Серёг, а у тебя дед с войны трофей принёс?

Вопрос, конечно, был некстати, но я не мог удержаться от него. Он заулыбался, словно ребёнок. Мой вопрос звучал по-приятельски и понравился ему.

– Да. Принёс. Бабушка по этому событию часто над ним подшучивала.

– А что?

– Зажигалку кремниевую и кобуру от немецкого пистолета, думаю, офицерскую. Красивая, изящная, с лоском, – нынче дорогую вещь отличают так от дешёвой, в хорошем состоянии. – А что тащить оттуда? Он ведь на японский фронт переправлен был, и для него война в конце сорок пятого не закончилась, через два дня новый, сорок шестой и новая жизнь. Постоянное ожидание чего-то страшного прошло.

Незначительное время прошло в беседе о годах, прожитых его дедом, а сколько событий, в которых малейшее что-то могло повлиять на судьбу. Колоссальные переживания и усилия нервов выдержать и вытерпеть.

В голову лезли мысли, они текли то плавно, то бы-

стро, кружа и вихрем, а то, поймав что-то важное, вдруг останавливались и не находили покоя.

– Иногда, – продолжал друг уже другим тоном. – дед читает книгу, а я заведу разговор. Он невзначай что-нибудь и расскажет. А помнишь «Они сражались за родину»? Каков Василий Шукшин! Деду особенно нравился. Фрагмент я хорошо помню, про репу, про запах. Не передаёт кино запах, и не выразишь, чтоб человек, не знавший о том, понял, о чём речь идёт. Какой запах стоит в окопах во время боя. Много раз слышал от солдат после боя, что в штаны накладывали непроизвольно, само собой, а бывало уже после боя, напряжение спадёт, расслабился, и потекло. Удивительное дело: во время боя страшно, пули и снаряды свистят, вой стоит, крики, дым, как туман, земля взбудораженная гудит. Но в какое-то мгновение осеняет, что зловоние соседа такое крепкое и своей терпкостью превосходит всё то, что происходит вокруг. Он говорил о том. А новобранцы по несколько сот человек приходили. Страх и ужас у многих в глазах непроходящий, некоторые подавлены до крайности. Их специально в окопах рядом не расставляли, иначе они могли таких дел натворить в панике. А сколько их не стало в первом бою. Как только начинается бомбёжка, артобстрел в своём апогее. Многие не выдерживали, из окопа выбегали вперёд, но чаще назад. Но дед говорил, что делали бессознательно, словно в этот миг не соображали. Тех, кто бежал назад, находился кто-то, кто застреливал. И так было всегда, в такие минуты могло на многих, как зараза напасть и, не осознавая, броситься за ним. Как безумные, закрывая голову и уши руками, бросали ружьё, раздевались и кидались вон из окопа. Люди с ума сходили за несколько минут, а некоторые из молодняка держались хорошо, шутили и вида не показывали по прибытию. А ещё! Конечно, неправильно о том говорить, он про азиатов рассказывал, не духовитые они. Бой крепчает, они малодушничают,

ложились на землю голову закрывали, в общем трусоваты, а то на колени падали и начинали причитать аллаху, вместо того чтоб отстреливаться и вести бой. А потом в глазах страх и вина, что они такие. Лёх, дед про войну так мало рассказывал, не любил вспоминать, он жизни радовался, детей растил, потом внуков и всем помогал, как мог. А я родился, он меня на ноги ставил. Воспитание мне дал большей частью он, с любовью. Жизнь любил, радовался, что у него так всё сложилось, что жив остался. Работал в удовольствие, с работы приходил, обязательно у дома что-то мастерил, летом траву косил, огород, помнишь, какой ухоженный был. А яблони с родины привёз, специально ездил, потом прививал.

Я припоминал деда Андрея, общительного, который всегда рад был обмолвиться словом с проходящими мимо соседями. Старые и пожилые люди обращались к нему починить по дому что-нибудь.

Они с бабушкой богобоязненными, сильно верующими людьми были, в церковь ходили постоянно. Времена-то другие ныне. Вставали ночью и пешком уходили за-долго до начала службы, пешком идти далече. А старики ходят медленно. Они постились, как положено, не сквернословили, не повышали голоса, не спорили. Поругать толком не могли. Недовольство молодёжью высказали однажды, придя домой на Пасху. «Крёстный ход идёт, а они на гитаре играют, не поют – орут, пьяные, лица на них нет! К прихожанам с богохульствами пристают».

Я вспомнил, на пасху они всегда самые первые, с кем я христосовался. С тех пор заветные слова, которыми обменивались, передавая яйца, друг другу, навсегда отложились в моей памяти. Они возбуждали какое-то возвышенное чувство своим смирением и терпимостью. Всё это из детства, но как вчера.

Друг мой резко встал ни с того ни с сего. Подошёл к холодильнику, достал бутылку водки и налил себе рюмку.

– Тебе не предлагаю. За рулём! В армию меня забирали, он уже еле ходил. Проводы, пьют водку, едят все, гуляют, как заведено. Он кресло на кухне поставил, как бы посторонился ото всех, тяжело больному пожилому человеку с молодыми на их празднике жизни. В чистой свежей рубашке, поглаженных брюках сидел всю ночь, а мы веселились. Как раньше проводы устраивали? Сколько ящиков водки выпито, так и оценивалась гулянка. До утра сидел, глаз не сомкнул. Огромных трудов ему стоило выйти из дома с утра и дойти до большой дороги, метров сто. Дошёл и встал. Зима, пять утра. Я к нему подошёл, а он дрожит и плачет. Дрожит не от холода, а от напряжения и бессилия, а слёзы текут, первые слёзы, которые я видел у моего деда. «Дед, ты чего? – я взял его за плечи. – Дед! Ну!» Его глаза блестели от слёз и смотрели на меня с грустью, с жалостью и всё понимающим сожаленьем. Глупый малолетка! Я видел и не понимал отчего. «Не увижу тебя больше». Я сжал его плечи, не понимая, что имеет в виду он. В мгновение стал маленьким и хрупким, лицо вытянулось, а глаза что-то видели, чего не видел я. Сколько надо сил, чтобы дойти до этой улицы! Дышал часто, слёзы потекли ручьём, в горле стоял комок, я видел, чувствовал, но не понимал, что он хотел сказать. Если б не комок в горле, мешавший ему говорить!

Махнув рюмку, налитую до краёв и съев семечку, прежде занюхав ею, Серёга налил ещё одну.

– Глупый! Какой же глупый я был. Конечно, обнял с любовью, с уважением. «Дед, да что я, на войну ухожу!» Лёх, а он ведь так же уходил, не на войну. Чувствовал, что не увидит он меня. Старый, больной, радости земные потихоньку оставляли его.

Он махнул ещё одну рюмку. Голос друга моего дрожал. Я тоже видел на его глазах слёзы.

– Господи! Боже мой! Он прощался со мной. Мой дед. Дед, который прошёл три войны. Так любил жизнь и ра-

довался ей. Вырастил меня. Не так я с ним попрощался, не так. Бессердечно. А знаешь, в армии на плацу построили нас, зачитали перед строем вслух телеграмму, присланную мне, о его смерти. После чего командир сказал, якобы связались с военкомом нашего района, тот разузнал и, мол, мы теперь знаем, что тебя друзья на свадьбу зовут к одному из них. А дядю Фёдора, родного брата его помнишь? На 9 мая нас навещал, участник и инвалид войны.

Помнил и я его. В военном кителе, подтянутый, в фуражке, весь при параде. Медали начинались от погонов и свешивались через поясной ремень. Дядя Фёдор любил на праздник щегольнуть на улице, военных пятьдесят граммов пропустить за Победу, припомнить что-то и побалагурить. Бабушка, про этого брата, рассказывала: «На фронт призвали, они ехали в эшелоне. Самолёт вражеский пролетел, бомбу скинул, из пулемёта очередь пустил. Его зацепило, и вот тыл, госпиталь. Всю войну на заводе завхозом. Часть, к которой причислен он, вела сражения, так за все бои и награждался». Вот она – жизнь. Квартиру получил, телефон, машину, все льготы. У деда же снова в восьмидесятых сад отняли – дорогу строили. Кому чем в этой жизни везёт.

– Серый, а на охоту ходил? Что о ней-то рассказывал?
– с последней, уже угасающей надеждой спросил я.

– Лёха, да какая охота! – и выпил очередную рюмку.
– Ходил без патронов, в лесу побродить, воздухом подышать, бывало, грибов принесёт. Ни разу не приносил никакой дичи. Даже не помню, чтобы ружьё чистил. Вот таким охотником и был мой дед.

Алексей ШУТЁМОВ

Самая короткая ночь

Сгустились короткие сумерки над южным городом, и наступила жаркая, самая короткая в году ночь. Над старым музеем тихо стоят тополя, только иногда пролетают летучие мыши. В музее стоит техника времён Великой Отечественной войны. Эти орудия полвека назад стреляли по поверженному Берлину, по Кёнигсбергу, по Вене. Танки меряли траками брусчатки европейских городов и городков. Бронекатера ходили под мостами Вены и Варшавы. Подводные лодки и охотники заходили в Констанцу и Варну. Самолёты оставляли под крыльями Прагу и Харбин.

И много раз падала около орудий скошенная осколками прислуга, и в танках текла кровь убитого экипажа, и на пирс с судов сносили моряков, навсегда завершивших поход, и очереди из пушек скашивали пилотов и техников, под огнём бегущих к самолётам. Но приходили ремонтники, и машины вновь вставляли в строй, и новые бойцы шли в сражение.

И в эту ночь в музее собирались бойцы. Были здесь пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы, танкисты, моряки, лётчики, пограничники. Самые старшие были седые и морщинистые, а самые молодые были юны. И были здесь по старшинству — от рядовых и матросов до генералов и адмиралов. И начинался негромкий говор.

Потом вдруг кто-то скажет: «А помнишь, в эту самую ночь?..» И все смолкают, и тревожно смотрят на запад, где уже давно отгорела вечерняя заря. И пограничник говорит: «Да, мне пришлось их встречать первым. Я тогда командовал заставой...» И снова начинали вспоми-

нать — как отступали до Москвы, как оставляли Киев и Харьков, Одессу и Севастополь, как били орудия по блокадному Ленинграду и как падали бомбы на осаждённую Москву, как горел Сталинград. И как форсировали Днепр и Керченский пролив, как брали Карпаты и Зееловские высоты. Кто-то поворачивается на восток, навстречу грядущей заре, и вспоминает штурм Хингана, и бело-сине-красный флаг в Порт-Артуре. « — Вот послушай, — говорит один лётчик. — Один немецкий юноша читал «Маленького принца», авиацией заболел. Стал лётчиком. И именно он и сбил Экзюпери! — « А моряк отвечает: «Война заканчивалась, заканчивалась позором. Я вот скажу — как-то немецкий подводник обнаружил — ещё в Первую Мировую, — пятимачтовый барк. Это был изъятый Англией „Рикмерс», он один был такой, гордость Германии. Важных грузов на нём быть не могло, и эта война тоже заканчивалась позором. Но этот подводник взял, да и потопил „Рикмерс!» « — Это что! — подключается к разговору пехотинец. — Вот и нынче среди бандеровцев попадаются любители «Маленького принца». И поддерживают нацистов на Донбассе. «

Но утро вступает в свои права, восток заливается жемчужно-серым светом, и небо светлеет. Бойцы расходятся. Моряки занимают свои посты на кораблях, танкисты занимают места в танках, пехотинцы — в кузовах грузовиков. Открываются ворота, входят первые посетители. Экскурсоводы начинают рассказ о войне. И боевые машины стоят, будто снова ожидая приказа...

Алексей МИЛЬКОВ

Архимед и война (отрывки с симпозиума)

Председательствующий звонко постучал ложечкой по стакану, дождался полной тишины.

– Симпозиум по Архимеду объявляю открытым. Первым с сообщением выступит известный архимедовед, лауреат Нобелевской премии, профессор Марк Сицилианский.

Тот легкой спортивной походкой сделал круг вокруг трибуны и в почтительном реверансе припал к микрофону. Быстро затараторил:

– Самовлюбленные апологеты ложной биографии Архимеда приписывают ему знаменитое изречение:

ДАЙТЕ МНЕ ТОЧКУ ОПОРЫ – И Я ПЕРЕВЕРНУ МИР!

Но весь ход исторического развития, события тех далеких лет, политическая ситуация опровергают это наитие. Сегодня появилась необходимость заново осмыслить и переписать некоторые страницы биографии ученого.

Слушайте, как было всё на самом деле. «Сиракузы – самый большой из греческих городов и самый прекрасный в мире...» Такими строчками описывал Сиракузы, не скупясь на похвалы городу, сам Марк Туллий Цицерон, древнеримский политический деятель, историк, оратор и философ. Далее его сообщения об Архимеде весьма скудны и противоречивы. Разрешите мне досказать то, что упустил историк.

Итак, механика с ее рычагами временно отошла на второй план, и великий Архимед с присущей ему жадной познания взялся за гидростатику. Он творил за взвешиванием воды способом погружения своего брэнного

тела в чрево обычной ванны. Он не отвлекался на повседневность, не отвечал на усмешки местных жителей и приезжих негоциантов, считавших его просто любителем водных процедур и не ведавших, что ванна была центром научных изысканий.

Особенно его донимал слив с некоторых пор строго фондированной дефицитной воды. Этот процесс был настолько медлителен и тягостен для нетерпеливо жаждущей природы, что Архимед ощущал: вместе с водой уплывает сама мысль. Этого, естественно, нельзя было допустить. Но как за неё, за мысль ухватиться, и, более того, как за мыслью угнаться? Даже в ту, столь отдаленную смутную историческую эпоху ученый представлял грандиозную скорость мысли в любой среде, и в воде, в частности.

По этой и другим, независящим от него причинам, окунаясь в эмпирическое море ванны, он проводил опыты не на вольном море, плещущемся в двух шагах от городской стены, а в жалкой маломерной посудине, не отвечающей всем требованиям чистой науки и не соизмеренной с амбициями гения.

Трагизм положения усугублялся суровым военным временем, и море для сырых сиракузян было доступно только из смотровых отверстий в городской стене. В море, насколько хватал глаз, завихряя буруны волн, шастали триремы и пентеры римского полководца Марцелла, а легкие и стремительные галеры грозили разрезать надвое каждого, кто осмелился бы появиться в акватории.

Всё ближе и ближе, и вот уже боевой флот Марцелла полощет парусами у самой Аркадины – крепостной стены, защищающей Сиракузы с моря.

Зная целеустремленную, постоянно ищущую природу ученого и род его деятельности на тот период, отягощенный военным временем, можно, без всякого сомнения, логически предположить, что настоящее изречение

Архимеда, рожденное в скорбных муках творческого отчаяния, но глубокого оптимизма, было:

ДАЙТЕ МНЕ МОРЕ - И Я ВЗВЕШУ В НЕМ НАШУ ПЛАНЕТУ !

На трибуну взобрался мрачного вида следующий оратор, постоянно подправлявший жидкую челку на затылосу.

- Трудно не согласиться с предыдущим выступающим, но настала пора осветить некоторые совсем неприятные для Архимеда страницы его неблагоприятной ученой деятельности. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь! Это его злоеца тень пала на все человечество, на тот мрачный период всемирной истории, который называется инквизицией. Надо прямо признаться, что этот небезызвестный, в кавычках, деятель на самом деле оказался зловердным, злонамеренным ученым, из-за академической неряшливости и распушенности которого сегодня, это уже не секрет, пострадало столько величайших умов, чего бы не произошло, работай он качественно и ответственно, как того требует жертвенность и отдача в науке. Это благодаря Архимеду, которому вы, уважаемые ученые, незаслуженно расточаете дифирамбы, Джордано Бруно, Коперник и другие ученые взошли на костер!

Архимед был в шаге от открытия вращения Земли.

Задумайтесь, от вращения Земли!

Что ему помешало это сделать? Ничто не препятствовало, но Архимед прошел мимо этой возможности. Поэтому мы, в лице всего мирового сообщества, лучше поздно - чем никогда, должны осознать всю его пагубность своим... своим появлением на свет. Эта одиозная научная фигура неслучайно ждет сегодня самого грандиозного суда над своей постыдной ролью в истории.

Вы только ПОСЛУШАЙТЕ ! Когда говорят пушки, музы молчат. Но Архимед не молчал. Он работал в сложных условиях, то военные действия у его города, когда нужно прятаться от врагов или всем подниматься на крепостные стены, то на море тишь да гладь, покой и благодать, и море приглашает всех провести в незатейливых негах свой массовый отдых. Вспомните биографию знаменитого Архимеда и представьте себе, как он истинный патриот, как учёный-исследователь, отставляя в сторону происходящие в мире события, забывая о пище и прочих земных радостях жизни, пренебрегая заботами о семье и собственном теле, как всегда, марает у своей классической ванны.

Его мысли непрерывно репродуцируются одна за другой, требуют немедленного практического применения. Глядя на закручивающуюся струю воды слева направо перед сливным отверстием, он решил ускорить слив, достаточным и необходимым условием которого было бы закручивание струи в обратную сторону, как он предполагал, справа налево.

Мысли творца заводили Архимеда в непостижимые доселе глубины ванны, так что он с превеликим трудом, по причине открытой им выгалкивающей силы, нащупывал живую пульсирующую струю. Но с еще более напряженным усилием выдерживал из отверстия засосавшиеся было пальцы, когда струя выказывала свой осатанелый нор. Отсюда, кстати, с легкой руки Архимеда пошло выражение «попасть в струю”.

Он дышал на нее и боялся дышать. Плевал на струю. Сбивал направление движения. Приближал объект наблюдения к своим уже подслеповатым глазам. Несмотря на все страстные ухищрения и авторитет основоположника гидростатики, старания его были напрасны. Струя не желала менять вращение, как того хотел Архимед. В результате, сосредоточившись на малом, из-за сиюминутной научной нераспорядительности этого ученого

мужа, я бы сказал, лжеученого, по крутящейся струе, как доказательству, им своевременно не был открыт главный закон о вращении Земли, чем трагически потерявшее от этого научное познание было отодвинуто на много веков назад.

Предлагаю создать суд из самых компетентных и авторитетнейших ученых и вынести Архимеду сначала частное определение, а затем вычеркнуть из списка ученых...

– Как можно... лишаю вас слова... – голос председательствующего потонул в гвалте из зала.

Оратора уже оттирали от трибуны. Энергичная девушка в больших профессорских очках пробралась на трибуну и кричала в микрофон:

– Познание не отодвинуто, а придвинуто! По Архимедовой спирали! По Архимедовой спирали! Я, как и все, имеющая прямые доказательства о родственной сопричастности к Архимеду через энное, точнее двадцатое поколение, в защиту своего далекого пращура заявляю: по Архимедовой спирали! Только не назад, а вперед! Таков был плод его уникальных трудов и раздумий о закручивающейся струе. Ведь эта струя, прекрасная в своей изначальной, изящной строгости, заморозила гиганта науки. Простой экстраполяцией точек он донес свою знаменитую Архимедову спираль нам – потомкам!

– Эврика! Эврика! – неслось из зала.

Люди не сговариваясь, дружно взяли за руки, покачиваясь в такт этим словам.

22 июня. Скорь без границ

«Взрыв, крик... мальчик лежит, к нему бежит его мама. Я тоже подбежала к нему. Его мама схватила его на руки. Я подняла его ножку. Так и бежали. Я свято верила, что эту ножку моему другу пришьют доктора. Не пришили...»

Эти страшные строки – из дневника моей мамы, Быковой (Масленниковой) Надежды Федоровны. Место события – город Ленинград, улица Лиговская, двор дома № 243. Время событий – 1942 год. Пройдет совсем немного времени, и этот дом фашисты сравняют с землей, а осколки авиабомбы ранят мою – на тот момент шестилетнюю – маму.

Спасла девочку от смерти дворничиха Парвиза Айдарова – «тетя Поля», как звали на русский манер эту татарскую женщину жильцы. Подобрал ребенка, она принесла его к себе, отмыла, обработала раны и накормила, поделив скудный блокадный паек между своими детьми и раненой девочкой. К дальнейшей судьбе Нади подключились ещё две соседки: как следует из документов, это были «управхоз Черганова домохозяйства № 95 по Лиговской улице, дом 245», и «соседка Петрова». Именно они вместе с тетей Полей не только определили девочку в детский дом № 22 Московского района г. Ленинграда, но и собрали для неё по всем соседям самые необходимые вещи – от маек и рейтуз до ботинок и галош. Подробный перечень вещей из 24 пунктов за подписью Чергановой и Петровой тоже хранится в нашем Семейном Архиве.

«...В детдоме я пошла в первый класс», – писала в Дневнике об этом периоде своей жизни моя мама. – «Помню фамилию учительницы – Пивоварова. Имени-отчества не помню. Старая, седая, худая... Помню её дрожащие

с раздутыми суставами руки. Почему-то очень синие... В школе нам давали по малюсенькому кусочку хлеба. Учительница всегда отдавала свой кусок самым слабым и умерла от голода на наших глазах во время урока...»

«Женя Кульсинова – мы с ней с одной улицы и обе попали в один детдом. Нас обеих нашли с трупами близких – меня рядом с дедушкой, её рядом с мамой. Женю, как и меня, ранило ещё в Ленинграде. Но меня до детдома, а её уже в детдоме во время авианалета. В тот раз Жене повезло: её накрыла собой наша воспитательница. Так их и нашли: мертвую воспитательницу, а под ней – Женю Кульсинову с осколком в голове...»

Читать воспоминания мамы тяжело. И чем старше становишься, тем острее осознаешь ужас, через который пришлось пройти «детям войны».

«Сначала везли до Финского залива. Бомбежки... Воспитатели кричат: «Дети! Прячьтесь!» Мы разбежались, ложились в канавы, ямы, кусты... Некоторым было по 2-3 года... Потом нас собирали второпях, но уже не всех: кого-то убило, кого-то просто не нашли. А самые маленькие, забившись в ямы, полузасыпанные землей, вообще, от страха не откликались. Сколько было таких «потеряшек» - не знаю...»

Мамы не стало 2 августа 2009 года: война, всё-таки, нагнала её, внезапно открыв блокадную рану. Собственно, война никогда её и не отпускала, как не отпускала и моего дедушку, Масленникова Федора Ивановича, и его брата – Николая Ивановича, страшно искалеченных в боях на Ленинградском фронте. Как не отпускала моего свекра, который, умирая в 1995 году, в смертельном полузабытьи вдруг отчаянно закричал: «Танки слева!»

Мама стала замыкающей нашего семейного «Бессмертного полка», возглавили который трое братьев моей бабушки Быковой Руфины Владимировны, погибшие на той войне первыми: Николай, Рафаил и Борис. А за ними положили свои жизни на алтарь Победы де-

сятки других наших родичей – Масленниковы и Смирновы, Зайцевы и Наумовы, Быковы и Банниковы, Волковы и Тарусовы...

22 июня - это горькая дата в истории государства, которое когда-то называлось Союзом Советских Социалистических республик. Времена изменились, и хотя еще много среди нас тех, кто родился в СССР, но живем мы теперь порой по разные стороны границ, да и считаемся мы теперь гражданами разных государств.

Однако каждый год 22 июня, в День памяти и скорби, каким-то удивительным образом мы, внуки и правнуки солдат Великой Отечественной войны, вновь ощущаем особое единение – единение, спаянное 77 лет назад общей бедой, общей болью и общей кровью.

И пускай сегодня кому-то нейдет переписать страницы истории и перелицевать те страшные дни и ночи, но никогда им не вычеркнуть того, что было: знаменитые рейды белорусских партизан и дерзкие операции украинского подполья, беспримерное мужество грузин – защитников Аджимушкайских каменоломен в Крыму и отвагу казахских стрелковых бригад, беззаветную преданность общему делу азербайджанских диверсионных групп, громивших фашистов в Белоруссии и на Украине, и знаменитое «Русские не сдаются!», которое успел выкрикнуть, подрывая себя и окруживших его фашистов 8 ноября 1941 года на окраине села Дьяково в Луганской области на Украине, известный адыгейский журналист и поэт, политрук Андрухаев Хусен Борежевич.

Русские и украинцы, татары и абхазы, белорусы и мордва, грузины и карелы, ненцы и узбеки, таджики и буряты, армяне и евреи, туркмены и якуты... - чья только кровь не пропитала в те страшные дни нашу землю, на каких только языках не причитали матери над «похоронками», каким только богам и божествам не молились, чтобы скорее закончилась проклятая война!

Историю не изменить - сегодня подрастает поколение, для которого аббревиатура СССР стала прошлым. Но 22 июня, День памяти и скорби, продолжает по-прежнему объединять нас, уже внуков и правнуков тех, кто когда-то плечом к плечу защищал страну от немецко-фашистских захватчиков.

И пусть мы живем теперь по разные стороны границ, да и считаемся мы теперь гражданами разных государств, только вот наши деды и прадеды лежат в общих братских могилах, в которых нет ни границ, ни пограничных столбов!

Давайте не будем забывать об этом!

Одни из многих (отрывок из повести «Рядовой стрелок»)

Двадцать три бойца вместе с младшим лейтенантом. Федюшин оставил им чуть ли не весь запас патронов и гранат батальона.

- Если вы не выстоите тут, то нас сомнут одним махом еще до того, как соединимся с полком.

Первый окопчик соорудили прямо у разбитых машин, чуть за ними. Дальше, следуя складкам местности и простреливаемости, определили позиции пулеметов. Остальные бойцы расположились в две линии обороны, по обе стороны дороги на небольшом расстоянии от машин. Правильно это по военной науке или нет, кто его знает. Враг должен был появиться с минуту на минуту.

Мотоциклы вывернули из-за леса, остановились, оценивая обстановку, и медленно покатали к месту засады. Три мотоцикла по три человека. Вот только как назвать человеком того, кто издевается над людьми? Последний мотоцикл остановился, автоматчик присел на колесо чуть в стороне от него, пулеметчик нацелил оружие в проход между машинами. Передние два, озираясь по сторонам, продолжали медленно катить в ловушку. Они уже миновали первый окопчик, когда пулеметы выплеснули очереди. Алексей видел, как перевернулся первый мотоцикл, съехал на обочину второй, повис на руле водитель третьего. Пара минут, и все закончилось.

Как сказать, закончилось, все только начиналось. Из-за леса выполз танк с маленькой башенкой и, не останавливаясь, выстрелил. Снаряд разорвался перед полусторевшим ЗиСом, слегка приподняв его и откинув в сторону. Танк двинулся по дороге, за ним спешила пехота. Один из пулеметчиков не удержался и дал длинную очередь. Танк остановился, прицелился, и на месте

расчета с «Максимом» дымилась воронка. Ободренные немцы продолжили атаку. Лишь когда танк и атакующие солдаты противника оказались непосредственно перед узким проходом, раздались первые винтовочные выстрелы. Вот один из бойцов привстал и метнул гранату под гусеницу броневой машины, но она взорвалась раньше. Недолет. Красноармеец успел исчезнуть в окопчике, прежде чем фонтанчики заиграли на бруствере. Танк немного подвернул в сторону и через проход направился прямо на окопчик. Возможно, что так и задумывалось. С другой стороны прилетела граната, и Т-2, разуваясь, развернулся к окопчику боком, встав на дороге ромбом. Теперь проход оказался законопачен. Проехать через него нельзя, объехать тоже. На машинное отделение танка полетело что-то горящее, и через несколько минут с брони потянулся вверх черный дым. Пехота залегла под пулеметными очередями. У танка открылся люк, и оттуда повалил дым. Черная фигурка метнулась из люка, но тут же, неестественно изогнувшись, скорее, изломавшись, тряпичной куклой плюхнулась в пыль. Остальным вылезти не дали. Какое-то время стояла ленивая перестрелка с залегшими на той стороне прохода фашистами, но потом свист, уханье и взрывы изменили картину полностью. Минометы обрабатывали позиции красноармейцев довольно плотным огнем. Степан навалился на Алексея, словно тот мог выскочить из окопа, и до последней мины не сдвинулся с места. После такой свистопляски по ушам ударила относительная тишина. Немецкие цепи получили поддержку в виде пехоты и перебежками приближались к проходу. Пулемет молчал. Лишь винтовочные выстрелы и редкие автоматные очереди говорили на своем языке.

- Лешка, похоже, пулемет накрыло, - толкнул Степан Алексея. - Я туда.

И он резко выпрыгнул из окопа, рыбкай нырнул на землю, перевернулся, немного прополз и вторым бро-

ском скрылся в другом окопе. Повторив еще раз такой же трюк, он оказался у пулемета.

Алексей не переставал следить за боем и за Степаном, время от времени находя цель для стрельбы. Над ячейкой, где скрылся друг, появилась рука и призывно махнула к себе. Алексей, недолго думая, повторил трюки Степана.

- Осторожней! – придержал его Степан за руку, когда Алексей перевалился в окоп. – Один раненый. Бинт дай. Я свой уже использовал.

Пока Степан бинтовал плечо бойца, Алексей устанавливал МГ. Боец стонал, не открывая глаз, и, скорее всего, вообще не понимал, что происходит.

- Степа, подготовь ленту, целей много, боюсь, остатка старой не хватит.

- Бей короткими.

- Держись, Степа! – крикнул Алексей и надавил спусковой крючок в то время, когда немцы поднялись в атаку.

Первая цепь была прорежена. Остальные залегли, и возгласы, призывные, а может заставляющие, со стороны офицера оказались проигнорированными. Лезть на пулемет фашисты не захотели.

Через несколько минут заработали минометы.

- Лешка, хватай пулемет и в соседнюю ячейку. Здесь нас накроют. Вишь, все ближе стали класть. Я тебе выкину коробки с лентами и раненого постараюсь вытянуть, иначе ему тут хана.

Чернов благополучно перетащил пулемет, подобрал коробки и уже помогал вытаскивать раненого, когда взрыв мины откинул их всех троих от стрелковой ячейки.

- Жив? – Степан тряс за плечо оглушенного Алексея.
- Давай за пулемет.

Сам подполз к раненому, схватил за воротник и потащил в окоп, где они находились до начала боя. Ми-

нометы продолжали посылать мины одну за другой в пулеметный окоп, смешивая и переворачивая там все с жестоким безжалостным остервенением.

Стоило утихнуть минометам, как фашисты поднялись в очередную атаку. Они достигли прохода, и теперь пулеметчику приходилось сложнее.

- Меняй позицию, - сказал Степан, меняя ленту в пулемете. - Все, последняя. Без МГ нам придет конец.

- Не умирай раньше времени. Поживем еще.

Алексей пополз к небольшому кустарнику позади окопов. Немцы закидали гранатами ребят у машин и получили еще поддержку в виде двух гробовидных бронетранспортеров. Их пулеметы работали почти безостановочно. Лента, как ни берег патроны Алексей, закончилась. Теперь осталась лишь винтовка. На его глазах младший лейтенант получил ранение при броске гранаты. Увидел, как метнулся в его сторону Степан. Снял немецкого стрелка, бравшего на мушку друга. И понял, больше не удержаться. У него четыре патрона всего. Много не навоеешь. Алексей бросился к ячейке, где оставили раненого. С трудом вытянул наверх и потащил волоком к кустам. Оглянулся назад. Степан бежал один. Слева еще раздавались редкие выстрелы.

Вдвоем они перетащили раненого в лес и, углубившись в него, без сил упали на траву. Не было слов, не было эмоций, только усталость.

- Где я? - вдруг раздался еле слышный голос раненого.

- В лесу, - так же тихо ответил Степан.

- А как же...

- Никак. Смяли нас. Может быть еще кто выжил.

Около часа они потратили на восстановление сил. И надо уходить. И они двинулись дальше, таща на спине раненого и меняясь как можно чаще. На троих у них оказалось восемь патронов. Еды дня на два - три можно было растянуть. В какой-то день они вышли к Столбцам.

Одна из местных, что встретила им, поведала о взятии города немцами. Разжились лепешкой и луковицей. Решили идти на Минск. Шли, отдыхали, прятались, шли. Раненому стало хуже. Все дороги были заняты немецкими войсками, пересекать которые доводилось только ночью и с опаской.

К вечеру, непонятно какого дня, вышли к опушке лесного массива. Обрадовались, что здесь можно затеряться. Но вскоре поняли другое. Они в ловушке. Дальше шло болото. Гнилые деревья, обросшие мхом, высокие травы отнимали уйму сил. Степан попытался в нескольких местах пройти по зыбуну, но проваливался почти полностью, и Алексей с помощью длинного шеста вытягивал его из негостеприимного болота.

Решили выйти к опушке и пройти подальше по окраине леса. Голодные, оборванные, уставшие, с трудом дотащили раненого к выходу из леса.

- Хальт! – резкий окрик бросил их в траву.

Они одновременно вскинули винтовки, сделали выстрелы, перезарядили, выстрелили. Но патроны, после небольшой перестрелки, закончились, а по ним работал МГ.

- Рус, сдавайся!

Степан и Алексей переглянулись. Молча вытащили комсомольские билеты и письма из дома. Алексей вынул смертный медальон, покрутил его в руке и отправил к документам. Корень высокой стройной сосны стал вечным хранителем спрятанной тайны...

- Может, сбежать получится? Вот только...

Его взгляд упал на раненого. Но несколько пуль пробили бедолаге грудь.

- Это, наверно, к лучшему, - сказал Алексей. - Все равно бы добились, а так погиб в бою.

Они без слов встали и подняли руки. Довольные немецкие солдаты, улыбаясь, что-то говорили, смеялись, заставив друзей скинуть амуницию.

Оказалось, что недалеко проходит проселочная дорога, и на ней под конвоем уже стояли около двух десятков красноармейцев. Они, молча, влились в их состав. Через несколько минут группу военнопленных погнали по дороге...

Отрывок из романа «Птица-тройка»

По возвращении домой, ближе к осени, Паша часто смотрел из окна большой комнаты на огромную и продолжавшую медленно расти песчаную гору.

К концу лета сквер почти полностью был заполнен песком, остался только небольшой приближающийся к домам зеленый участок. И постоянно присутствовавшие теперь здесь самосвалы уже чаще увозили песок куда-то в другое место.

Дети теперь часами играли на этом песчаном пустыре на месте разоренного сквера. Валька строил замысловатые города и широкие дороги между ними. Паша с интересом помогал ему. Иногда среди сыпучего материала они находили замысловатые фигурки из остатков спрессованного песка от формовочных опок. Приглядевшись, в них можно было легко представить человечков или силуэты животных. Малышу иногда удавалось найти красивую фигурку, и он часто внимательно рассматривал ее.

У дороги по другую сторону песчаной горы работали люди, помогавшие нагружать песок в подъезжавшие самосвалы. Когда машин не было, они садились отдыхать или подходили к играющим детям. Однажды к Паше подошел добродушный усатый человек лет сорока пяти и сел рядом.

Увидев старания малыша, он подобрал одну из фигурок и, ловко поскоблив ее пальцами, передал Паше. Малыш с радостью увидел замечательного слона.

- Здорово! - обрадовался малыш.

Незнакомец, недолго думая, взял другую фигурку и быстро с удовольствием, растирая песок, превратил ее в зайца.

Паша заметил, что одно ухо у него было значительно меньше другого, но все равно это был смешной и такой добрый замечательный заяц.

Мальш показал на это ухо и устремил восхищенные глаза на изделие и незнакомца. Он заметил, как широченные усы улыбнулись ему. В них он ощутил нескрываемое тепло и любовь. Глаза говорили о понимании художественного поиска и непосредственности детского желания.

- Дядь, покажи, как это у тебя получается? - спросил Паша.

Незнакомец молча еще раз ласково посмотрел на малыша и отошел в сторону.

- Это немец... он не понимает по-русски, - заметил Валька на недоуменный Пашин взгляд.

Паша проводил уходящего человека доброжелательным взглядом.

«Странно, немцы - они же враги...» - размышлял мальчик.

Паша показал две фигурки подбежавшему брату Леньки, который играл с отрядом воображаемых разведчиков. Он подошел к немцу, наставил самодельный автомат и протарахтел:

- Тра-та-та.

Незнакомец миролюбиво улыбнулся и пошел на другую сторону горы к своим.

Паше теперь нравились эти молчаливые добрые люди. От них исходило нескрываемое тепло, понимание детской непосредственности и огромное желание окунуться в мирную жизнь. Тогда многие детские игры были пропитаны совсем недавно ушедшей войной со стрельбой, окружениями, ползанием по-пластунски и нападением отрядом.

Детвора часто изображала стрельбу из игрушечных автоматов в сторону работающих на песчаной горе, но пленные немцы понимающе смотрели на детей и никогда не обижались.

После недавно отгремевшей войны, которую Паша не застал, на улице можно было часто видеть инвалидов - без рук и ног,двигающихся на костылях и незамысловатых протезах. Встречались инвалиды без нижних конечностей, отсеченных очень высоко. Они передвигались, опираясь на руки, сидя на самодельных тележках.

К этим людям относились с пониманием, многим помогали, как могли, и общественного отторжения они не чувствовали.

Однажды Паша заметил такого человека, полностью без ног, около дома. Он чистил гуталином обувь подходящим к нему людям.

«Он ведь почти обрезанный наполовину...», - со страхом думал малыш.

Малыш пригляделся: инвалид был совсем еще не старей, даже красивый, веселый и очень бойкий.

Чистильщик почувствовал на себе взгляд и повернулся к Паше. Глаза его, светившиеся минуту назад, вдруг стали непонятно жесткими:

- Что, страшно, малыш?

- Вовсе нет... - робко соврал Паша.

Мальчик был рад общению, но все же он не мог скрыть своей жалости к этому человеку.

- Все вижу, - легко подмигнул инвалид, пронзая взглядом насквозь.

Малыш заворожено смотрел на незнакомца, который продолжал увлеченно работать. Подходящие люди ставили ноги на сколоченный ящик сапог или ботинок, а он, будто обрадованный, набрасывался на обувь, ловко жонглируя двумя щетками, изредка поплеывая на них. И через минуту обувь светилась блеском, как новая.

Незнакомец опять подмигнул малышу:

- Война - страшная штука, но есть еще... сильнее ее...

- Что? - подошел малыш совсем близко.

Инвалид взял небольшую плату из рук очередного клиента и задумался.

- Да сама жизнь, - неожиданно резко произнес он, глядя в сторону, - не бойся ее, малыш!

- А я и не боюсь.

- Вот и молодец! – вздохнул глубоко чистильщик.

Немного погодя, он собрал свои сапожные инструменты в руку и, опираясь на свободную вторую, поехал со двора.

- Вам помочь, дядя? – спросил Паша.

- Не надо... Я сам, - твердо отрезал инвалид.

На следующий день Паша безуспешно искал этого человека около дома. Ему очень хотелось, чтобы он опять появился и сказал еще что-нибудь. Поиски у соседних домов тоже не принесли результата, и он уже никогда его больше не видел. И только где-то внутри навсегда остался неприятный осадок, что своей жалостью глубоко задел и обидел этого сильного человека.

Если б не насмерть, ходил бы тогда тоже героем

Листочки, письма с фронта. Стандартный текст, нестандартный подвиг.

Василий Дмитриевич Труфанов (мой дядя) родился в деревне Сметанино Шенкурского района Архангельской области в 1918 году.

В 1936 году, когда Василию исполнилось 18 лет, его призвали в Красную Армию.

В 1941 году с первых дней войны в деревне началась мобилизация. Василий Труфанов наряду с прочими сельчанами боеспособного возраста ушел на фронт.

Служил сапером-разведчиком

в отдельной моторизованной инженерно-разведывательной роте 386-го отдельного саперного батальона 6-й горной инженерно-саперной бригады №010/н

В разведке пригодились его навыки умелого охотника. Он ходил в рейды по тылам противника длительностью до 200 км.

Приказом от 5 декабря 1943 года награжден медалью «За отвагу» № 713513

Приказом от 3 декабря 1944 года награжден орденом Красной Звезды № 1018479

Приказом от 16 февраля 1945 года награжден орденом Красной Звезды № 1018491

Два ордена, и каждый сопровождался благодарственным письмом родителям. Командир воинской части Гончаров и парторг Топильский сообщали:

«В наступательных боях ваш сын, Труфанов Василий Дмитриевич, показал образцы мужества и отваги. Он сражается, как богатырь. Смелость и решительность, презрение к смерти и огненная ненависть к врагу - вот характерные черты вашего сына-героя».

В наградном листе к приказу от 3.12.44 записано:

«Ефрейтор Труфанов ходил в разведку в глубокий тыл противника. Прошел по тылу более 90 км. Произвел разведку оборонительного рубежа противника на протяжении более 20 км. Выявил состояние и движение по 6 шоссе и проселочным дорогам... в районе Гуменно-Медзилобарце. Обнаружил три артиллерийско-минометных позиции и места нахождения войск противника в его тылу. Выполнил задание в трудных условиях - выпал снег, что затрудняло маскировку и деятельность разведчиков».

В историческом формуляре 6-й инженерно-саперной бригады за 1944-1945 годы в графе «Участие в походах и боях» записано:

- Бригада в июле 1944 года поступила в распоряжение начальника инженерных войск 4-го Украинского фронта. В сентябре-октябре 1944 года бригада участвовала в наступлении, обеспечивая 1 гвардейскую Армию, по преодолению Карпатского хребта.

Благодаря успешному наступлению, войска 1-й гвардейской армии овладели городами Гуменне, Михайловице, Стропков.

В феврале-мае 1945 года бригада, обеспечивая в инженерном отношении 1-ю гвардейскую армию, принимала участие в форсировании Вислы, овладении городами Моравска-Острова, Оломоуц и в освобождении Чехословакии.

Основание: ф. 30401, оп. 1 д.20 л. 1-5

Василий Труфанов погиб 16 апреля 1945 года.

Его боевой товарищ в письме родным сообщил следующие подробности:

«Командование перед решающим наступлением (до падения Берлина оставалось 2 недели) срочно требовало взять языка.

Несколько поисковых групп отправились в тыл противника, и ни одна не вернулась.

Немцы были настороже, ждали появления разведчиков.

В таких условиях очередная группа, в составе которой был Василий Труфанов, отправилась в рейд.

Вернуться им не удалось.

Сначала разведчиков записали, как пропавших без вести. Но после того, как Германия капитулировала, удалось выяснить обстоятельства их гибели.

Немцы захватили их в плен и долго, почти две недели пытали и водили из одного штаба в другой.

После этого казнили».

Произошло это 30 апреля. За несколько часов до подписания Германией капитуляции.

Брал бы Берлин, может удалось бы выжить. Но это Чехословакия, Прага, эсэсовская дивизия «Эдельвейс».

Мой отец очень любил своего брата. И когда слушал песню: «Нам нужна одна победа. Одна на всех, мы за ценой не постоим...» всегда говорил: «Как же так, за ценой не постоим. Ведь цена – жизнь людей!».

Да, дорого заплатили мы за Победу. И даже сейчас, через семь десятилетий все еще болит эта душевная рана.

Юрий БУКОВСКИЙ

Снайпер Шурочка

Даже мы, дети, понимали, насколько она маленькая. Хотя детям все взрослые обычно представляются большими. Волосы у неё были вперемежку, прядями – чёрные, седые, чёрные, седые. Седина отливала не белизной, а серебром. Она была черноглазая, с тоненькими, ярко подкрашенными губками, и очень смешливая. Моя бабушка Елизавета Васильевна говорила: «хохотушка». Фамилия у неё была Заломаева, тётя Шура Заломаева. Она носила длинные цветастые юбки, и такие же длинные – по щиколотку – яркие, лёгкие платья. Когда она снимала в передней коричневое, с каракулевым воротничком пальто, а затем, сев на стул, переодевала уличную обувь и разговаривала с бабушкой, мы, дети, могли ухватить в кулачки цветастый подол её платья, и, толкая друг друга, стоять рядом, прижимаясь к ней. Детей в квартире было трое – я и мои двоюродные сестра и брат. Войдя в дом, она дарила нам по конфетке и сразу начинала смеяться. Отчего? Может быть, радовалась, увидев детей. Голос у неё был негромкий. Говорила она быстро, журчащей, не местной, не ленинградской какой-то, скороговоркой, и всегда улыбалась.

Бабушка и тётя Шура дружили. Она приходила к нам в гости один или два раза в месяц, обычно в первой половине дня. Бабушка к этому времени успевала спуститься в булочную в доме напротив за горячим, пахучим хлебом и приготовить обед. Они усаживались за стол в кухне. Гостья почётно, в кресло – широкое, полукруглое, с подлокотниками. Бабушка по другую сторону стола на мягкую табуретку. Ноги у тёти Шуры болтались в воздухе. Мы прибежали в кухню взглянуть. У всех взрослых ноги стояли на полу, а у неё висели,

и она нарочно болтала ими в воздухе. Это было очень смешно, и она заливалась вместе с нами.

На стол бабушка ставила бутылку крымской мадеры, а тётя Шура вынимала пирожные. Они наливали по рюмочке, на всё пиршество по одной. Бабушка делала глоток, и к концу обеда допивала остаток. Тётя Шура вино смаковала, не пила, а только пригубливала и причмокивала, показывая, как нравится ей напиток из тёмной, с парусником и медалями на этикетке, бутылки. На закуску они ели суп, чаще всего грибной, коричневый, прозрачный, из наших дачных сушёных подосиновиков и подберёзовиков, с картошкой и перловкой. Затем заваривался чай, крепкий, индийский, из пачки со слониками, к нему и предназначались пирожные. Подруги беседовали о чём-то, и тётя Шура смеялась.

Мы, дети, не знали о ней ничего. Обычно младшие мало знают о старших. Как-то раз она появилась с серебряистой наградой на бежевом, выходном жакете. На медали были изображены три самолётка и танк. Нам прочли надпись: «За отвагу». Они с бабушкой праздновали день прорыва блокады. Взрослые рассказали нам, что тётя Шура воевала на фронте снайпером. Она убила семерых фашистов. Я представлял её в военной форме, и получалось как на фотографии: она навытяжку в длинной, до снега шинели, на груди медаль, за спиной, рядом с краснозвёздной ушанкой острый, блестящий штык. Взрослые рассказывали, что когда тётя Шура застрелила первого фашиста, она очень плакала, даже рыдала, и никак не могла успокоиться. Потом тоже плакала, но уже меньше. На фронте солдаты называли её Снайпер Шурочка и оберегали от пуль и снарядов.

Летом она приезжала к нам в гости на дачу, в Сиверскую. «И всегда с фокусами», - притворялась, что сердится на неё бабушка. Тётя Шура обычно прибывала в яркий солнечный день, проходила вдоль забора, сбоку от участка, доставала из плетёной сумки подстилку

и устраивалась на лужайке в траве и в полевых цветах, раскинув веером яркую юбку. На голове у неё красовалась большая жёлтая соломенная шляпа, с оранжевой ленточкой, завязанной бантиком под подбородком. Вдоль забора рос кустарник «белые шары», поэтому сразу мы её никогда не замечали. А, увидев, орали во весь голос, истошно и счастливо: «Бабушка, бабушка! Там тётя Шура сидит!» И мчались, сломя голову, за бабушкой в огород или в дом. Этот день у нас всегда был очень радостным: тётя Шура приехала!

Однажды мы узнали, что она умерла, взрослые объяснили: «от сердца». Они рассказывали, что тётя Шура поднялась на свой пятый этаж, вошла в комнату, прилегла, не раздеваясь, на кровать и умерла. Она жила на 4-й Советской улице, это недалеко от нашей Пушкинской. Она была одинока, у многих женщин в то время не было мужей, все мужчины погибли на фронте. Соседи по квартире спохватились, заволновались оттого, что тётя Шура долго не выходит, и нашли её на высокой железной кровати в пальто и в обуви. Вызывать скорую было поздно. Рассказывая о её смерти, взрослые всегда говорили, что ноги её в ботиках свисали с кровати, и что она положила их так нарочно, чтобы не запачкать белое кружевное покрывало. Я помню эти резиновые ботики с высоким каблуком. Тётя Шура всегда ставила их у нас под батареей в прихожей, чтобы согреть после слякоти на улице и подсушить.

Год – другой

Я родился в 1951-м в семье офицера-подводника и воспоминания моего детства и школьных лет так или иначе связаны с войной и оружием. Отцовский кортик висел на стене нашей комнаты в Полярном и, оставаясь дома один, я снимал его, нажимал кнопку на рукояти и выдвигал клинок. Блестящее лезвие было прохладным, острым и плавно входило в ножны, с легким щелчком в самом конце. Каждый раз я ощущал холодок по коже. Еще мне запомнился пистолет Стечкина в деревянной (как в кино!) кобуре. Отец вынимал обойму, проверял нет ли в стволе патрона и давал мне подержать оружие в руках. Моему восторгу не было предела! Сильное впечатление на меня произвели огромные торпеды в отцовской подводной лодке. Особенно поразили матросские койки прямо над торпедами во втором отсеке. Туго натянутое одеяло поверх тонкого матраса, вот и все, что было между моряками и взрывчаткой. Там же, в отсеке, отец объяснил мне, что подводная лодка - оружие коллективное потому, что побеждает или гибнет - вся команда. Тогда мне еще не было шести лет, но я это все запомнил.

В первый класс я пошел в Ленинграде, отец учился на командирских классах, а мы с мамой жили в доме на Заводской улице рядом с Шуваловским парком. Тогда по нашей улице проходила граница города, за которой начиналась Ленинградская область. На стенах всех домов в округе были нарисованы краской стрелки «В бомбоубежище», которые вели к двери с табличкой «Вход в бомбоубежище». Мы с пацанами иногда протискивались через вентиляционные отверстия в помещения с разными таинственными агрегатами, ящиками для противогазов, скамейками, но старались там не задер-

живаться, так как отсиживаться в помещении было ниже мальчишеского достоинства.

Большая часть наших игр в «войнушку» проходила на открытом воздухе. На опушке парка напротив продуктового магазина мы рыли ходы, накрывали их досками, маскировали ветками и листьями так, что родители не могли нас найти. А мы сидели и разговаривали в полумраке наших «землянок». Для освещения нам служил карбид. Его нужно было бросить в консервную банку с водой, а потом поджечь булькающий газ. Там мы обсуждали фильмы про войну, демонстрировали друг другу образцы самодельного оружия. Например, для изготовления «винтовки» подходящая по размеру металлическая трубка приматывалась проволокой к вырезанной ножом доске, парой шурупов прикручивалась дверная щеколда вместо затвора, вот и все. Для «автомата» бралась труба покороче, чем у «винтовки», к доске снизу крепилась круглая консервная банка из под «кильки пряного посола» и ППШ был готов. С «пистолетами» было еще проще, достаточно было выпилить лобзиком рукоятку и прикрепить к ней короткую медную трубку.

Впрочем, если заклепать эту трубку со стороны рукоятки, то получалась «поджига». Нужно было начистить в трубку фосфорных головок с пары десятков спичек, вставить в отверстие длинный гвоздь, туго натянуть резинку между гвоздем и рукояткой и позволить гвоздю щелчком соскользнуть в трубку. Хорошо сделанная поджига высоко ценилась и давала право на роль красного командира, поднимающего бойцов в атаку на «врага». Громкий выстрел из поджиги обеспечивал одновременность атаки. Бойцы с криками «ура» выскакивали из окопов и ячеек и начинался бой. В бою было важно совершить подвиг, а потом красиво упасть, имитируя геройскую гибель. Тем, кто полежал минуту – другую, разрешалось снова вступать в битву. Так мы имитиро-

вали ввод пополнения, и это делало игру долгой и разнообразной.

Повоевав в пехоте, мы становились военными моряками. На территории парка было несколько прудов. Самый большой назывался «рубашка Наполеона», а по соседству с ним находился пруд «шляпа Наполеона». Это было место для «морских сражений». Плоты из досок превращались в эсминцы, а бревна - в торпедные катера. Каждый катер имел по две двухметровые жерди, которые имитировали торпеды. Их полагалось пускать только вперед с разогнанного бревна. Торпедная атака считалась успешной, если пущенная по воде жердь - торпеда попадала в плот. В этом случае команда «эсминца» должна была спастись вплавь. Про торпедные катера я узнал в Североморске, где мы с тамошним приятелем облазили снаружи и изнутри катер дважды Героя Советского Союза Шабалина. Я рассказывал об этом катере и подвигах моряков-североморцев, и истории эти не оставляли равнодушными моих друзей-«однополчан», а наша землянка получала на это время название «кубрик».

После фильмов про летчиков мы, естественно, вели воздушные «бои». Тем более, что один из наших пацанов нашел обломки самолета. Он достал их из одного небольшого озерца в соседнем с нашим парком лесу, в котором мы собирали грибы, малину и не обращали внимания ни на что другое. Ну, лужа и лужа, хотя и глубокая. А он привязал к веревке небольшую «кошку» и умудрился подцепить кусок самолетной обшивки. Из этой воронки военные потом достали и увезли на грузовике остатки разбитого советского истребителя.

Трубки для поджиг мы добывали из баков для лома цветных металлов, которые находились по соседству с таинственным особняком, построенным на территории парка. Для этого нужно было, как разведчику в кино, бесшумно и незаметно перелезть через высокий желез-

ный забор и выбрать из кучи латунных и медных трубок подходящие трубки и детали для своего будущего оружия. Обладатели таких самоделок заслуженно пользовались уважением сверстников. Кстати, через много лет я побывал в этом здании. В нем располагался филиал института токов высокой частоты. Там работал отец девочки, с которой мы жили в одном подъезде. К ним -то я и приехал, когда нашей лаборатории нужно было исследовать поведение некоторых минералов в поле токов высокой частоты. Он очень удивился, когда я попросил его показать мне, куда они выбрасывают стружку из своих экспериментальных мастерских. Пришлось рассказать. Кстати, баки с латунной стружкой так и стояли на том же месте, как двадцать лет до этого.

Мы с друзьями во всем старались подражать героям любимых фильмов. Так, если в последнем кино солдаты доставали вышитые кисеты и крутили «козьи ножки» с махоркой, чтобы молча покурить после боя, то и нам нужно было повторить эту сцену. Помню, я взял лоскут плотной ткани, сложил пополам и аккуратно прострочил на мамино «зингере» три стороны черной ниткой. Получился подходящий по размеру мешочек. Обвязал горловину куском шпагата, и кисет был готов. На изготовление «махорки» пошли три беломорины из отцовской открытой пачки и листья, которые я насобиравал в парке. Точно помню, что там были сухой папоротник и высохшие листья разных форм с нескольких деревьев. Все это было тщательно перетерто ладонями практически в труху, перемешано с табаком из беломорин и засыпано в кисет. Еще я взял из дома коробку спичек и пачку листочков отрывного настенного календаря. И вот мы сидим втроем в нашей землянке, готовимся к первому в жизни перекуру. Не сразу, но «козьи ножки» были свернуты, двое прикурили от первой спички, после чего она была быстро погашена. Почему? А просто герой последнего фильма доходчиво объяснил бойцу из пополнения,

что когда прикуривает первый, то вражеский снайпер берет винтовку, когда прикуривает второй - враг прицеливается, а стреляет уже по третьему. Поэтому на переднем крае от одной спички могут безопасно прикурить только двое. Даже сидя в нашей землянке, мы чтити фронтовые традиции. Посмотрев друг на друга, мы затагнулись. До сих пор все шло, как в кино. А дальше мы с приятелем начали кашлять. Точнее, КАШЛЯТЬ! Глаза саднило, нас выворачивало, казалось, что дым шел даже из ушей. Мы выскочили из нашей землянки наружу и долго пытались отдышаться. Вражеский снайпер, конечно, не упустил бы такую возможность. Но все сложилось иначе. С тех пор прошло почти 60 лет, и я не выкурил больше ни одной сигареты, и мой напарник по первой самокрутке тоже. Наверное, стоило бы приехать в Шуваловский парк, снова собрать там по памяти сухих листьев и приготовить из них «антикурительную махорку».

У меня было замечательное детство. Мама была еще жива. Она учила меня писать красивым почерком и ухаживать за школьной формой. Я сам каждый вечер подшивал чистый подворотничок к гимнастерке, отпаривал чугунным утюгом через кусок влажного полотна брюки, чтобы на них держалась «стрелочка», начищал асидолом до блеска пуговицы и пряжку ремня – да, именно такая, похожая на солдатскую, форма была у нас в те годы. Отец учил чистить гуталином ботинки, в шутку приговаривая: «Сапоги нужно чистить с вечера, чтобы надевать утром на свежую голову». Впрочем, он появлялся только по воскресеньям. Пару раз он брал меня к себе на службу, как он говорил, «в экипаж», до которого нужно было ехать больше часа в плотно забитом пассажирами автобусе. Кстати, тогда в автобусах кондукторы спрашивали, до какой именно остановки пассажир едет и давали ему целую ленту из двадцатикопеечных билетов, по числу остановок. Да, а бумажные деньги были

еще образца 1947 года. Мама давала мне в школу большой такой рубль на молоко и булочку. Это называлось «полдник». Признаюсь, что однажды я накопил из этих денег семь рублей, чтобы купить маленький перочинный ножичек – им было очень удобно обстругивать со спичек серу для поджиг.

Вскоре я таким же способом насобирав денег на небольшой компас. Он – то и помог мне обратить внимание на то, что в Ленинграде надпись: «граждане! ПРИ АРТОБСТРЕЛЕ эта сторона улицы наиболее ОПАСНА» чаще встречалась на северной стороне улиц, а в Кронштадте – на южной стороне. Когда я спросил отца почему так, он ответил, что во время блокады немцы обстреливали Ленинград со стороны Пулковских высот и Стрельны, то есть с юга и юго-запада, и по этой причине снаряды чаще попадали в стены домов именно на северной и северо-восточной стороне улиц. А Кронштадт немцы обстреливали из Петегрофа, то есть, с северо-востока. А вот при бомбежке это не имело значения, от бомб страдали дома по обе стороны улиц. На Васильевском острове, на Петроградской стороне, в районе Невского проспекта было много строений с торцовыми стенами практически без окон. Эти наспех возведенные стенки достались городу на память о войне, как культяпки тяжело раненному ветерану.

А еще на территории Шуваловского парка находилась воинская часть, обнесенная колочей проволокой, и мы через замаскированный подкоп лазили туда за выброшенными аккумуляторными батареями. Из этих батарей мы доставали длинные блестящие станиолевые ленты, которые можно было пустить на самодельные ракеты или просто украсить ими елку. Много лет спустя я прочел в Интернете, что в Шуваловском парке был секретный узел правительственной связи, так что мальчишеская удаля с проникновением на территорию охраняемой воинской части могла закончиться печально.

Насколько это было самоубийственно, я понял только после окончания пятого курса института на воинских сборах, стоя ночью в карауле. Мы охраняли военные склады, наши автоматы были заряжены боевыми патронами, и по уставу нам полагалось стрелять в каждого, кто пытался бы проникнуть на охраняемую территорию. Все было серьезно, тем более, что буквально за несколько дней до этого под Выборгом был убит часовой. Его автомат исчез. Судя по всему, выстрелить он не успел. Так что нам с пацанами в детстве крупно повезло.

Потом мы с родителями переехали в новую квартиру на Автовской улице. Тогда это были ленинградские новостройки, сразу от нашего дома начинался огромный, в несколько километров, пустырь, чуть ли не до Ново-Измайловского проспекта. Автовской улицы как таковой еще не было, а то место, где она должна была пройти, было перекопано канавами для укладки труб. Мы тоже рылись в этих траншеях, проложенных строителями. Чаще всего нам попадались пули от советских и немецких винтовок и небольшие, размером с фалангу пальца, цилиндрики артиллерийского пороха с семью небольшими отверстиями вдоль оси. Мы их так и называли «семидырками». Нужно было плотно завернуть такой цилиндрок в серебряную фольгу так, чтобы немного торчала кромка одного из торцов цилиндрика, потом примотать к нему суровыми нитками пару спичек. Артиллерийский порох не взрывается, а очень быстро горит, и такая самодельная ракета иной раз улетала так высоко, что пропадала из виду. Потом мы находили только обгорелую фольгу. А однажды, роясь в канаве, я наткнулся на ржавый разбитый пулемет. В километре от нашего дома, если идти по улице Васи Алексева, которая пересекала Автовскую улицу, был Кировский завод. Во время войны на месте нашего дома проходила линия фронта, так что в том, что я нашел пулемет, ничего удивительного не было. Потом улицу заасфаль-

тировали и рыться стало негде. Несколько пятиклассников из нашей школы нашли новое место для раскопок в Лигово. Там шли тяжелые бои, и еще не вся территория была очищена от мин и снарядов. Вот они и лазали под колючую проволоку. Я об этом узнал тогда, когда наш класс привели на похороны. Четверо мальчишек лежали в гробах, и их лица были в черных оспинах от близкого взрыва снаряда, который они нашли и положили в костер.

А через несколько дней после похорон, 9 мая, мы всей семьей смотрели по телевизору новый фильм, в котором саперы разминировали оставленный фашистами город. Помню эпизод, когда усталый герой фильма, разрядив особо хитрую мину на складе снарядов, потянулся назад, и почти коснулся спиной натянутой проволоки другой «ловушки». И в этот напряженнейший момент фильма, когда стихла тревожная музыка, в абсолютной тишине... за окном раздался грохот первого залпа артиллерийского салюта в честь Дня Победы. Не помню названия фильма, но эти кадры просто стоят перед глазами. И лица мальчишек в черных пороховых оспинах.

Служба отца сказывалась и на моей учебе. Например, в пятом классе мне пришлось по семейным обстоятельствам сменить четыре школы, в среднем я проучился в каждой из них по одной четверти. Из жизни в Баку у моей бабушки со стороны мамы я помню парашютную вышку в городском саду и военные оркестры по выходным дням. Потом, с наступлением темноты, мы с мальчишками забирались на деревья вокруг открытого кинотеатра и смотрели фильмы. Почти во всех фильмах было что-то о войне. После Баку я оказался на Кольском полуострове в Урице. При нас этот поселок переименовали в Видяево по фамилии знаменитого подводника-североморца. Именно оттуда вышла в последний поход подводная лодка «Курск». А когда мы туда прибыли, там стояли только дизельные подлодки, одной из кото-

рых командовал мой отец. В поселке было всего пять домов. Потом достроили еще семь домов и новую школу. В нашем классе было десять мальчишек. Трое из них стали командирами подводных ракетносцев. А потом, много лет спустя после нас, в этой же школе учились мальчишки, которые, повзрослев, ушли в свой последний поход на «Курске». На стене школы укреплена памятная табличка с их именами.

Восьмилетку я окончил в Видяево, а в девятом классе учился уже в Балаклаве, под Севастополем, так как отца перевели с Северного флота на Черноморский. В соседнем подъезде нашего дома по улице Крестовского жил мой одноклассник Володя, тоже сын офицера-подводника, Владимира Герасимова, Героя Советского Союза. Вернее так, вначале отец Володи совсем молодым десантником стал Героем, а уже после войны поступил в военно-морское училище, чтобы быть офицером. Володя плавал как дельфин и однажды поздно вечером уговорил меня переплыть Балаклавскую бухту там, где в нее входили корабли. Точнее, почти уговорил. Просто я в те годы зачитывался мемуарами героев-подводников и понимал, что вход в любую военно-морскую базу должен хорошо охраняться, в том числе и от проникновения пловцов-диверсантов. Так что лучше было не рисковать. Это я и объяснил своему другу. Думаю, что прочитанные книги воспоминаний спасли нам жизни. Мы тогда абсолютно ничего не знали о существовании в Балаклаве сверхсекретной подземной базы подводных лодок. Наши отцы, имея к этому прямое отношение, ни единым словом не обмолвились. Они умели молчать и хранить тайны, наши отцы. Потом в этой базе открыли музей.

И опять 9 мая, уже в Балаклаве. Наша школа приняла участие в праздничном параде. Пятерых самых рослых ребят нашего класса переодели в тельняшки и белые робы, кому-то достались бескозырки, другим

просто перебинтовали голову. Мы неподвижно стояли в кузове грузовика, изображая скульптурную группу со знаменитой картины Дейнеки «Оборона Севастополя». У меня в руке была граната, у Володи- винтовка. Грузовик медленно объехал весь стадион. Я долго хранил фотографию, которую мы сделали после демонстрации - шестнадцатилетние мальчишки в матросской форме. Мы как будто были частью истории.

Мой дядя Григорий, брат отца, после срочной службы воином-интернационалистом на Кубе, учился на филологическом факультете Ленинградского университета. Как-то летом он устроился на работу старшим воспитателем пионерского лагеря в Толмачево под Лугой, и пригласил меня на все лето к себе в помощники. Я числился в старшем отряде и помогал проводить зарядку и другие мероприятия в младших отрядах. В лагере были популярны различные военно-патриотические игры. И вот однажды, один из работников лагеря, воевавший в тех местах, повел группу старшеклассников в поход по местам прошлых боев. Я не знаю, как он ориентировался в лесу, но вывел нас точно на место, где проходила линия обороны. Мы смотрели на ходы сообщения и разбомбленные блиндажи, затянутые мхом, воронки от снарядов и бомб, наполненные водой. У нас не было металлоискателей и мы просто рылись в траншеях. Нашли кости, остатки формы, ремней, ржавые винтовки и гранаты, несколько смертных медальонов, обоймы и гильзы. То, что собрали (без оружия, конечно), сложили в плащ-накидки. Потом в Луге это было передано в комендатуру для торжественного захоронения останков на городском воинском мемориале.

Шли годы. Наступило время Интернета. Появился доступ к военным архивам и наградным документам. Я рассказывал об этом своим друзьям, спрашивал, не воевал ли кто из членов их семей во время Великой Отечественной. Все больше информации выкладывали в

Сеть не только военные архивы, но и активисты поисковых отрядов. Что из этого получалось? Вот пример. Этот текст взят из Зеленоградской газеты «Сорок один»: «Во время подведения итогов веб-олимпиады 2005 года случилась сенсация! Нашлось место захоронения погибшего в Великую Отечественную войну, точных данных о котором родные не имели 60 лет. Получилось это так: семейная команда Александр (сын) и Людмила Карху (мама) на своем олимпийском сайте рассказали историю родственника, погибшего по слухам где-то на Украине. Председатель жюри Александр Богданов (это обо мне), получив сайт для оценки, в поисковых системах всего за несколько минут отыскал информацию, которая гласила: «Кудряшов Павел Павлович. Призван Галичским РВК Костромской обл. Гв. сержант 20 гв. сд. Погиб в бою 26.03.1944 г. Захоронен в братской могиле возле Дома культуры г. Вознесенска Николаевской области». К российским участникам олимпиады сенсация поступила в середине ночи. Никто из причастных к этому событию до утра уже не сомкнул глаз. Все были единомышленны: только один этот результат стоил того, чтобы веб-олимпийское движение развивалось, помогая всем слоям населения приобщаться к Интернету.

Сегодня 22 мая 2018 года. Я уже было собрался отправить этот материал редактору, как вспомнил еще один случай из жизни. Дмитрий Елизаров три года был аспирантом кафедры, где я работал ассистентом. Когда мы познакомились, нам на двоих было лет 50. Он был отличный профессионал и очень спортивный парень, мы вместе проводили научные эксперименты, писали статьи и отчеты, ездили в командировки, ходили на секцию карате, играли в настольный теннис и шахматы, общались. Но мы никогда не рассказывали друг другу о наших родителях. Совсем недавно, задав Дмитрию по скайпу прямой вопрос, я узнал, что его отец воевал на штурмовиках. Я тут же ввел данные в поисковую систе-

му и - нашел ссылку на наградные документы его отца! Целых шесть наградений! Тут же отправил эти линки Дмитрию с вопросом, видел ли он эти материалы? Он ответил, что его дочка нашла их в прошлом году. Я поинтересовался, а чем его отец занимался после войны – оказалось, что работал в геологии. На вопрос о том, много ли отец рассказывал ему о войне, Дмитрий написал, что почти ничего, эту тему не любил, хотя вспоминал и рассказывал, если спрашивали. Больше не про бои, а про то, как он падал с мотоцикла или как летчики друг друга подкалывали.

Вот конкретные строчки наградного листа, которые внучка нашла в сети Интернет в 2017 году, то есть через 73 года (!) после событий, за которые ее дед был награжден Орденом Отечественной Войны II степени. За 4 дня он совершил 6 боевых вылетов на штурмовике ИЛ-2, а всего за время войны – 149. (Далее – прямо по выписке из архивных данных, со всеми оригинальными сокращениями и выделением заглавными буквами): «Елизаров, Борис Трофимович. Звание: сержант. В РККА с 1941 года, место призыва Свердловский ГВК, г. Свердловск. Место службы: 312 шап 233 шад (штурмовой авиационный полк и дивизия). Дата подвига: 23 -26 июня 1944. 23 июня 1944 года в течение дня произвел 3 боевых вылета на самолете ведущего группы, участвуя в атаках штурмовиков по автоколоннам противника на участке дорог Хильковичи- Сухари, и по переправе через реку Бася. Вел прицельный огонь по зенитным точкам и автоколоннам. 24 июня 1944 г. участвовал в группе 4-х самолетов ИЛ-2 в штурмовке по скоплению техники и живой силы противника по дороге Сухари-Хильковичи. В районе цели огнем своего пулемета вывел из строя зенитную точку противника. 25 июня 1944 года принимал участие в составе группы 4-х ИЛ-2 на самолете ведущего ст. л-та Занина в атаке автоколонн и ЗА батарей в р-не Кисельки и Акулины. По подтверждениям воздушных

стрелков и летчиков огнем своего пулемета поджег две автомашины с боеприпасами. 26 июня 1944 г. принимал участие в составе 8-ми с-тов ИЛ-2 на самолете ведущего группой в атаке ж.д. эшелонов на станции Шклов. Своим огнем из пулемета способствовал выполнению боевой задачи, подавляя огонь наземных точек. При уходе от цели сорвал попытку истребителей пр-ка ME-109 атаковать свой самолет».

Этот наградной лист - сухая хроника того, что сделал один (!) солдат за четыре дня войны. Информационный осколок драгоценной мозаики. А только на сайте rodvignaroda.ru доступны документы на 1300000 награждений! Если будете искать своих родных по фамилии, имени, отчеству и году рождения, учтите, что мальчишки той эпохи часто добавляли себе возраст, чтобы поскорее попасть на фронт. Я бы себе точно приписал год - другой.

Виктор ПУЧКОВ

В наше детство вломилась война

*Кем придумано это и чья в том вина?
В наше детство вломилась война.
Всё что помнится мне, всё что было со мной—
Всё пронизано этой войной.
Будь то звёздная ночь, будь то солнечный день—
Надо всем её страшная тень.
Нас нетрудно сломать,
Мы малы и слабы
Мы игрушки в руках у судьбы
Злой колдун потрудился над нашей судьбой.
Но за нас поднимаются люди на бой—
И бесстрашно проклятого изверга бьют
И в обиду нас не дают.*

*Как давно отнабатили эти слова!
Поседела моя голова.
И теперь об одном лишь просить я могу:
Не забудем всех тех,
у кого мы в долгу!*

Мое сознание пробудилось в начале ВОЙНЫ.

Эвакуация

Родился я в Туле, в 1938 году семнадцатого августа, за пару дней до Яблочного Спаса. И в свой черёд уйду из жизни, так же, как и все мои сверстники, мы унесём с собой живые воспоминания; после нас уже вряд ли кто-нибудь сможет рассказать о военных годах, вспомнить военно-тыловую жизнь, как она запечатлелась в детском сознании.

События, что остались в моей памяти от предвоенного времени, слишком незначительны. Да и сам момент начала войны тоже помню смутно, потому как значение факта, что началась война и что это такое – война, было за пределами моего ничтожного жизненного опыта. Всё врезавшееся в память начинается с момента, когда мы стали готовиться к эвакуации, которую не планировали заранее. Мы не были в эвакуационных списках. Нами никто не руководил, кроме отчаяния. На свой страх и риск семья бросала своё жилище и бежала из Тулы на станцию Струнино Владимирской области, где жила и работала в больнице наша двоюродная бабушка Вера Васильевна.

Как я понял много позже, нашему внезапному отъезду из Тулы предшествовали трагические события на фронте. В первой половине октября 1941 г. немцы заняли ближайшие к Туле города – Орел и Калугу, причем, танки генерал-полковника Гудериана ворвались в Орел так внезапно, что в это время там ещё ходили трамваи. От Орла до Тулы чуть более 150 км. Над нашим городом нависла смертельная опасность. Струнино казалось более укромным местом, хотя и там до фронта было не так уж далеко – 100 км на северо-восток от Москвы. Все-таки это был менее значимый для захватчиков населенный пункт в отличие от Тулы, оружейной мастерской страны, за которую предстояла жестокая битва. Как показали дальнейшие события, Тула избежала значительных разрушений по сравнению, скажем, с Минском, Смоленском или Киевом, превращенными в руины, но только потому, что была практически окружена, а единственная дорога простреливалась, и фашисты уже считали город своей добычей. По всему периметру города, на его окраинах, шли тяжелые оборонительные бои. Выведенная из строя советская техника немедленно ремонтировалась на оборонных предприятиях города и вновь

вступала в бой (хотя большая часть оборудования была вывезена). Большую роль сыграли зенитки, которые успешно использовались в борьбе не только с самолетами, но и с наземными целями. Одна из зениток стояла рядом с нашим домом на Орловском (Симферопольском) шоссе, чтобы в случае необходимости стрелять по танкам прямой наводкой.

В последние дни октября подошли свежие войска с Дальнего Востока. Очевидцы вспоминали *белые полушубки*. Совместными усилиями с участием отрядов рабочего ополчения город отстояли, танки Гудериана к Москве не прошли. Впоследствии Туле было присвоено звание города-героя.

Папу я в начале войны совершенно не помню, так как он пропадал на работе, будучи агрономом Тульского Облземотдела. В конце августа или в начале сентября получил повестку в военкомат. Как потом он сам рассказывал, идет, мол, он на сборный пункт, с котомкой, стриженный под ноль, и вдруг сталкивается лицом к лицу со своим начальником по линии Наркомзема.

- Ты это куда собрался?

- На войну.

- Ещё чего! У меня и так людей нет. Надо срочно организовать эвакуацию скота в Омскую область. Разворачивайся. Бронь обеспечу.

Так отец отправился в длительную командировку на восток, и мы его долго не видели.

Начало нашей эвакуации для меня связано с ощущением, что все мы вдруг лишились места обитания. Все вещи, всю мебель из трех комнат втиснули в четвертую, дедушкин кабинет. Особая проблема была с камерным роялем питерской фирмы Дидерикс, на котором играла мама. Пришлось позвать солдат, они открутили ножки и поставили рояль за дверь «на попа», вроде массив-

ного щита. Комнату закрыли на ключ, окно забили досками. Это сработало: мародеры однажды попытались оторвать доски, но их, видимо, кто-то спугнул.

Почти застывший кадр, как фотография: мама, закрывающая ключами входную дверь, Володя в пуховом капоре на руках у бабушки, рядом Тата. Тут же кое-какие небольшие пожитки. Дедушку в этом кадре не вижу: он, видимо, добирался до Струнина несколько позже. Следующий кадр: мы все стоим на перроне Московского вокзала в Туле. Сыплет мелкий снежок, мама говорит: – Пойду *хлопотать*. Мне это слово нравится: вроде как хлопать в ладоши, и я тут же повторяю: – Я тоже пойду *хлопотать*. Не тут-то было, велели ждать. Еще кадр: вагон с печкой посредине, без спальных мест: *теплушка*. Мы куда-то едем. Потом вижу себя сидящим в какой-то железнодорожной конторе, мамы рядом нет, видимо опять ушла *хлопотать*, а женщины развлекают меня, показывая какие-то листочки с черными силуэтами паровозов разных марок. На улице уже ровным слоем лежит первый снег. Ощущения времени нет. Сколько часов или дней мы ехали, где ночевали, понятия не имею. Но приехали, встретили нас тепло и сердечно.

Баба Вера, хозяйка квартиры, была врачом-педиатром в больнице при большом текстильном комбинате и пользовалась большим уважением в городке. Она занимала двухкомнатную квартиру на втором этаже добротного деревянного дома, сложенного из толстых бревен, с высокими потолками и большими окнами. Из мебели лучше всего помню полюбившееся мне кресло-качалку. Еще там был большой стол. И была пожилая такса со скверным характером. Помню, что баба Вера, несмотря на убогость снабжения по карточкам, каким-то образом ещё добывала молоко для Володи. Вообще баба Вера была человеком необыкновенной доброты, и это мы хорошо чувствовали. Позже, когда я учился в старших классах школы, а потом в Московском Универ-

ситете, иногда один, а иногда с мамой мы садились в электричку на Ярославском вокзале и ехали в Струнино в гости. Даже, бывало, играл в футбол с местными ребятами. Приезжал туда и Володя. Наши визиты бабу Веру очень радовали.

Хорошо помню разговоры взрослых в первое время войны на тему: сдадут ли Москву. Сходились на мнении, что даже если и сдадут, это еще ничего не значит. *«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами»* – эти слова Молотова, сказанные 22 июня 1941 года, я видел позже, когда научился читать по слогам, повсюду – не только на плакатах и просто на стенах, но даже на спичечных коробках. Каждое утро начиналось с суровой песни, такой мощной, что мурашки и до сих пор по коже: *«Пусть ярость благородная вскипает как волна...»* Тогда же, на волне всеобщего патриотизма Тата решила подвигнуть меня на то, чтобы я выучил стихотворение Лермонтова *«Бородино»*. И я – таки его выучил, несмотря на своё первоначальное сопротивление. Это было моё первое приобщение к Поэзии, если не считать, конечно, сказочек о Колобке или Курочке-рябе, которые рассказывали мне бабушки. Не знал я тогда по малости лет и скудости нашей эвакуационной библиотеки ни *«Мойдодыра»*, ни *«Айболита»* Чуковского, ни *«Кошкин дом»* Маршак, ни *«Дядю Стёпу»* Сергея Михалкова, ни детских стихов Агнии Барто, то есть никого из плеяды советских детских писателей, с которыми через два десятилетия знакомил своих детей. Не сказать, что в стихотворении Лермонтова я всё правильно понимал: например, *«построили редут»* я интерпретировал как *«построились и идут»*. Но всё равно, основное было понятно, картинка прямо-таки стояла перед глазами. Позже, когда я учился в первом классе, завуч водил меня за руку в классы постарше, чтобы я читал *«Бородино»* в порядке патриотического воспитания слушателей.

Аллочка

Лето 1943 года. Где-то западнее, но не так чтобы и далеко от нас, на территории нашей страны грохочут танковые армады, льется кровь. Идет Великая война, конца которой не видать. Но от Тулы врага уже отогнали, и мы с мамой, бабушками и дедушкой вернулись из эвакуации в родной город, в наш большой дом на южной окраине, по адресу ул. Коммунаров 90, кв.34 (теперь – пр. Ленина, 60). Назывался он тогда *Дом специалистов*, именно в нём перед войной дедушка получил квартиру. На противоположной стороне улицы – высокая кирпичная башня водокачки, которой давно уже нет и в помине, стадион с велотреком и тюрьма. Налево по улице – многоэтажные дома вперемешку с частным сектором. Через один дом слева – частично разрушенное здание, в крыло которого попала бомба; направо бараки, окраинные пустыри с бурьянами выше нашего роста. Трудно осознать, что всего лишь в полутора километрах от нашего дома проходила линия фронта, на которой зимой 1941 года было остановлено наступление немцев.

Жара, сушь, пыль. Мы сидим на лавочке под окнами своей квартиры на первом этаже и скучаем. Мы – это я пятилетний и мой брат Володя, которому уже два года с хвостиком. Лениво наблюдаем за тем, что происходит на улице. А там ничего не происходит. Вдруг краем глаза замечаю, что справа по дороге приближается тяжело груженный скрипучий воз, который медленно тянет пара серых большерогих *зверей*, похожих на коров, но точно не коровы. Впереди и немного сбоку, идет невысокая с непокрытой головой женщина, дочерна загорелая, босая, с прутиком в руке. Чуть поодаль – босоногий мальчик, примерно моего возраста, и девочка, немного старше меня. На возу сидит страшного вида старуха. Кто это? На цыган не похожи. Их мы уже видели: они, цветастые и

нахальные, кочуют большой толпой. Что ж это такое: *экипаж* явно правит в нашу сторону... Вдруг за спиной хлопает дверь подъезда, мы слышим мамин крик:

– Аллочка!!!

Она пролетает мимо нас, и к нашему негодованию или смущению обнимает и целует остановившуюся женщину, а та называет маму *Галочкой!*

Так в наш *Теремок*, что ни низок ни высок, прибыло пополнение из четырех человек, нашей тети Аллы и её детей, Валерия и Янны, а также Аллочкиной свекрови, которая очень болела и вскоре умерла; она мне помнится на кровати лицом к стене дрожащая от лихорадки.

Это было еще не всё. В том же году приехала младшая сестра мамы, Валентина Николаевна (домашнее имя Ляля), с недавно родившейся дочкой Ларисой. До этого она целый год работала хирургом в госпитале осажденного Ленинграда, вышла там замуж за однокашника по Институту, затем, уже беременная, была эвакуирована в Татарию, а теперь, в 1943 году, переехала в Тулу.

Чудесное явление пред нами Аллочки требует пояснений. До войны они с мужем, Федором Васильевичем жили на Украине, в г. Решетилвка Полтавской области, он работал главным агрономом МТС, она – учителем биологии в школе. Там у них родились дети, Янна и Валерий. Смутно помню, что Федор Васильевич однажды до войны навестил нас в Туле и я сидел у него на коленях. После начала войны вся их семья, вероятно, вместе с МТС, была эвакуирована в район Сталинграда. Вскоре Ф.В. был мобилизован и направлен на учебу в Астраханское пехотное училище, а с июля 1942 года находился в действующей армии. С 24.11.1942, в разгар Сталинградской битвы он официально считался пропавшим без вести. Что это значило для семьи, хорошо известно: ни пенсии, ни пособий от государства не полагалось, а если и были они в каких-то случаях, то

очень незначительные, но даже и этой малости Аллочка не получила.

Мне удалось найти в Интернете только один документ, долго бывший под грифом *секретно*, касающийся судьбы Ф.В., адресованный из Штаба дивизии № 246 СД Начальнику Управления по учету погибших и пропавших без вести. С трудом, в силу искажений при сканировании, удалось разобрать следующее:

«Сообщаю, что опросом старых военнослужащих дивизии установлено, что Кулицкий Федор Васильевич 24 ноября 1942 года пропал без вести в районе ЯШКУЛЬ (Калм. АССР) во время сильной танковой контратаки немцев. Списка по форме 2/... П не имеется, так как социографических данных на красноармейца КУЛИЦКОГО Ф.В. не осталось в силу того что все документы по учету личного состава до 31.01.43 г сожжены на поле боя в районе Хемечка Ростовской области в виду того, что сложилась неблагоприятная военная обстановка.

Начальник штаба 246 стрелковой Одесской Краснознаменной дивизии полковник (подпись неразб.)».

После поражения фашистов под Сталинградом и их отступления, Аллочка оставшись одна с двумя детьми на руках и со свекровью, страдавшей от жестоких приступов малярии, скорее всего приобретенной в Поволжье, задумалась о том, чтобы воссоединиться с Семьей в Туле. Но где, спрашивается, Сталинград, а где Тула? Однако для русских женщин нет препятствий, тем более что и мир не без добрых людей.

Помог Аллочке Директор МТС, давший подводу и двух лошадей, и она двинулась в путь. Скоро стало ясно, что управляться с лошадьми ей, горожанке, сложно. Хорошо, в пути ей предложили обменять лошадей на волов. Эти неприхотливые, медлительные, более легко управляемые животные, хорошо понимавшие команды

цоб – налево, *цобе* – направо, довели-таки семью и скарб до нашего дома. *Одиссея* благополучно завершилась у нашего порога.

Приезд Аллочки имел несколько важных следствий для нашей дальнейшей жизни.

Во-первых, в нашем детском полку прибыло.

Во-вторых, Аллочка, занявшись своим трудоустройством, получила предложение занять вакантное место преподавателя биологии в Яснополянской средней школе, на родине Льва Николаевича Толстого, что была чуть дальше десяти километров от Тулы. Сама школа, основанная писателем и перестроенная в 1928 году его дочерью, была сожжена немцами при отступлении. Они пытались сжечь и дом-музей, но костер, разведенный в одной из комнат, удалось затушить (видимо, в связи со срочным драпом, бензин оказался в дефиците). Вообще слов нехватает, чтобы описать те безобразия, которые творили в доме и усадьбе представители этой *культурной* нации. После разгрома немцев школа временно помещалась в наиболее просторном здании в пределах деревни Ясная Поляна; по прошествии времени толстовскую школу восстановили.

В третьих – для всей семьи вдруг забрезжил летний *плацдарм* за городом. С жильем была поначалу проблема. Было запланировано строительство коттеджей для учителей, и когда строительство закончилось, семье Аллочки дали две комнаты в добротном коттедже в шаговой доступности от школы. Однако вначале ей выделили *омшаник*, утепленное помещение для зимовки пчёл, которых после оккупантов, естественно, там не было; всё хозяйство усадьбы было порушено. Омшаник оказался полуземлянкой с двумя комнатами. В одной из них сложили печку. Во всяком случае, летом жить там очень даже было можно. Бабушка Анна Евгеньевна этим воспользовалась и туда переехала, а на следующее лето

и нас с Володей взяла с собой. Как мы там все умещались, сейчас трудно себе представить. Вероятно, дополнительно снимали какое-то жильё в деревне рядом со школой. В тесноте, да не в обиде...

В дальнейшем возникла идея строить дачу. Стараниями отца, главного агронома области, удалось получить небольшой земельный надел рядом с Симферопольским шоссе, километрах в полутора от ворот толстовского имения, где знаменитые белые *башенки* ворот при въезде были видны тогда, как на ладони. Просить что-то для себя отец страшно не любил, но тут на него *наехали* домашние. Бабушка переехала туда, на эти 8 или 10 соток, и первое время героически жила в импровизированном шалаше из досок и брезента. Потом построили землянку, народ умело строил землянки, сказывался военный опыт. Потом всей семьёй сразу после войны стали строить домик. Я постоянно крутился около столяров и плотников. Кой-чему научился. Посадили сад. Саженцы, как и стройматериалы, были, конечно, в дефиците, но трое в семье имели агрономическое образование, были и связи (как тогда говорили, *блат*), и эту проблему тоже решили. Дедушка осуществил свою давнюю мечту: уйдя на пенсию, завёл пчёл.

Четвёртое важное следствие Аллочкиного приезда – корова. В первый же день по приезде возник вопрос: что делать с волами? Состоялся семейный совет, на котором я присутствовал. Отчетливо, почти физически, ощущаю тяжелый дым махры, как говорится, хоть топор вешай! Курили все, понятно, кроме детей. Помню даже маму, с *козьею ножкой*. Позже, в своё время была эпопея с бросанием курения, но это особая песня. Бабушка, покуривая *самокрутку*, держала речь. Она сказала, что дети – наше будущее, и надо приложить все силы, чтобы они росли здоровыми. Надо ребятишек вывозить на лето за город, на свежий воздух, а также, продав волов, *купить корову*.

Насчет свежего воздуха. В год приезда нашей семьёй был снят сарай у лесника на Щегловской Засеке под Тулой, где мы впервые познакомились с настоящим лесом, ходили по грибы и слушали тьяканье лис, которых тогда развелось великое множество. Несмотря на сугубо мирный пейзаж, дыхание войны долетело и сюда. Приехали военные машины, и рядом, в березовой роще, застучали топоры, зазвенели пилы, и был построен учебный лагерь для медсестер–санинструкторов. Потом эти молодые девушки в военном обмундировании на поляне перед домом лесника прощались с теми, кто оставался, грузились в открытые машины, чтобы ехать на фронт. Обнимались, некоторые плакали, хотя в целом настроение было бодрое, боевое. Пели песни. У меня по малости лет осталось впечатление, что всё это *понарошку*, не было еще настоящего понятия о смерти. Многие ли из них, молодых и красивых, вернулись домой?..

Теперь – о корове. На семейном совете решили, что поскольку за двух волов хорошую дойную корову не купить, пусть взрослые, кроме Аллочки, вложатся в покупку. Белую корову с коричневыми пятнами по прозвищу Танька, сначала поселили во дворе нашего городского дома, в бревенчатом сарае. Там же обитала и молоденькая лохматая чёрная с подпалинами дворняжка-приёмьш Жучка, которая преданно служила нам лет десять до самого конца её жизни. В дальнейшем корова на лето переехала в Ясную Поляну, и скорее всего, была в стаде. Дважды приносила потомство – сначала телочку, потом бычка. Телочку прозвали Таманькой в связи с успехами наших войск на Таманском полуострове в 1944 году.

Не надо объяснять, каким благом, особенно для детей, было в голодные военные и первый послевоенный год своё подсобное хозяйство, и прежде всего корова, при том что даже мне было видно, с какими невероятными трудностями было связано её содержание. Брали

и поросенка на откорм, летом закололи. Чтобы не так было жалко резать, дали ему кличку Гитлер. Это был пир! Делали кровяную колбасу, заготовили окорока. Ничего не пропало. До сих пор помню вкус украинской колбасы с чесночком, которую сделали наши взрослые, недаром в семье были украинские корни. Позже, когда Аллочка переселилась в учительский коттедж, она завела на чердаке кроликов – для неё и её ребятишек это тоже была небольшая поддержка. Кормили кроликов в основном травой, которую рвали неподалеку от дома. Выживали как могли.

Омшаник и около

Тем временем, приехав летом в Ясную Поляну, и определив в качестве центра мира наш омшаник, мы потихоньку начали знакомиться с окрестностями и осваивать территорию. А территория была довольно-таки опасная, война прошла по ней катком. Тут и там остались воронки от снарядов, полузатопленные, полузасыпанные блиндажи, окопы, траншеи. Обрастали-зарастали буйным бурьяном полуразрушенные землянки и не дивом было увидеть хвост уползающей в эти заросли змеи. Кой-какая обувь у нас, кажется, была, но мы предпочитали бегать босиком, и наши подошвы загрубели и почти потеряли чувствительность. Однако лазали мы, где попало, и я пару раз наступал на неприметную в траве колючую проволоку. Прокол начинал нарывать, вызывая сильнейшую боль, не давая спать по ночам. Я мужественно держался, но было ужасно обидно, что нельзя гулять – разве только с костылём. Помнится, однажды Ляля, видя, как мне плохо, наточила половинку от маникюрных ножничек, дезинфицировала и вскрыла нарыв. Потек гной и боль мгновенно утихла.

А ещё как-то Ляля взялась мне помочь избавиться от расшатанного молочного зуба, сказала что его надо вырвать, и повела меня за руку в военный госпиталь.

Вот где я натерпелся позора! Клетушка зубного врача находилась в углу большой палаты, кроватей на 50, на которых сидели, лежали, спали раненые – все в бинтах, у кого рука, у кого нога, у кого голова. И вот я захожу к врачу, в тревожном ожидании: сейчас будут *вырывать зуб*. Врач попросила меня открыть рот, о чем-то поостроннем со мной заговорила – и вдруг я понимаю, что зуб-то тю-тю! Уже звякнул о край чашки. Я и боли никакой не почувствовал, но почему-то возникло ощущение, что меня обманули. Обвели вокруг пальца! И я заревел. Слезы покатились градом. Возвращался я через палату в коридор под насмешливые комментарии раненых. И кому объяснишь, что плачу не от боли, а от обиды.

В своих экспедициях в окрестностях Ясной Поляны находили мы остатки обмундирования, пробитые немецкие каски, гильзы от снарядов и ружейных патронов, Попадалось и покореженное оружие, а однажды нашли винтовку с исправно работающим затвором и забитым землей стволом, но без приклада. Правда, стоило только похвастаться этим сокровищем перед взрослыми, как его у нас тут же отобрали, невзирая на наши протесты. Хорошо ещё, что на глаза нам не попадались неразорвавшиеся мины и снаряды, хотя в руках других мальчишек мы видели и это. Бог нас берёт, да и взрослые постоянно предупреждали об опасности. Несчастные случаи были не только на слуху: двоюродный братец Володя (сын Егора Ивановича), живший на папиной родине, пострадал-таки от взрыва снаряда, с которым ребятня производила неосторожные манипуляции: осколком вырвало кусок мяса между большим и указательным пальцем. Еще очень дешево отделался. Его товарищ по несчастью погиб.

Понемножку мы начали выходить со взрослыми на более дальние прогулки, которые в последующие годы

стали традиционными и всё более протяжёнными. Основной целью были живописные рощи толстовской усадьбы, а за ней – речка Воронка, в которой мы купались. Позже ходили купаться и на пруд возле железнодорожной станции «Ясная Поляна». Попутно собирали грибы – подосиновики, подберёзовики, маслята, сыроежки. В большом количестве попадались свинушки, которые в то время считались вполне съедобными. Это позже их объявили опасными, в связи с ухудшением экологии и способностью свинушек накапливать ядовитые вещества.

Были и другие разновидности «подножного» корма: весной варили зеленые щи из молодой крапивы и щавеля. Пытались использовать в пищу *кабардашки* – теперь и слово-то такое забыто: это картофельные клубни коричневого цвета – перемерзшие, высохшие, пролежавшие всю зиму в земле. Гадость отменная, но и их собирать опасались, памятуя пресловутый «закон о пяти колосках». Несмотря на самоотверженные усилия взрослых нас накормить, есть нам хотелось постоянно. Помнится, ели походя молодые стебли сурепки и еще какие-то травки. Наши старшие, пользуясь биологическим образованием, предупреждали нас о существовании ядовитых растений, показывая белену, ландыш, волчью ягоду, вороний глаз и пр.

В дальнейшем, когда мы летом жили в домике бабушки, мы с Валерием и Володей не забыли нашу страсть к собиранию грибов, усовершенствовав *технику сбора*. Мы ходили в ближайший лесок, как на свою ферму и соревновались, кто найдет больше маленьких грибов. Мы их маскировали травой от чужих глаз и запоминали, какой где и чей. Периодически возвращаясь к ним с корзинкой, решали, подрос ли гриб достаточно, чтобы его можно было срезать. Грибы на кухне никогда не были лишними, если было много, то сушили их на зиму. Знали места, где можно было набрать малины и лесной

земляники. С земляникой, правда, возник казус: каждый раз её сбор сопровождался у меня болью в правом боку, першением в горле, головокружением. Связать это с земляникой я не догадывался, пожаловаться взрослым стеснялся. а понять, что это банальная аллергия, уж и подавно было невдомёк. Я и слова-то такого не слышал.

Военные зимы

Зимой были свои проблемы. Центральное отопление не работало, нужно было заказывать буржуйки и покупать дрова – морозы были не чета нынешним. В квартире были еще и кирпичные печи, одна на кухне, другую сложили в одной из комнат. Дрова пилили на чурки тут же, в коридоре, двуручной пилой на импровизированных козлах, и это был труд каждодневный. Дети, по мере подрастания и прибавления силенок, в нём участвовали. Пищу готовили на примусах, и мне очень нравилось однотонное жужжание примуса и тепло, от него исходящее; я приходил на кухню и задрёмывал возле него. Взрослые удивлялись этому моему пристрастию. В дальнейшем, в мои экспедиционные годы, я сравнивал очарование этого огонька с завораживающим действием догорающего ночного костра.

За хлебом приходилось стоять с утра в больших очередях. Нередко стояние в очереди выпадало на мою долю. Помню манящий, восхитительно пахнущий довесочек, который продавец клал сверху на буханку: а вот разрешалось ли мне съесть его или надо было донести до дому, ей-богу не помню!

Помнится, что все окна были заклеены крест-накрест полосками газетной бумаги, чтобы стекла не полопались от ударной волны в случае бомбежки. Во дворе под нашими окнами было бомбоубежище – траншея с крышей. Несколько раз нам приходилось туда уходить, но в конце концов, угроза бомбежек как-то сошла на нет.

Но была ещё светомаскировка: должны были быть плотные шторы обычно из одеял, и специально назначенные люди обходили квартал и в случае чего стучали в окно и требовали закрыть щели, если сквозь них пробивался свет.

За ужином собиралась вся семья. Разносолов в войну, конечно, не было. Помню типичный супчик: вода, луковица и несколько сосисок, разрезанных на маленькие кусочки по счету на всех. Вторых блюд не помню, но были, конечно, картошка и каши. Картошку высаживали на участках, специально отведенных для работников организаций. Изредка, ближе к концу войны, по карточкам перепадало что-то из *лендлиза*: консервы, яичный порошок. А о существовании котлет я узнал только году в пятидесятом.

Под конец ужина на столе всегда появлялся самовар, разожжённый на углях с помощью сапога. Был и сахар, хотя и в мизерном количестве, кусковой, из *сахарной головы*. Его кололи на меньшие кусочки с помощью специальных щипчиков и пили чай *вприкуску*. А то и *вприглядку*. Вероятно, в чай понемногу добавлялось молоко. В отличие от ужина, завтраки и обеды детей определенно сдабривались некоторым количеством молока или творога, за исключением периодов, когда корова телилась. К концу войны она стала яловой, бесплодной, молока было мало, и её продали. Деньги частично пошли на стройматериалы. Но благодарность нашей кормилице и тёплая память о ней остались.

Разговоры за столом крутились, конечно, вокруг событий на фронте. Громкоговоритель, черная тарелка на стене, редко выключался. Но сообщения «От Советского Информбюро», провозглашавшиеся уникальным голосом Левитана, все слушали с огромным вниманием. На стене в дедушкином кабинете висела карта СССР, по которой взрослые следили за событиями, и я первым де-

лом выучил, где находится Москва – та самая, о которой писал Лермонтов и говорил Левитан в начале каждого из его сообщений: *–Го-во-рит Мос-ква!*

Нередко к нашей вечерней трапезе присоединялись какие-нибудь гости. Это могли быть и военные, приглашенные чуть ли не с улицы, знакомые знакомых: всегда было интересно послушать о военных событиях из первых уст. Приезжали папины родственники из деревни: наш дедушка по отцу Иван или бабушка Евдокия (баба Дуня). Дед выглядел *сурьёзно*, носил бороду, служил железнодорожным рабочим на станции Узловая, был глубоко верующим. По этому поводу за столом не раз возникала дискуссия с неизбежным подкалыванием по поводу непорочного зачатия (это запомнилось, хотя я и не понимал, в чем суть) и других «несуразностей»: почти все были атеистами. Бабушка Анна Евгеньевна была воспитана в вере, и когда тяжело умирал её отец, она истово молила Бога о его выздоровлении. Отец умер, и она сказала:

– Всё. Бога для меня нет.

Для нас, младшего поколения, атеизм был данностью. Позднее, по мере накопления информации о мире, в том числе и в рамках полученных мною геологических знаний, и в частности, в связи с присущей геологии философией эволюционизма, моё мировоззрение всё в большей степени расходилось с библейской картиной. И сейчас я согласен с С.П. Капицей: *«Религия считает, что Бог создал человека. Я считаю, что человек создал Бога».*

Баба Дуня, конечно, тоже была верующей. И глядя нас по головкам, сожалела:

- Пропавшие вы души. Некрещеные.

Конечно, трудно себе представить, чтобы родители согласились на обряд крещения. Для отца это точно грозило бы исключением из партии, да и противоречило это его убеждениям.

Другой темой для споров была внутренняя политика. Хорошо помню неоднократно повторявшееся осуждение сталинского (ежовского) террора со стороны Анны Евгеньевны. Естественно, за стены квартиры это не выносилось. Для бабушки огромным стрессом были аресты соседей в Доме специалистов, в котором жила семья, в 1937 году. Аресты производились ночью, и люди поневоле прислушивались к звукам подъезжавшей машины: не к нам ли? Но бог миловал. А вот одного из близких друзей семьи, Мамонтова, арестовали и осудили. Он, его жена и две дочки прожили в Ухте до послесталинской реабилитации. Уехали потом в г. Скопин, но нас периодически навещали, вспоминая при встрече молодость и прошедшие годы.

В Ухте я бывал многократно, когда начал работать. Жил я тогда в недалеком от тех мест Сыктывкаре, и мама называла моё житьё там ссылкой. Я, правда, с этим не был согласен: дело-то было добровольное, окончив МГУ с красным дипломом, мог выбирать, и сознательно поехал на работу в академическое учреждение. И, в общем, не прогадал. Много позже я писал о Сыктывкаре:

За полвека следы замело.

Я приехал, чтоб вновь подивиться:

Раньше было большое село.

Нынче маленькая, но столица.

У бабушки отношение к Сталину было очень личным, оно потеплело только после победы над фашистами. Отец же, как коммунист, говорил обычно: *лес рубят – щепки летят*. Сам же он рассказывал, как в его ведомстве в 30-х годах некоторые из его сослуживцев были объявлены вредителями и врагами народа за непрофессиональные действия, приведшие к снижению урожаев и потерям при уборке. Папу привлекали к разбирательствам, требовали дать обвинительные по-

казания, называли подкулачником и угрожали самого посадить, но он твердил своё: – *Может быть, дураки, но не враги.*

Некоторые сдались, и дали требуемые показания. А через некоторое время осужденных выпустили из тюрьмы и восстановили на работе, и те, кто на них клеветал, чувствовали себя, мягко говоря, неудобно.

Порядки в то время, надо сказать, были жесткие, если не сказать жестокие. Дедушке, который работал заведующим химлабораторией на Тульской нефтебазе, приходилось ездить на работу в другой конец города на трамвае. И вот однажды трамвайное движение остановилось, и дедушка опоздал на 40 минут. Помню, какая паника поднялась дома! Наказывали и за 5 минут опоздания, а тут 40! Вполне могли посадить. Но, в конечном счете, удалось относительно легко отделаться.

Возвратимся к нашим гостям. Однажды, после госпиталя, у нас появился младший брат отца, Егор Иванович. Ему пришлось представиться, так как он был незнакомым. Опалённое лицо его было подобно застывшей маске: он горел в танке. Рассказывал, что после того как танк был подбит и загорелся, он и водитель выбрались наружу, и Егор спросил, назвав имя: – *Где стрелок?* Водитель вместо ответа показал на свой рукав, а на нём мозги. Егору еще повезло: осколок, метивший в живот, прорезал два слоя толстой кожи солдатского ремня, но до тела не добрался. В дальнейшем он уже не возвратился в действующую армию, а был направлен в конвойные войска. Демобилизовавшись, вернулся в своё село и ему предложили стать директором колхоза. Помню подслушанный невзначай обрывок разговора под водочку между Егором и отцом по поводу этого предложения. Егор сказал что-то вроде того, что он теперь научился командовать, и должность директора будет ему по плечу. Отец отвечал: командовать людь-

ми ты научился. Научись теперь их уважать. Иначе ничего у тебя не получится. Директором-то он стал, но в дальнейшем, кажется, сильно помешал алкоголь – бич послевоенной деревни.

У папы был ещё брат Михаил, погибший в войну, я об этом слышал от бабы Дуни. Но каких-то рассказов о нём я не помню. Прокрутить бы время назад: сколько вопросов я бы задал!

У отца в деревне Селезнёво Плавского района Тульской области были ещё и сёстры – Нюша и Анна. Я встретился с ними вскоре после войны, когда отец взял меня однажды с собой, в командировку. Ночевал я тогда – впервые – на русской печке. Познакомился с дворовой собакой у которой была забавная кличка Кабыздох. В тот приезд был я дома и у Бабы Дуни. Дом был каменный, но с низкими окнами, земляным полом и соломенной крышей (как и у соседних домов). По полу бегали цыплята, и помню, что бабушка жаловалась на налоги: от каждого хозяйства требовалось сдать столько-то кур, столько-то масла, и т. п.

То, что папа родился в деревне, повлияло на выбор профессии: он хотел быть агрономом и упорно шёл к этому. После школы поступил в Богородицкий сельхозтехникум, основанный ещё в конце XIX века и славившийся хорошим уровнем преподавания. В дальнейшем работал в разных сельхозучреждениях и к 1934 году стал агрономом Плавского райземотдела.

Помню рассказ отца о том, как он перебрался из Плавска в Тулу. Встретились как-то, ещё до войны, Начальник Плавского райземотдела и Начальник Тульского облземотдела и начали ругать своих помощников – агрономов (типа «надо увольнять»). И до того договорились, что решили обменяться (мой отец был молчалив, слов на ветер не бросал, а его «визави» наоборот, громогласен, щедр на лозунги и обещания). Обмен состоялся к всеобщему удовольствию.

Ещё надо добавить, что работая в Туле, отец заочно поступил в Тимирязевскую сельхозакадемию и проучился там 4 года, и тут случилась война. После войны времени на учебу у него уже не было.

Частым гостем на наших вечерах был дядя Миша – Михаил Владимирович Баженов, наш сосед по дому и всеобщий любимец. Ему в это время исполнилось лет тридцать, он был женат. С его женой, тетей Валей, инженером Оружейного завода взрослые общались меньше, но сохраняли неизменно дружеские отношения. Было у них двое сыновей, старший Шура и младший Саша, наши сверстники и приятели по детским играм. Играли, конечно, преимущественно в войну, и дядя Миша исподволь организовывал и толковал войсковые действия оловянных солдатиков, повторяя в разговорах со взрослыми: – *С детьми надо играть!*

Дядя Миша был младшим в большой и успешной семье врача. У него было две сестры. Одна из сестёр была замужем за профессором-физиком МГУ Б.И. Спасским, их сын – мой ровесник, студент физфака. С ними я был немного знаком, бывал у них дома. Другая сестра была женой министра, крупного руководителя промышленности. Из двух братьев помню Александра Владимировича, заслуженного работника культуры, художника-карикатуриста журнала «Крокодил». Папа как-то ночевал у него дома. Тогда переночевать у знакомых не считалось чем-то особенным, с гостиницами было плохо.

У дяди Миши было слабое здоровье, диагноз «сахарный диабет» звучал в то время как приговор, и его отец-медик прямо говорил: – *Мишка не жилец.* Но это был человек, лучившийся оптимизмом и юмором. В печальном настроении я видел его лишь один раз, незадолго до смерти, когда ему было 54 года. Видимо,

врачи не смогли его ничем обнадежить. К диабету добавился рак, и он говорил, что выживает только за счет того, что болезни внутри него дерутся между собой. Где Дядя Миша работал, я не помню. Он получил высшее образование, многое знал и умел. Из того, что осталось, как память о нём – многочисленные иллюстрации к двухтомнику «История физики» Б. И. Спасского, вычерченные им тушью, с помощью рейсфедера, ныне забытым уже способом.

Несмотря на проблемы со здоровьем, Дядя Миша весной 1941 года был призван в армию. Видимо резервы были практически исчерпаны. Новобранцы шли на фронт пешей строевой колонной. Пока дошли, война кончилась.

Дядя Миша часто бывал у родни в Москве и неизменно привозил свежие анекдоты и новости, при этом чувство юмора делало его душой компании. К тому он же играл на рояле и с воодушевлением музицировал. Нередко к нему присоединялась мама, которая единственная в семье знала нотную грамоту. Она и меня пыталась приохотить к фортепиано, но я, видимо, был слишком ленив и предпочитал, чтобы мама показывала мне аппликатуру, расстановку пальцев на клавишах, и потом играл, руководствуясь слухом, но ясное дело, этот путь вел в никуда. Правда, к музыке она меня все же приохотила и впоследствии даже записала в хор при Дворце Пионеров, и основы музыкальной грамоты преподавала, так что я пою до сих пор, – и аккомпанируя себе на гитаре, и «*a capella*». В Интернете помещена без малого сотня песен, сочиненных мною на свои слова и на стихи других авторов. За год на сайте music.lib.ru/ мои песни скачивают более 1000 человек.

Помню, как собирались мы вокруг рояля и под мамин аккомпанемент пели военные и довоенные песни,

в том числе *В далёкий край товарищ улетает...*, *Потому, потому что мы пилоты...*, *пели Катюшу...*, *Смуглянку-молдаванку...* Пели также на украинском языке *Дивлюсь я на нэбо...*, *Ридна маты моя...*, *Ой дивчыно, шумыть гай...* Сказывалось, что семья по материнской линии долго жила на Украине, и украинские корни давали о себе знать.

На Украине (Крым не в счет) мне удалось побывать только в 2014 году, аккуратно перед Майданом. Знакомство с Киевом, хотя и радостное, и приятное, вскоре обернулось горечью и недоумением:

*Здесь жили прадед мой и дед.
И я давал себе обет:
В мечте о вечном и высоком
Прийти к корням, припасть к истокам.
Пришел. Припал.
И вот со дна
Всплыла кровавая луна.*

Ну и что мне добавить к этому, если я на четверть украинец, точнее сказать, малоросс, как звал себя мой прадед?

Для меня дико звучит стремление теперешних украинских властей исключить русский язык из государственного обращения и преподавания. Мы-то всегда относились к украинскому языку с симпатией. У нас, детей, даже была неизвестным образом попавшая к нам и передававшаяся друг другу довольно толстая книжка под названием «*Ялынка*», т.е. «*Ёлочка*» – собрание рождественских и просто развлекательных стишков и рассказов к Новому Году. И я даже выучил, до сих пор помню и могу рассказать на украинском языке незатейливый стишок Леси Украинки о козлике, который спасал козочку, бежавшую в прорубь топиться. В моём переводе на русский язык получилось так:

*К речке козочка бежала
Ледком, ледком.
А за ней козел –
Следком, следком.
Она – к проруби, топиться.
Он: Не надо торопиться!
Лучше ты при свете дня
Полюбуйся на меня!*

К слову, с особой благодарностью, обращённой к нашим старшим, вспоминаю первые новогодние ёлки. Как известно, с конца 1920-х годов в России рождественская ёлка оказалась под запретом как антисоветский обычай. Лет за пять до войны правительство разрешило вернуться к празднованию ёлки, сделав её не рождественской, а новогодней.

Поставить ёлку дома – не было такой уж большой проблемой. А вот как её украсить? Игрушек-то нет. Однако под рукой оказалась книжка, где было описано, как самому сделать игрушки. Взрослые и дети объединились, потрудились и украсили ёлку самодельными гирляндами, флажками, изображениями зверей и птиц. Помнится, что как в лучших старых традициях, были повешены на ветвях за ниточки какие-то конфетки. Водили хороводы, пели, читали стишки. Создавалось ощущение, что жизнь налаживается!

Впрочем, не раз мы слышали от взрослых, особенно посторонних бабусек, о том, как тяжела жизнь и как не повезло нам, маленьким, что случилась война. Но, положив руку на сердце, мы о том не тужили и другой жизни не знали, при всей её скудости, умудрялись находить в ней светлые стороны.

Тем временем, военные дни катились, что-то исподволь менялось, в воздухе повеяло свежестью. Оптимизма прибавилось. Оживилась работа тульских оборонных

предприятий. Теперь, что ни вечер, нам не давала уснуть громкая канонада, сотрясавшая землю. Нас успокаивали, что это не вражеский обстрел, а испытание новой техники на полигоне, расположенном неподалёку. Всё более торжественными становились сводки Совинформбюро о взятии городов, и эти сообщения сопровождалось приказом Главнокомандующего о проведении артиллерийского салюта: первый такой салют состоялся в Москве 5 августа 1943 года в связи с освобождением Орла и Белгорода. А потом салюты объявлялись всё чаще, а освобождённые города находились всё дальше и дальше от нас.

На улицах то и дело можно было видеть колонны военной техники, замаскированной брезентом, и подконвойных пленных в шинелях мышастого цвета. Их уже задействовали в восстановительных работах. Иногда мы наблюдали, как подъезжает полевая кухня, и пленным раздают пищу черпаком в их котелки прямо на обочине дороги.

В общем, как веревочке ни виться... Наступило наконец-то самое великое весеннее утро 9 мая, ярко светило солнце, было тепло и окно нашей квартиры, уже чистое, без обязательных бумажных полосок, было открыто настежь. У подоконника сидит папа, подбородок его намылен, перед ним бритвенный прибор, и он говорит мне простые и такие замечательные слова: **Война закончилась! Победа!**

Севастополь.
Женщины. Война. Любовь
(отрывок из повести)

В отчаянных боях последних июньских дней на передовой сражались все – все, кто только был способен держать в руках оружие. Боеприпасы - снаряды и мины закончились, солдаты и матросы отбивались винтовками и гранатами. Защитники Севастополя уже потеряли счет времени и атакам врага.

30 июня 1942 года пал Малахов курган.

У Херсонесского мыса, на берегу, к морю оказались прижаты тысячи бойцов и командиров, без боеприпасов, без продовольствия, без воды и медикаментов. Они держались с невероятным, непостижимым мужеством еще несколько дней и ночей, пока не закончились самые последние силы, и не исчезла надежда на эвакуацию.

В первых числах июля 1942 года прекратилась организованная оборона Севастополя.

Они сделали все, что могли.

И больше того.

Они сделали то, что было выше человеческих сил.

На земле Севастополя не осталось ни одного живого места.

Начиналось время ужаса – фашисты оккупировали Севастополь.

Началось утро...

Каждое утро начиналось в ожидании смерти...

Для Севастополя начались черные дни.

Почти два года длилась оккупация Севастополя гитлеровскими захватчиками.

Фашисты установили в Севастополе "новый поря-

док”, главной «гордостью» которого были лагеря военнопленных, массовые облавы, всеобщая трудовая повинность, насильственная отправка на принудительные работы в Германию.

Фашисты расстреливали людей тысячами – женщин, детей, стариков.

Тысячами увозили людей на рабские работы в Германию: 36000 человек было угнано из Севастополя в рабство только страшным летом 1943 года.

Советских военнопленных подвергали чудовищным пыткам: морили голодом, забивали до смерти шомполами, живыми закапывали в землю.

В лагерях регулярно расстреливали военнопленных.

Более тысячи раненых советских воинов гитлеровцы погрузили на баржу, отвели ее от берега и подожгли – все находившиеся на барже заживо сгорели.

Это зверство повторялось не один раз.

За почти два года оккупации Севастополя фашистами было расстреляно, утоплено в море и сожжено больше 27000 человек, и 45000 человек угнано в рабство.

Но даже захваченный врагом, но не покоренный Севастополь продолжал сражаться.

В начале 1943 года в городе начали подпольную деятельность 17 патриотических групп. К осени они объединились в Коммунистическую подпольную организацию в тылу немцев. Руководил организацией Василий Ревякин. В доме, в котором он жил, находилась типография и штаб подпольной организации.

В типографии участники подполья печатали листовки и газету «За Родину». В июне 1943 года вышел первый выпуск газеты, а в общем, за время борьбы, подпольщикам удалось выпустить 36 номеров листовок и 25 номеров газеты. На страницах газеты и в листовках общались новости с фронта, рассказывалось о зверствах гитлеровцев, совершавшихся ими в городе, поддерживалась твердость духа горожан. Подпольщики проводи-

ли диверсии в морском порту, на складах, на железной дороге, организовывали побеги из лагерей военнопленных, собирали разведданные, устанавливали связи с партизанами Крыма и командованием Красной Армии.

Подпольщиками становились женщины, старики, дети, часто - целые семьи. Маша и Ангелина тоже работали в подполье - лечили, помогали распространять листовки.

В марте 1944 года севастопольское подполье было разгромлено. Более 60 участников подполья было арестовано. Подпольщиков пытали в течение месяца, а затем, меньше, чем за три недели до освобождения Севастополя советскими войсками, подпольщиков расстреляли в Юхариной балке.

Своих товарищей, оставшихся на свободе, никто не выдал.

Ветреным апрельским днем 1944 года Маша и Ангелина сидели на холме и смотрели на море.

Что они хотели увидеть?

Что страстно надеялись рассмотреть в уходящем за горизонт бескрайнем море?

- Шла война. Это началось в сентябре. Весь этот ужас начался в сентябре, - вдруг начала рассказывать Ангелина. До этого дня она почти не рассказывала о себе, да и не до того было.

- В июне, - робко поправила Маша, ей было неловко это делать - казалось, что Ангелина от окружающего их кошмара начала путать время.

- Нет, это на этот раз ужас начался в июне. А тогда - в сентябре. - Ангелина замолчала, а Маша не решилась ей что-то возразить: она видела, что подружке каждое слово давалось с трудом.

- Да, в сентябре. Англичане, французы и турки пришли на наш берег, на нашу землю в Крым. Несколько

ко стран объединились и выступили против нас. Соединенный флот Франции и Англии – большой флот, 89 военных кораблей и 300 транспортов подошел к Евпатории. Шесть дней вражеские войска высаживались на берег! Люди и оружие непрерывным потоком лились на нашу землю – только бойцов было 62 000 человек и 134 полевых орудия.

Наших солдат было вдвое меньше, чем у неприятеля, втрое меньше артиллерии и мало ружей. Но наши войска дрались на смерть – но это не помогло.

Тогда в Севастополе жило немногим больше 40000 жителей, из них - около 30 000 военные. Это всегда был военный город, и мой муж был военным моряком. Мы думали, что главная опасность угрожает Севастополю с моря, и подступы с моря к городу были надежно защищены батареями береговой обороны. А вот со стороны суши орудий было мало... – Ангелина снова замолчала, ее лицо побелело, казалось, что воспоминания забирают у нее жизнь.

Маша сидела молча, боясь шелохнуться, она понимала, что происходит что-то необъяснимое, хотя сама не понимала, что именно.

- Тогда во флоте были такие флотоводцы, такие герои, на которых равнялись следующие поколения моряков. Обороной Севастополя руководил начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов. Его ближайшим помощником был вице-адмирал Павел Степанович Нахимов. Под руководством Корнилова и Нахимова защитники города начали спешно возводить укрепления, и Севастополь постепенно превратился в мощную крепость.

Севастополь успешно отражал атаки врага 349 дней.

Подумай только, Маша, – почти год!

Почти год непрерывных боев, смертей, страданий, тяжкого труда...

Все вышли строить оборонительную линию – мы

трудились и днем, и ночью. Работали не только солдаты и моряки, но и все жители города. Женщины работали наравне с мужчинами.

Одну батарею называли «девичьей» - она была полностью возведена нашими, женскими руками. Когда заканчивался день - мы зажигали фонари, факелы - и продолжали строить.

- Вы свершили подвиг, - тихо сказала Маша.

- Да что ты, милая, мы не думали тогда о таких мелочах. Для всех нас главным было - не отдать Севастополь врагу. Мы все готовы были умереть - но сломить нас было невозможно.

Все это время - все 349 дней - мы защищали Севастополь всем, чем могли. Сердца солдат, моряков, жителей города разрывались от страданий, но это нас не останавливало.

Только представь: флот врага был огромным - 55 фрегатов и 34 линейных корабля. А в составе Черноморского флота было всего 50 кораблей.

И тогда Корнилов принял решение затопить при входе в Севастопольскую бухту часть старых кораблей. Что значит для моряка потопить корабль? Сердце из груди вынуть.

Мы - матросские жены, стояли на берегу и выли от горя. Нестерпимо нам было видеть, как с кораблей, совсем недавно прославивших русские флаги во время Синопской битвы, сгружали на берег орудия и ядра, порох и парусину, провиант.

Плакали не только мы, женщины - молча глотали слезы матросы, офицеры, срывающимися голосами отдававшие приказы.

Адмирал Корнилов, командующий флотом, стоял на берегу бледный, как стена: он на смерть он посылал любимые всем сердцем корабли. Нахимов почернел от горя.

Корабли уходили на дно...

Вода ревела и стонала...

Стонали и рыдали люди, стоявшие на берегу...

Наконец, на воде остался только один корабль - «Двенадцать апостолов», на котором свой флаг держал адмирал Нахимов. На этом гордом красавце он победно ворвался в Синопскую гавань, этот корабль он любил, как своего ребенка. Не смог он смотреть, как его друг и соратник пойдет на дно, ушел с набережной.

Матросы в днище корабля пробуравили несколько дыр, а он продолжал держаться на воде, как ни в чем не бывало... Но корабль было необходимо потопить и «Владимиру» была дана команда открыть огонь. Раздались выстрелы...

Корабль продолжать стоять посреди бухты.

И тут один из матросов вспомнил, что на корабле осталась икона нашей заступницы Пресвятой Божьей Матери, он бросился в воду, до корабля доплыл, на борт поднялся, икону вынес и вернулся обратно.

И только когда он вернулся на берег, корабль покачнулся и медленно опустился под воду.

Всего на дно, в холодную могилу легло 75 боевых и 16 вспомогательных кораблей.

Они победили в своей последней битве — вражеские суда не вошли в Севастопольскую бухту.

Ты ведь помнишь Памятник Затопленным кораблям у Приморского бульвара? Он поставлен в память о той самой добровольной гибели нашей Черноморской эскадры.

Ах, Маша, сколько штурмов, сколько потерь за время обороны пережил Севастополь! Сколько раз нас штурмовали - уже не помню. Нам казалось, что этот штурм был бесконечным, что бесконечным было строительство разрушаемых укреплений, бесконечными были смерти, бесконечным было количество раненых. И всегда врагов было в несколько раз больше, и всегда у них было боль-

ше оружия. Но никого из защитников Севастополя это не останавливало.

Женщины – от матросских дочерей до княжон становились сестрами милосердия.

Говорят, что первой в мире сестрой милосердия была англичанка Флоренс Найтингейл. Но это не так. Английская дама прибыла в Крым только в апреле 1855 года.

А раньше ее – еще в 1854 году начала ухаживать за ранеными и вывозить их с поля боя Даша Михайлова, дочь матроса, погибшего во время Синопской битвы, которую люди прозвали Дашей Севастопольской.

- Мне знакомо это имя, - откликнулась Маша. - Все медсестры знают ее – она для нас пример.

- Даше было тогда 17 лет, она продала весь свой скудный скарб, купила на эти деньги повозку, уксус для дезинфекции ранений, запаслась тряпками для перевязки и начала помогать раненым и вывозить их с поля боя. Даше помогали и другие женщины - жены, сестры и дочери тех, кто оборонял город.

Они делали все, что было в их силах, на что хватало их скромных средств, севастопольцы им помогали - приносили ткань для перевязок, одеяла, пищу, воду. Я тоже была с ними, и помогала всем, чем могла. Даша себя не щадила – как-то раз ее лошадь, на которой она вывозила с поля боя раненых, убило осколком, и она стала вытаскивать раненых бойцов на себе. Один из офицеров увидел, что девушка тащит непосильный груз и распорядился дать ей другую лошадь.

Через некоторое время в Севастополь прибыл хирург Николай Пирогов, а за ним - три отряда сестер милосердия Крестовоздвиженской общины Санкт-Петербурга, созданной по предложению и на средства Великой Княгини Елены Павловны Романовой. Среди них были родовитые, известные женщины: баронесса Екатерина Будберг – сестра знаменитого писателя и дипломата

Александра Грибоедова, баронесса Эмилия Лоде, Екатерина Бакунина – внучатая племянница фельдмаршала Михаила Кутузова, представительница древнейшего дворянского рода Екатерина Хитрово, Елизавета Карцева, известные актрисы.

Так что, наши русские сестры милосердия начали трудиться на полях сражений раньше этой английской дамы.

Это были восхитительные, прекрасные, милосердные Женщины, которых справедливо и с нежностью люди называли «белыми голубками». Помощь раненым они считали своим долгом, переносили тяжкие испытания и при этом не теряли человечности и доброты.

Даша и ее соратницы перешли работать под руководство Пирогова.

Император Николай I приказал пожаловать Даше золотую медаль на Владимирской ленте с надписью «За усердие» и 500 рублей серебром. Такой золотой медалью награждались только те, кто уже был ранее награжден тремя серебряными медалями, но для Даши Севастопольской император сделал исключение. Только представь, Маша, что совершила эта девочка, если ее отметили такой наградой!

Как и Даша Севастопольская, золотыми медалями «За усердие» на Владимирской ленте были награждены сестры Екатерина, Васса и Александра Крыжановские.

Только вдумайся – Александре Крыжановской было всего одиннадцать лет!

Дети воевали и совершали подвиги! Севастопольские мальчишки сражались на бастионах рядом со своими отцами, а если их родители гибли – сами вставали к пушкам. К счастью, и мой муж, сражавшийся за Севастополь, и мой сын остались живы.

Каждый шаг, каждая пядь севастопольской земли была полита кровью солдат и матросов. На Малаховом кургане был смертельно ранен Корнилов.

Перед смертью он всем нам наказал – «Отстаивайте же Севастополь», и мы продолжили сражаться.

После гибели Корнилова стал руководить обороной Севастополя Нахимов.

Прошло немного времени - погиб и он, и многие герои Севастопольской обороны.

Для Севастополя наступили черные дни. Мы горевали по нашим погибшим командирам, соратникам, защитникам города, и продолжали отбивать атаки врага.

Я не буду тебе рассказывать всего этого ужаса. Просто представь - Малахов курган весь стал красным от крови.

Но самый большой ужас начался тогда, когда был отдан приказ об оставлении Севастополя. Мы никак не могли понять – почему мы должны отступить? Почему? Противник был отбит, мы не собирались сдаваться, а тут нужно отойти и оставить свои позиции неприятелю! Мы даже начали думать, что этот приказ – измена.

Матросы и солдаты нехотя отправлялись на плавающий мост – мы все надеялись, что приказ об оставлении города будет отменен. Но его не отменили.

Мост освятили и началась переправа.

Переправа с Южной стороны на Северную продолжалась всю ночь. Дул сильный ветер, в бухте поднялось большое волнение. Мост сильно трясло под тяжестью людей, орудий, повозок, время от времени его заливало водой, но переправа на Северную сторону продолжалась.

Одновременно с переправой войск в бухте были затоплены и последние корабли Черноморского флота.

Даже отступая, мы продолжали воевать: оставляя укрепления, команды не просто отходили – они оставляли зажженные фитили разной длины на каждом пороховом погребе.

Один за другим взлетали на воздух батареи и бастионы с оставшимися запасами снарядов и пороха! Вся Южная сторона полыхала, и внутри этого зарева

грохотали взрывы. Враги получили только пепел и груды камней.

Несмотря на то, что им удалось овладеть Южной стороной Севастополя, неприятель не решился предпринять дальнейшие активные действия. В начале 1856 года начались мирные переговоры, и вскоре в Париже был заключен мир.

Севастополь - один из прекраснейших городов Российской империи с его дворцами и театрами, библиотеками и храмами превратился в пепел, но не покорился врагу.

Мы вернулись домой. Нужно было восстанавливать наш родной город...

Маша сидела молча, пытаясь осознать услышанное.

- Сильно ты убивалась над своим моряком, так сильно, что умереть была вместе с ним готова, - продолжила Ангелина. - Может, твоя любовь меня сюда и позвала, не знаю. Но я не могла допустить, чтобы она погибла, чтобы ты осталась без своей любви. Вот и пришла помочь, чем смогу.

- Спасибо, - откликнулась Маша. - Мне без тебя было бы не выжить.

- Не за что, милая. - Ангелина обняла девушку за плечи. - Все будет хорошо, вернется твой Миша, чувствую я. Вернется.

Маша и Ангелина посидели на холме еще немного, а как стемнело, медленно двинулись к дому.

Они ждали своих...

Наши были уже близко.

Но каждая минута этого ожидания тянулась, словно год...

Ангелина стояла на высоком холме, и смотрела на море. На руины, в которые превратился гордый Севастополь, опускалась апрельская ночь 1944 года.

Ангелина чувствовала, что скоро покинет Машу, что ее время в этом мире заканчивается, и ее сердце разрывалось от беспокойства – ей трудно было оставить девушку, к которой они прикипела, как к дочери. Уже было известно, что наши войска начали победоносное наступление. Но эта победа могла стоить жизней многим и многим советским воинам.

Гитлеровцы пытались удержать Севастополь любой ценой. Численность немецко-фашистской армии составляла более 72 тысяч человек, 1500 орудий и минометов, 330 противотанковых пушек, 2355 пулеметов, 100 самолетов и 50 танков.

Предстояла тяжелая, кровопролитная битва.

Ангелина понимала это, она это чувствовала, возможно, как никто другой. И позвала помощь.

- Вставайте! Все вставайте! – она кричала изо всех сил.

В свой крик, в свой призыв она вложила все свои силы, всю свою любовь к родному городу, к этим людям, к морякам, солдатам, к подпольщикам, к старикам, женщинам и детям, сражавшимся вместе с ними против фашистов, к Маше, ждавшей своего Михаила, к родной земле, израненной, сплошь политой кровью своих защитников.

- Вставайте, павшие! Братья, сестры! Услышьте меня! Вставайте! Помогите живым! Дайте им сил! Бейте врага! Бейте захватчиков! За нашу землю! За наш Севастополь!

Вставайте!

Вставайте!!

Вставайте!!!

Земля задрожала, вспенилось море, где-то вдалеке раздался и разнесся эхом над морем прозрачный звук склянок.

Ангелина замолчала, прижала руки к колотящемуся сердцу, и улыбнулась. Она знала – ее услышали.

5 мая 1944 года в результате наступления Советской армии были прорваны немецкие укрепления у Мекен-

зиевых гор, а через два дня - 7 мая - была взята штурмом Сапун-гора.

К концу дня 9 мая - символичная дата! - Севастополь был освобожден. Под Севастополем в мае 1944 года противник потерял более 20000 человек убитыми и 24 тысячи пленными.

С 8 апреля по 12 мая силами Советского Военно-морского флота было потоплено 191 судно противника, при этом погибло 42 тысячи фашистов.

Наши войска потеряли при освобождении Севастополя около 6 тысяч человек.

В мае 1944 года война в Крыму закончилась.

Кто с мечом к нам придет...

Содержание

Нелли КОПЕЙКИНА	
Перерыв на войне.....	6
Раиса МАНУХИНА	
Могила неизвестного солдата	7
Сергей ДЕМИДЕНКО	
«Три поколения. Стихами о войне»	
Внук.....	8
Отец.....	9
Дед	11
Олег ШТЕЛЬМАН	
Пел соловей.....	13
Маці мая - Беларусь.....	14
Повар.....	15
Ким ЯРУШКО	
Они пропали	21
История Донская	22
Салют ветеранам	23
Счастье судьба подарила	24
Фортуна обошла солдата	25
Вспомним Войну и Победу	26
Слава	28
Память	29
Последний бой, Победа.....	30
Позабыть нам войну не дано	31
Это было в Берлине.....	32
Донская история	33
Буду я продолжать тебя	35
Наталья КОЗЛОВА	
Христофор	36
Валентина ШУНТИКОВА	
Никого и никогда.....	37
За Родину нашу	38

Галина СОКОЛОВА

***	39
Мое поколение	40
Поклоны	41
«Ветераны»	42
9 мая	43
Лесной брат	44
Бывает и такое.....	45
***	45
***	46

Ирина КОШЕЛЬ

9 Мая!	47
--------------	----

Феликс КУПЕРМАН

Сыновья.....	48
Моей тёте Анне, чей муж не вернулся из разведки	49

Марсель САЛИМОВ

Перевод с башкирского Николая Переяслова	
Память отца — навсегда.....	51

Виктор ПЕСЧАНСКИЙ

Верность.....	53
Ветеран.....	55
Дерево.....	56
И снова о войне	57
***	58
О женщинах.....	59
Поцелуй победы	60
Обратный путь	61

Сергей БАЙБАРА

22 июня.....	62
--------------	----

Виктор РЫМАРЕВ

Старое фото	63
-------------------	----

Злата Ната

Бессмертный полк	65
------------------------	----

Ирина ОВЧАРЕНКО

Август 1942.....	67
Достоинство	68

Ирина МИХАЛЕВА

Ржевская битва	69
Я был мальчишкой шестилетним	70

Иг Финн

Память победителей.....	72
Май, Ветеран	72
Застарелая боль.....	72
Огрызок.....	72
Зачем нужна была война?	73
Вне канона.....	74
Всего лишь час...*	75

Владимир КАПИЦЫН

Студенты-ополченцы	76
Полк бессмертный	78

Ринат АРХИПОВ

Письмо бойцу	79
--------------------	----

Владимир КУЛИБАБА

Мой май	80
Стройка 55.....	81
Тот 1955.....	82
Медаль.....	83

Сергей МОМДЖИ

22 июня.....	84
День скорби	86
Парад 07. 11. 1941.....	87
***	89
***	90
***	91
***	93
Парад Победы 25.06. 1945 г.....	94

Евгений МИГУНОВ	
Он защищал страну, как мог	95
Екатерина БЕЛОВА	
Бомбоубежище	96
Мольба матери	97
Защитникам.....	98
Богатырка.....	100
Цените, прошу, ветеранов!	101
Никита С. МИТРОХИН	
Какими мы были	102
Марк ТУРКОВ	
Война, которой могло бы не быть	104
Нелли КОПЕЙКИНА	
Слово перед боем.....	112
Валентина ЕФИМОВА	
Букет подснежников — на счастье.....	116
Иг ФИНН	
Искупил ли?	123
Татьяна МУРИНА	
Мой отчим.....	124
Светлана ТРЕТЬЯКОВА	
Ангел-Хранитель	126
Лилия КАШИРОВА	
Фашистская Эстония 1941-1944.....	128
Ким ЯРУШКО	
Горький хлеб	137
Судьба казачья	140
Джасур ИСХАКОВ	
Гроссмейстер	151
Матрос с эсминца «Гремящий»	162
Елена и Раиса ПЧЕЛОВЫ	
История солдата.....	173

Виктор БАБАРЫКИН	
Встреча	176
Алексей ЛУКШИН	
Ветеран.....	183
Алексей ШУТЁМОВ	
Самая короткая ночь	198
Алексей МИЛЬКОВ	
Архимед и война	200
Ольга КАТ	
22 июня. Скорбь без границ.....	205
Евгений КОСЕНКОВ	
Одни из многих.....	209
Дмитрий ВОЩИНИН	
Отрывок из романа «Птица-тройка»	215
Надежда МАКСИМОВА	
Если б не насмерть, ходил бы тогда тоже героем	219
Юрий БУКОВСКИЙ	
Снайпер Шурочка.....	222
Александр БОГДАНОВ	
Год – другой	225
Виктор ПУЧКОВ	
В наше детство вломилась война	238
Татьяна КОПЫЛЕНКО	
Севастополь. Женщины. Война. Любовь	263

Литературно-художественное издание

22 июня

Главный редактор: *Никита С.Митрохин*

Технический редактор: *Дмитрий Глазков*

Корректор: *Сара Муллон*

Верстка: *Алена Фомина*

*Некоторые произведения представлены
с сохранением авторской редакции*

Подписано в печать: 15.06.2018

Выпуск книги: 22.06.2018

*Издательство: НАП и СМИ «Русский литературный центр»
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20, 4.*

*Печать и распространение: Русский литературный центр
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20, 4.*

Лицензия на тираж: 9000 экз.

По вопросам приобретения обращаться:

info@litagency.ru

8-800-200-21-55